

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:

М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)

А. Г. Байбородин (Иркутск)

П. В. Басинский (Москва)

А. В. Кирилин (Барнаул)

В. М. Костин (Томск)

А. К. Лаптев (Иркутск)

Г. М. Прашкевич (Новосибирск)

Р. В. Сенчин (Екатеринбург)

М. А. Тарковский (Красноярск)

А. Н. Тимофеев (Москва)

А. Б. Шалин (Новосибирск)

Михаил Косарев

ответственный секретарь

Лариса Подистова

начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова

редактор отдела художественной литературы

Татьяна Седлецкая

редактор отдела художественной литературы

Михаил Хлебников

начальник отдела общественно-политической жизни

Евгения Акимова

редактор отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Карасёв

редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Н. С. Астанина

Верстка: О. Н. Вялкова

7/2023

Содержание

ПРОЗА

Антонина ГИЛЕВА. Кай-кайнын и браконьеры. Киноповесть.	3
Константин КОРОЛЕВ. Ради этого стоило прогуляться! Рассказы.	69
Сергей ПОДГОРНОВ. Опята. Рассказ.	89
Виктор ОТКИДЫЧЕВ. Это как посмотреть... Бывальщины.	116

ПОЭЗИЯ

Дмитрий КАРШИН. Сиреневые занавески. Стихи.	63
Сергей ВОЛКОВ. В последнем ряду. Стихи.	86
Владимир БЕРЯЗЕВ. Черта забвенья. Стихи.	127

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Борис АЛМАЗОВ. Итальянская фамилия.	132
---	-----

Народные мемуары

Полина КОНДРАТЕНКО. Германия 2020-х в эпизодах глазами студентки по обмену.	147
---	-----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Володя ЗЛОБИН. Потаенная проза — проза неявленных границ.	158
Лихое «Лихо» Кирилла Рябова. Круглый стол.	166

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Илья КУЗНЕЦОВ. Поэзия «Русской весны» как литературный факт.	176
--	-----

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

Ольга СВЕЧНИКОВА. Тимур Гуляев. Художник одного театра.	187
---	-----

Авторы номера	191
---------------------	-----

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Антонина ГИЛЕВА

КАЙ-КАЙНЫН И БРАКОНЬЕРЫ

Киноповесть

Глава 1

В яранге из палок и оленьих шкур есть на что посмотреть — ее создатель щедро завесил почти все пространство охапками высушенных трав, «ловцами снов» и амулетами. На полу — ветви кедрового стланика, подушки из меха, тут и там разбросаны колотушки, примитивные плоски и ступы из дерева. Но разглядеть все это времени почти нет.

Жарко, темно, чадят светильники на жире.

Бум!

Шаман с бубном, в расшитой бисером парке наклоняется над двумя гостями. Страшно? Еще бы, капюшон как морда волка! Так и ждешь, что хвост сзади мелькнет или лапа когтистая вместо руки до тебя дотронется.

Бам!

Шаман бьет еще и еще, и уже непонятно, за чем следить — за монотонным звуком, за узорами из красных и белых полос на лице шамана или за языками пламени небольшого костра. Он почти спокойно горит посередине яранги, но иногда выстреливает искрами.

Бум!

Мужчина и женщина средних лет в футболках и джинсах даже съеживаются, когда проводник в мир таинственного нависает над ними коршуном.

— Духи нижнего мира приветствуют вас, гости из далеких земель! — рычит шаман по-корякски. — Духи предков готовы рассказать вам...

Но тут, где-то в другом углу, реальность врывается в ярангу голосом модной певички и незатейливым набором слов про кровь, любовь и то, что кто-то там кого-то никогда не забудет.

— Ой, простите! — У шамана оказывается нежный девичий голосок, да и прыть тоже не как у тысячелетнего демона. — Сейчас... извините...

За шкурой лисицы на полке спрятаны современная беспроводная колонка и смартфон. Гости переглядываются, смеются, поднимаются и идут к выходу.

— Спасибо, мы поняли в общих чертах, — на ходу говорит турагент Ольга.

— Да, отличная часть программы! Чуть-чуть доделать надо и плейлист для представления подготовить, чтобы таких накладок не было, — улыбается турагент Дима.

Они покидают мрачную темноту коряжской яранги и выходят на задний двор дома будущего экскурсовода Ивнэ. Вот и она сама — с облегчением стягивает с себя парку и аккуратно кладет бубен на грядки с укропом. Ярангу для демонстрации она построила прямо в огороде. Если партнеры из Петропавловска-Камчатского согласятся продавать ее туры в село Тилиль, овощи она купит осенью. Контейнер. Или два. Но зелень и редиску на всякий случай посадила. Мало ли что.

— Вы с вентиляцией что-нибудь придумайте. Или представление покороче сделайте. — Ольга жадно дышит.

— Вытяжку поставьте, — предлагает Дима. — Отличная «фишка» с предсказаниями и гаданиями, у нас такого еще не было.

Ивнэ без шаманского наряда оказывается вполне миловидной двадцатилетней девушкой с короткими блестящими черными волосами, смуглой кожей и карими глазами. Она не полная, но крепко сбитая и немного коренастая, как и все коряки.

— Это сборная конструкция. Я добавлю пару окошек, когда в лесу ставить будем. — Ивнэ с надеждой слушает вердикт своих будущих партнеров.

— Хорошо бы еще в костер что-нибудь засандалить... — мечтательно тянет Дима. — С искрами, дымом цветным!

— Никаких спецэффектов! Нас госпожарнадзор проверками замучает, — обрывает полет его фантазии Ольга. — Вся пиротехника, пожалуйста, на открытом воздухе.

— А что дальше? — Дима смотрит на Ивнэ.

— Пеший поход по окрестностям села Тилиль. С вооруженной охраной, конечно: у нас тут медведи бродят. Безопасность туристов превыше всего. Чистый воздух, горные реки... И трехчасовая рыбалка в одном из самых заповедных и самых красивых мест Камчатки! — Ивнэ изо всех сил старается не тараторить.

Если бы Диму, Ольгу и Ивнэ кто-то сейчас снимал с верхнего ракурса и заставил камеру взмыть вверх, он бы увидел, как небольшое камчатское село Тилиль становится точкой на карте среди гектаров первозданной природы — леса, рек, озер и вулканов.

...А потом камера плывет по небу несколько километров и так же быстро падает вниз — на берег реки, заваленный мешками с цементом и стройматериалами. Несколько «камазов», бетономешалок и кранов работают одновременно и создают в живописном уголке промышленное чудовище. Рыбозавод на месте участка лицензионного лова оказывается сюрпризом не только для визитеров из Петропавловска-Камчатского, но и для Ивнэ.

— А другое место для рыбалки тут есть? И чтобы без проблем с законом? — Дима разочарованно вздыхает.

— Тут еще неделю назад «лицензионка» была для частников... — Ивнэ беспомощно оглядывается. — И для коренных.

Через час Ольга и Дима ждут посадки на вертолет на специальной площадке возле села. За пределами грунтовой посадочной полосы толпятся несколько десятков человек с сумками, пакетами и чемоданами. Они ждут, пока пилоты откроют салон, выпустят прилетевших и выгрузят багаж.

— Нам очень нравится ваш тур! — Ольга сочувственно улыбается Ивнэ.

— Мы готовы предлагать его туристам. Но мы не можем везти людей без рыбалки! — объясняет Дима. — Нужен «пакет», понимаете, все за один день: и шаманские пляски ваши, и ловля на спиннинг. Утром прилетели, вечером улетели. Если делать дополнительную остановку на вертолете в другом районе, стоимость вырастет в разы, на это никто не согласится.

— Я договорюсь! — Ивнэ надеется, что ее голос звучит уверенно.

Наконец дверь вертолета открывают изнутри и выпихивают наружу железную лестницу. Турагенты становятся в очередь желающих улететь.

— Будем ждать! Только быстрее! Через пару недель — уже сезон! — напоминает Дима.

Ивнэ кивает и про себя подсчитывает: сейчас на дворе начало июня и у нее остается дней десять, чтобы решить вопрос с рыбалкой.

— Я все устрою! До свидания! — Ивнэ машет турагентам.

Из вертолета выпрыгивают два бравых, слегка нетрезвых и очень веселых парня. Ивнэ знает их: это ее бывшие одноклассники Леха Зиновьев и Саня Соловьев. Зиня и Соловейчик, как их прозвали еще в детском саду. Оба в дембельской военной форме, с рюкзаками. Но Леха — с длинной, не по уставу, прической, с фуражкой набекрень, расхлябан и небрит. А Саня — выбрит, подстрижен, в выглаженной одежде. Ивнэ обоих не видела давно. Знает только, что они окончили одиннадцать классов, год пинали балду, а затем улетели в краевой военкомат.

Турагенты больше не оглядываются и поднимаются в вертолет.

— О, Инга! — Саня узнал девушку.

— Ивнэ. Я теперь Ивнэ, — фыркает корячка. — А вы откуда такие нарядные? Все, отслужили?

— А то! — Леха приосанивается, грудь колесом.

Саня смотрит на него и повторяет те же движения. Видно, что он в этой паре ведомый. Леха — высокий, косая сажень в плечах, русоволосый и сероглазый, вечно лыбится и шутит. А Саня — ему по плечо, кареглазый и темноволосый «пельмешек», который еле-еле успевает за своим лучшим другом. Они и жили рядом, и сидели в школе за одной партой, и долг Родине ушли отдавать вместе, и даже там, похоже, не расставались.

— Странно — ни оркестра, ни красной ковровой дорожки. — Ивнэ театрально всплескивает руками.

— Леха сказал... Ну то есть мы решили сюрприз своим сделать! — делится Саня.

— Молодцы. Инфаркт — лучший подарок маме, — ухмыляется Ивнэ.

— Имя поменяла, а заразой как была, так и осталась, — тянет Леха.

— Как была, так и осталась... — Саня смотрит на друга, кивает и подхватывает, повторяет, как всегда. Но тут же спохватывается: — Извини, Инга.

— Ивнэ. По-корякски — «говорящая женщина». Для вас — Ивнэ Сергеевна. Пока вы там маршировали, я уже на директора туристической фирмы отучилась. В Питере! — хвастается их собеседница.

Леха достает из кармана початую фляжку, явно не с соком, отпивает из нее и передает Сане.

— Санек, а ты все: «медвежий угол, медвежий угол»... Вон какие люди и дела у нас! За Тилиль!

— За дружбу! — салютует фляжкой его товарищ.

Саня пьет и вдруг замирает. А за ним — и Леха, и Ивнэ. Они смотрят, как к вертолетной площадке на красном джипе-пикапе лихо подъезжает еще одна их старая знакомая. Рыжая кудрявая девушка, зеленоглазая, лицо сердечком, всегда рисуется. Вылитая амазонка, ее хоть в мешок из-под картошки заверни — вслед будут смотреть все мужчины от шести лет до ста. Зовут амазонку Катя. Рядом с ней на пассажирском сиденье джипа притулился ее отец, Богдан Иванович, полноватый хитрый торгош.

Катя открывает дверь, спрыгивает и идет к кабине пилота. Тот вдвое старше нее, повидал и шторма, и тайфуны, и аварийные посадки в тайге, но при виде главной красавицы Тилиля выпрямляется и проводит по щетине — жалеет, что не побрился.

— Привет. Сегодня-то муку привезли? — Катя даже не говорит, а мурлычет.

— Сейчас выгружу, Катенька! И соль тоже — как просили, по заявке. — Пилот очарован. Обычная картина.

— Накладные у папы сверьте, пожалуйста. — Катя кивает на джип.

Богдан Иванович достает из бардачка бумаги, открывает дверь и, вывалившись из машины, направляется к пилоту. Последний явно хочет пообщаться не с ним, но вынужден нырнуть обратно в кабину, вернуться оттуда с документами и разговаривать с торговцем, а не его дочерью.

Тем временем Леха и Саня одновременно вздыхают.

— Старая любовь, смотрю, не ржавеет. — Ивнэ с ехидцей смотрит на парней.

— Мальчики, как вы вовремя! — Катя, заметив друзей-дембелей, улыбается так, будто гнала на вертолетную площадку только ради встречи с ними.

— Катюха, салют! Скучала? — Леха пытается обнять красотку, но она ловко уворачивается.

— Привет, Катюша, — блеет в сторонке Саня и краснеет.

— Помогите папеньке, пожалуйста!

Рыжей бестии не приходится повторять дважды. Леха и Саня наперегонки кидаются к грузовому отсеку, берут по мешку и несут к багажнику пикапа.

Ивнэ закатывает глаза. Катя нарочито мило улыбается парням и шепчет бывшей однокласснице:

— Завидуешь?

— Поражаюсь, — так же тихо отвечает Ивнэ. — Восхищаюсь.

— Копейка рубль бережет. — Катя аплодирует добровольным помощникам. — Зачем нанимать грузчиков, если и так желающих полно? Ну как, договорились на пятьдесят процентов?

— Да кто сувениры из бисера по такой цене брать будет? — шипит корячка. — Давай пятнадцать процентов наценки. Я и так это все на Сахалине закупила, доставка «золотая» вышла!

— Я лучше в ларьке лишнюю полку под водку оставляю. Точно разберут, — пожимает плечами Катя.

— А я тогда туристов на километр к твоему ларьку не подпущу. Через сопку маршрут сделаю, — наносит решающий удар Ивнэ.

— Сорок.

— Двадцать.

— Тридцать. — Торговаться Катя любит.

— Договорились. — Ивнэ расслабляется: с такой арифметикой она все равно остается в плюсе. — На следующей неделе мне еще брелки из кости моржа и мамонтов передадут.

— Хорошо, — раздумывает владелица ларька. — Но смотри, брать не будут — уберу с витрины. Без обид.

— Ладно. Ты подумай насчет летней веранды, типа кафе на открытом воздухе, возле ларька. Чай там, кофе, бутеры какие-нибудь... Шашлык из лосося. Давай! — Ивнэ делает шаг в сторону, потом кричит парням: — Пока, защитнички Родины!

— Просчитаю, потом обсудим. Чао! — Катя отворачивается и машет рукой Лехе и Сане, пока те закидывают последние мешки в багажник пикапа.

Вечером того же дня, уже после заката, протрезвевшие и переодевшиеся дембеля сопровождают Катю на променаде. Место для прогулок тут одно — берег реки за околицей. Здесь новенький деревянный пирс, к столбам привязаны лодки. Горят костры, возле них готовят свои моторки к путине рыбаки. Кто-то красит, кто-то разбирает и собирает двигатели, не обращая внимания на праздно гуляющих молодых людей.

Катя вальяжно идет по тропинке, в шаге позади от нее бредут Саня и Леха, кидая друг на друга недобрые взгляды. То один, то другой пытается нагнать Катю и пойти рядом, но они мешают друг другу — толкаются, загораживают проход.

— Что расскажете, мальчишки? — вздыхает Катя, делая вид, что не замечает их возни, и обмахиваясь от комаров сломанной на ходу веткой.

— Сань, слышал? К тебе во множественном числе обращаются, — смеется Лешка.

— Как твой день, Катенька? — Саня наконец-то догоняет красавицу.

— Товар приняла, товар разложила, заявку на товар оформила. — Она смотрит вперед, но мыслями витает где-то среди накладных и ценников.

— Как интересно, Катенька! А я вот на работу завтра выхожу. — Саня чуть виновато смотрит на Леху. — Я еще из части позвонил, на мази все.

— Молодец, — со скукой в голосе хвалит «пельмешка» красотка.

Троица доходит до высокого обрыва. В пяти-шести метрах от них в реке видна песчаная отмель, как остров посреди бурного течения.

Леха опять тянется к Кате, та ловко уворачивается и решает оживить обстановку:

— Кто первый до острова и обратно, того поцелую!

Саня еще оценивает задачу, а Леха уже метнулся к рыбакам и несется обратно с веревкой. Подбирает на берегу сук, наматывает на него веревку. Он не собирается нырять и плавать. Делает «тарзанку», закидывает веревку на толстую ветвь лиственницы на берегу и, проверив, как держится, с криком разбегается и прыгает через воду на отмель. Приземлившись, выпрямляется и щегольски проходится «колесом».

Соловейчик пользуется моментом и обнимает Катю за талию, тут же машет Лехе. Катя смеется, выворачивается из рук Сани и сталкивает его в реку с обрыва.

В камчатских реках никто не плавает, можно вырасти на берегу и ни разу не окунуться: слишком быстрое и стремительное течение, а вода — всегда ледяная. Где Леха научился плавать, он и сам не помнит, но в здешних местах этого почти никто не умеет, и Соловейчик-то уж точно. Саня уходит под воду, и Леха бросается спасать друга.

— Скучные вы кавалеры! — поддразнивает ухажеров Катя.

Леха доплывает до Сани, хватает его и тащит к берегу.

— В ЗАГС пойду только с тем, кто мне квартиру в Петропавловске купит. — Катя разворачивается и уходит, бросив напоследок: — Там и свадьбу сыграем.

Саня вырывается из Лешкиных рук, пробует ногой дно — можно стоять.

— Катя! Я в рыбнадзор устроился, к Семенычу. Катя! Подожди меня до осени! — Саня принимает ее шутку за правду. Год провел вне Тилиля, игры Катькины забыл.

— К упырям этим? Тьфу! — Леха выходит из воды.

— Нормальные они. И Семеныч нормальный, — огрызается Соловьев.

— Катюха! Ты с ним от скуки умрешь. Меня до осени подожди! — кричит Зиня вслед девушке.

Саня поскользывается на камне и падает в воду. Хорошо, что тут всего-то по пояс. Отлично, что Катенька не видит. Плохо, что лучший друг, кажется, тоже принял поддразнивание рыжей всерьез.

Глава 2

Ивнэ возвращается домой примерно в то же время, когда на другой стороне села Катя занимается любимым делом — морочит головы мужчинам. Каждый развлекается как умеет. Ивнэ вот полдня слонялась по берегу реки, которая внезапно стала стройплощадкой. К руководству ее никто не пустил, так что корячка просто изучала план будущего размещения предприятия по контейнерам и технике. Если повезет, они застроят не весь участок, а для туристов со спиннингами много места не надо, хватит и полусотни метров.

К хозяйке подлетает пес-кавказец Полкан. Он на цепи, но привязан к проволоке, так что может свободно перемещаться по периметру двора. Когда ярангу смотрели турагенты, Ивнэ прятала собаку в доме, а перед уходом выпустила размяться.

— Полкаша! — Девушка треплет пса за холку. — Соскучился, мой хороший? Подожди, скоро вынесу поесть...

Только сейчас она замечает, что возле входной двери на завалинке сидит старейшина общины села Тилиль — Спиридон Кондратьевич. Это седой коряк в старом замызганном и промасленном камуфляже — местной «униформе». Он раза в три старше Ивнэ и кажется ей невысказанно древним. Девушка подходит, и он с трудом поднимается ей навстречу.

— Эх ты, охранничек! — Ивнэ укоризненно смотрит на собаку. — Даже не твякнул. Здравствуйте, Спиридон Кондратьевич!

— А кто за ним смотрел, пока ты в Ленинград моталась? Кто его кормит, пока ты по лесам шастаешь? — Старейшина сердито глядит на девушку. — Скажи спасибо, что на тебя, как на чужую, не гавкает.

Ивнэ не приглашает старика в дом, он сам идет следом. Она надеется, что он только за травами явился, но боится, что добрые люди уже донесли ему о ее планах. А ведь она всего-то парой слов обменялась с соседями по пути домой...

В доме темно. Ивнэ включает свет. Лампочка озаряет единственную комнату с печкой посередине. За печкой кровать и шкаф. На полу — медвежьи и волчьи шкуры. На стенах на гвоздях — бубен шамана, шапки из меха, маска ворона, плоские фигурки и маски чукотского божка-пеликена из кости и дерева, «ловцы снов».

— Опять артрит? — уточняет Ивнэ.

Старейшина кивает. Ивнэ идет к полкам, на которых разложены мешки с высушенными травами и листьями, начинает искать нужное снадобье.

— Ты чего народ баламутишь, дочка? — Спиридон Кондратьевич решает усовестить юную землячку.

Он был в этом доме не раз, и его тревожат перемены. В этом году в «столовой» появился чистый уголок — новенький письменный стол. На нем — ноутбук, стопками лежат туристические брошюры и буклеты. В десятках картонных коробок рядом — груды упакованных сувениров из бисера и камней.

Ивнэ выбирает пучки травы из разных мешков, идет на «кухню», находит пакет, кладет в него травяной сбор.

— Кипятком заварить и настаивать пару часов. — Она протягивает пакет Спиридону Кондратьевичу.

— Да помню я. Спасибо... Так все-таки что за агитацию ты сегодня развела?

Ивнэ садится за стол, открывает крышку ноутбука и включает его. На заставке фото маленькой девочки и ее бабушки в шаманском наряде возле костра. Ивнэ смотрит на изображение спокойно, а вот ее гость громко вздыхает.

— Пить три раза в день, — роняет Ивнэ. Но потом все же решает объясниться: — Это сход общины. Для защиты законных прав коренных народов Севера.

— А тебя уже старейшиной выбрали?

Ивнэ криво улыбается.

— Молодежь! Лишь бы гундеть да шуметь. Кто бы еще работал! — возмущается Спиридон Кондратьевич.

Ивнэ резко разворачивается, встает, подходит к старейшине.

— А как вы рыбу будете ловить? Где? Если «лицензионку» для простых людей отрезали? А квоты наши? Они же пропадут! — Ее голос чуть не срывается на крик.

— Слушай, ну наверху-то не совсем дураки сидят! Надо письма написать — обращение к главе района, потом к губернатору. Общественность подключим, ассоциации и союзы... Всегда договориться можно! Но ты же не из таких. Ты — как бабка, как прабабка. Шаманом сама себя назначила...

Старейшина хмыкает, снимает со стены одного из пеликенов, вертит в руках, потом возвращает на место.

— Ну тогда за мазью для ног зимой беги к кому-нибудь еще, кому должность почетной шаманки досталась. Желающих-то полно! А уж знахарок вообще пруд пруди. — Ивнэ издевательски разводит руками.

— Ну погорячился... Но все-таки! Как будто я не знаю, что ты с райцентром сговорила туристов сюда возить и нас, как в зоопарке, показывать!

— Почему бы и нет, если они деньги платят? — Ивнэ знает, что разговор бесполезен, но не останавливается.

— Деньги! Одно на уме. Вот это, — показывает Спиридон Кондратьевич на маску пеликена, — не коряжский, а чукотский божок. А этот — вообще попса. Американцы про него сказок насочиняли. — Он подходит к «ловцам снов», проводит по ним рукой. — Вот эта ерунда — поделки североамериканских индейцев. Штатовские хиппи их по всему миру распропагандировали... Все в кучу смешала, лишь бы бусин и перьев побольше! — Старейшина качает головой.

— Ну и пусть! Кто об этом знает? Меня в Питере учили привлекать туристов устоявшимися брендами, а не изобретать велосипед. Кто будет разбираться, чем мы от чукчей или индейцев отличаемся!

— Скоро и мы, коряки, того знать не будем — с такими-то... шаманами!

Старейшина поворачивается и уходит из дома Ивнэ не прощаясь.

— Я все равно пойду на рыбозавод! — говорит девушка ему в спину. — Можете дома сидеть. А люди — со мной. Им рыба нужна!

Она возвращается к ноутбуку и пишет сценарий встречи туристов. Иногда сверяется со словарем русско-корякского языка, потрепанной книжицей, изданной еще во времена СССР. Ивнэ и учить-то язык предков начала после школы, пару лет назад, когда поступила на менеджера туризма в колледж в Северной столице.

Ивнэ в себе не сомневается: у нее вся жизнь — препятствия и их преодоление. Выжила в интернате после смерти бабушки — уж и с московскими рыбопромышленниками как-нибудь справится!

Глава 3

Леха лебезит перед отцом с самого утра. Павел Александрович — такой же высокий, только слегка раздобревший с возрастом, да волосы уже наполовину седые — поглядывает на отпрыска понимающе, но пользуется его стремлением угодить. Донесли уже соседские кумушки, где вчера Зиновьев-младший купался и что Катька (вертихвостка, да сколько можно!) на берегу во всеуслышание пообещала.

И огород сынуля полил, и теплицу прополол, и двор подмел. Теперь вот красить лодку-моторку помогает. Она стоит на самодельном «сходе-развале» во дворе крепкого каменного дома. Двести квадратов, бетонный фундамент. Такого «дворца» ни у кого в Тилиле нет — да и на пару тысяч километров в округе тоже, и не потому, что кругом лес и дикие звери. А потому что Павел Зиновьев ко всему подходит основательно. В кого вот его младшенький такой озорной пошел, он не понимает.

— Ты во сколько вчера домой заявился, солдатик? — Павел Александрович делает вид, что ничего не знает. — Мать, как дура, скатерть накрахмалила, стол накрыла. А он зашел, сумку кинул, помылся, расфуфырился — и фюить!

— Да мы с Саней по старым корешам прошлись, — темнит Леха. — Батя... дай лодку на лето!

Отец выслушивает, молча вlepляет сыночку смачную затрещину и уходит в дом.

Леха и на кухне продолжает канючить и спорить. Мать тут же вручает ему ведро картошки, таз с водой и нож. Чего без дела сидеть?

Зиновьев-старший приносит из сейфа карабин и свои «сокровища» — хлопковые патчи, масло, растворитель омеднения, деревянные шомпола. Жена его Галина вздыхает: еще минут десять — и на столе опять будет грязная от масла ветошь и полуразобранное оружие.

Леха чистит картофель и сопит.

— А потом эта владычица морская что захочет? Золотой снегоход? — Павел Александрович мочит хлопок в масле, берет в руки карабин, шомполом протягивает патч сквозь канал ствола.

— Батя, да что такого-то? Правильно она все разложила. Я — добытчик, мужик. Ну дай лодку! — не унимается Леха.

Мать неодобрительно смотрит на сына, но пока молчит, помешивает бульон в кастрюле, сыплет приправы. С кухни не уходит: предчувствует, что ее любимые мужчины скоро опять поссорятся и начнутся, как обычно, гром, молнии, кулак по столу, хлопанье дверями...

— Мужик?! Я, когда сюда при советской власти приехал, у нас с твоей мамкой один чемодан на двоих был, книжки, одежда на себе, и варежки мне баба Лида сунуть успела. Все сами!

Эту историю отец рассказывает в сотый раз, и, как всегда, с удовольствием. А вот сынуле ее слушать давно надоело.

— Опять ты начинаешь! Жизнь теперь другая.

— Люди, смотрю, не меняются. И рыбку съесть... — Отец делает паузу, пока смачивает новые патчи.

Мать громко стучит поварешкой по стенкам кастрюли.

— ...и костями не подавиться. — Павел Александрович косится на супругу.

— Что, я в тайге сам не справлюсь? — гнет свою линию дембель. — Полтонны икры сделаю. Легко!

В двадцати километрах от села Тилиль, на берегу нерестовой реки, без лишних глаз и ушей, соседи Зиновьевых радуются жизни. Худой и юркий девятнадцатилетний Толик и его сверстник, неуклюжий недотепа Славик сворачивают сети. Горбуша прет так, что они за утро перевыполнили свой личный план на день. Хороший год, урожайный. Четыре года назад лосось нерестился добротнo, вот и вернулась поросль с красно-оранжевыми от икры боками в родную заводь.

Но не может все идти как по маслу. Сначала парни слышат вдали катер рыбоохраны, а через полминуты его видят — как и инспекторов на борту.

Толик и Славик бросают сети и несутся к лесу, но из зарослей им навстречу выходят еще двое рыбаков — в форме с шевронами, за плечами ружья.

— Пошли обратно! Документы! Свои. На рыбу. Быстро! — Инспекторы без труда ловят незадачливых браконьеров и тащат их обратно к реке.

Леха со злости чистит картошку так, что от нее остается «горох».

Павел Александрович продолжает смазывать карабин и все еще надеется достучаться до сына:

— Лет десять ты себе сделаешь. Строгого режима. Еще и сопротивление представителю власти, и все на свете «нарисуют» — ахнуть не успеешь!

— Сынок, папка дело говорит. Что еще за «Последний герой» эта Катька устроила? Вот я дойду до ее отца! Вырастил королевишну! — Лехина мать грозит кому-то поварешкой.

Во двор их дома молнией влетает Толик — в том же виде, как был на реке: в камуфляже, накомарнике и грязных сапогах. Он запрыгивает на крыльцо, врывается в дом и выпаливает, едва не падая на колени:

— Дядь Паш, выручайте! Теть Галь, помогите!

— Толян, ты чего? — Павел Александрович отодвигает карабин по-дальше.

— Толик, держи, миленький! — Галина наливает воды в стакан и несет беглецу.

Глаза у Толика безумные, движения дерганные, он не может стоять на месте. Надо, надо бежать дальше, но вдруг и тут по-соседски помогут...

— Нас рыбники на ключе накрыли. Два часа дали... — Парнишка в пару глотков выпивает воду и протягивает стакан обратно Галине. — Славик у них... Если не принесу, обоих закроют!

— Сколько? — Отец Лехи уходит в другую комнату.

— Дайте хоть сколько-нибудь... Двести косарей запросили, шакалы! — Толик с надеждой смотрит вслед Павлу Александровичу: вдруг у того будет вся сумма.

— Слушай, у меня тысяч тридцать если есть в заначке, уже хорошо. Егерям сам знаешь как платят, — доносится голос Зиновьева-старшего.

— Спасибо! Я наберу по селу, — отзывается горе-браконьер.

Зиновьев-старший входит на кухню с тонкой пачкой наличных.

— На. Это Семеньч озверел? — интересуется он.

— Спасибо, дядь Паш! Я осенью все отдам. Нет, областные нагрянули. Семеньч не знал, так бы подмигнул вчера...

Толик забирает деньги и несется дальше — обивать пороги других соседей.

Родители смотрят на Леху. Тот молчит. Обычная на самом деле история во время путины. Не нашел «крышу» — будешь играть в кошки-мышки с представителями закона и вот так носиться по селу, выкуп собирать...

Пара часов для Славика тянется бесконечно долго. Успеет ли Толик найти деньги и вернуться или бросит товарища? Сам бы он возвратился? Парнишка наблюдает, как инспекторы пакуют сети и снасти, считают контейнеры с икрой. Он слишком занят своими переживаниями и не обращает внимания на противоположный берег, где за кустами стланика в человеческий рост почти комфортно расположились двое мужчин в новеньком служебном камуфляже.

Начальник районного отдела рыбоохраны сорокапятилетний Семеньч не без удовольствия наблюдает за суетой на берегу. Ему в этот раз самому бегать не пришлось: коллег навел — и любуйся. Староват он уже за нарушителями гоняться, это дело молодых да резвых, чином пониже. Лысый и крепко сбитый Семеньч много времени проводит на реках, так что, в отличие от сверстников, брюшком и вторым подбородком не обзавелся. Но чем дольше он работает, тем меньше хочется всех этих походов и дикой природы. Обрыдло! В баньку бы, шашлычок, коньячок, музончик...

Но к баньке нужна беседка, к беседке — тропинка, цементом залитая, до цемента — щебень и гравий. Знал бы, не строил бы ту баньку, в сауне бы лучше парился раз в неделю с мужиками, причем в райцентре. Дешевле бы вышло.

— Семеныч, спасибо за подгон! — благодарит его по мобильному коллега из областного управления.

— Спасибо на хлеб не намажешь. — Семеныч делает многозначительную паузу.

Тут на моторке к берегу причаливает Толик. Торопится, чуть не падает в воду, когда выпрыгивает. Деньги у него с собой — достает из кармана, машет ими инспекторам, которые остались возле Славика.

— Десять процентов. Еще начальству надо отстегнуть. А эти балбесы, — коллега имеет в виду Толика и Славика, — с тобой не поделились, что ли?

— Да маловато они нынче платят, — жалуется Семеныч. — Инфляция же в стране...

Глава 4

Рыбозавод москвичи собирают в рекордные сроки, успевают почти к началу путины. Может, они и не жители столицы, но для камчадалов все, что дальше Сибири, — загнивающий Запад и все, кто оттуда приезжают, — «москвичи». Будь они хоть из Смоленска, хоть из Белгорода. Хорошие люди у местных работу не забирают.

Новые владельцы участка на реке привезли не только контейнеры, технику и сети, они даже рыбаков, охранников и рыбообработчиков закинули в Тилиль с материка.

Леха не знает, как его отец договорился, но он оказался единственным местным и единственным мужчиной на сорок сотрудниц в цехе рыбопереработки.

Зиновьев-младший трудится здесь уже две недели и потихоньку звереет от однообразных действий и рыбной вони. На нем резиновые сапоги, фартук и перчатки. Он по двенадцать часов в сутки проводит перед оцинкованным технологическим столом в первом секторе, куда на контейнерной ленте через окошко с улицы передают тушки рыбы. Здесь будущие консервы лишаются хвоста и головы.

Во втором секторе рыбообработчики небрежно чистят тушки от чешуи, рассекают рыбе брюхо, выпаривают молоки и икру, не глядя раскидывают их по разным контейнерам. Требуху сбрасывают в желоба с проточной водой. За каждым из столов есть шланг, и им постоянно приходится пользоваться. Кровь и ошметки внутренностей часто летят на пол мимо стоков и столов.

Ближе всех к Лешке стоит пятидесятилетняя Лидка, разбитная хохотушка откуда-то не то из Нижнего, не то из Верхнего Новгорода. В первые дни они с ней тресали взახлеб, шутили и юморили, но с каждым днем желания разговаривать все меньше и меньше.

Схватил рыбу, отрубил голову, шмяк по хвосту, передал дальше.

На секунду Зиня отвлекся и посмотрел, как проточная вода уносит отходы рыбообработки. Он знает, что москвичи поленились сделать нормальный отстойник снаружи, за стенами. Рыбьи кишки смывают просто в большую яму с водой всего в сотне метров от цеха. Гниль бродит, появляются и лопаются пузыри, в воздухе роятся мухи. Это место отделено изгородью из колючей проволоки в человеческий рост. Такое ограждение не выдержит даже годовалого медведя в пару центнеров весом. А жители леса обязательно сюда придут: они знатные любители тухлятины. Зиновьев-младший уже несколько дней думает, не подойти ли к мастеру и не сказать ли об этом. Но мастер не местный, с гонором и вряд ли станет слушать паренька из камчатского села.

Лешка устало смотрит на бесконечные ряды рыбы на конвейере и пытается вспомнить, ради чего он согласился здесь работать. Лучше бы к отцу младшим егерем пошел в заповедник. Но тогда бы он все лето провел вне села, а Соловейчик, похоже, и правда возомнил себя претендентом на руку и сердце Катюхи...

Рыба — так рыба.

Санек Соловьев за одну эту неделю получает сразу три «боевых крещения» — три задержания браконьеров на разных реках. Он бегаёт, орет, боится потерять табельное оружие (которым на самом деле никто не пользуется, но положено носить), старается не отстать от коллег и отчаянно про себя молится: только бы не споткнуться, только бы не упасть, только бы не стать посмешищем на новой работе.

В глубине души Соловейчик думает, что ему тут не место, тут бы Лешка показал себя во всей красе, но друг наотрез отказался идти в подчинение к Семеньчу. Да и зарплата на рыбозаводе оказалась в несколько раз выше, чем у рядового инспектора рыбоохраны.

А что Семеньч? Не такой уж и зверь оказался; наговаривают, наверно, на него в селе. Родители Саньки ни рыбалкой, ни охотой не увлекаются, оба работают в местной школе. Папа — директор, мама — учительница. Рыбу соленую, копченую и вяленую им в избытке поставляют семьи учеников. Икру красную слабосоленую банками, вместо цветов, приносят на День знаний, День учителя и Новый год. Как праздник — так в подполе места свободного нет. В общем, рядовые заботы среднестатистического селянина — как кижучем и неркой на зиму запастись, подосиновиков и жимолости с брусникой набрать — их семью обходят стороной. Как и опасения, что верша в ручье возле дома — ловушка для рыбы из проволоки и сетки с входом-воронкой — обернется таким штрафом, что никакой горбуши или кеты в жизни больше не захочется.

От мыслей о семье Саню отвлекает Семеньч. Они вдвоем идут самым тихим, неслышным ходом на катере мимо зарослей стланика по одному из притоков реки Тилиль. Семеньч меняет курс — поворачивает на небольшой островок с огромными камнями; за ним еще метров десять воды, а потом уже берег реки. Вот в этом самом месте, между островком

и берегом, от чужих глаз прячутся двое мужчин-пенсионеров на резиновой лодке. На борту поставили удочки, достали чай в термосе и бутерброды в фольге, жуют, тихо переговариваются — и не успевают выкинуть снасти и улов в воду, когда со стороны реки на них, как акула, выплывает белый катер рыбоохраны.

— Здрасьте, господа нарушители! — хищно улыбается Семеньч.

Саня заглядывает в лодку — на дне бьют хвостами несколько еще живых горбуш.

— Да тут всего пара хвостов. Может, предупреждение? — предлагает Соловейчик.

— Оформляем! — приказывает начальник. — Санечка, закон есть закон.

В цехе рыбозавода Леха с отвращением рубит рыбе головы и хвосты.

Рубит.

Рубит.

Рубит.

На секунду останавливается. Смотрит на рыбью башку с вытаращенными глазами и сплевывает.

Наконец-то на стене мигает красным цветом фонарь, обвитый проволокой.

— Обед, бабоньки! — звонко кричит Лидка.

Зиня бросает нож на стол и присоединяется к женщинам, которые выходят из цеха.

Прибрежная зона изменилась до неузнаваемости. Хозяева огородили территорию плотным металлическим забором. Кажется, что свободна только река — куда и заходит рыба на нерест. Ей бы дальше, к истокам, выметать икринки и сдохнуть. Из икры появятся мальки и попрут в обратном направлении, в море, чтобы вернуться через четыре года... Это вечный круг природы. Но теперь лососю к устью реки не добраться — путь плотно перегорожен сеткой-рабицей. Прибывающую горбушу, кету и нерку можно голыми руками доставать перед ней, но вытягивают сетями.

Зиня думает, что с организационной точки зрения москвичи все сделали умно. Тут и ловят рыбу, и обрабатывают, и пакуют. Рабочие здесь и трудятся, и живут: для них за считанные дни возвели общежития из контейнеров. Он единственный, кто каждый вечер уходит за ворота предприятия и утром возвращается обратно. Никто, кроме него, переработками и редкими выходными не возмущается: раз прилетели за несколько тысяч километров и, кроме тайги, выйти некуда, то какая разница, двенадцать или четырнадцать часов работать. Кормят, поят, в цех пешком дойти можно; это не Москва — полтора часа в одну сторону по пробкам добираться.

Рыбаки на берегу бросают сети и выстраиваются в очередь к шлангам с водой. Лешка тоже ждет минут пять, пока можно будет ополоснуть лицо и руки.

Метрах в пятидесяти от цеха уже накрыт обед. Пластиковые столы, пластиковые стулья, пластиковая одноразовая посуда. Тут все временно,

на всем экономят. Кормят, на вкус Зиновьева-младшего, по сравнению с мамкиной стряпней — паршиво. Да даже и с армейской пайкой не сравнить.

— А до сколько мы сегодня? — Леха идет к «столовой» вместе с вездесущей Лидкой.

— До десяти. Участок закрывается в девять тридцать. Мы последнюю партию чик-чик — и баиньки.

Его коллега всем довольна. Еще бы — за полгода она тут заработает столько, что в своем Нижнем или Верхнем Новгороде спокойно будет жить до следующего лета.

Леха садится за стол и разочарованно изучает миску. В ней — уха. Красная рыба, картошка и морковка. Даже укропа нет. Зиня с отвращением смотрит на вареную рыбью голову у себя в миске. Не он ли ее «чик-чик» пару часов назад? На мгновение он как будто снова оказывается в холодном цехе, где постоянно льется вода и на всех столах стучат ножи и топоры.

Он берет с общего блюда кусок хлеба и уже настраивается доработать голодным до вечера: дома мать точно оставит ему вареной картошки с мясными котлетами или борща.

Но тут привычную рутину прерывают гудки автомобилей за воротами.

Ивнэ решает не собирать коряков на внеочередной сход общины. Она уговаривает их вместе наведаться на бывший лицензионный участок для рыболовов-любителей. Путина только началась, и жители села еще не успели почувствовать, что от рыбы их отрезали.

Сейчас девушка оглядывается и видит поразительное единодушие земляков: возле нее и старейшина, и родители одноклассников, и даже детей с собой привели. Несколько сотен человек пришли «поздороваться» с москвичами. Она понимает, что пока отозвался в лучшем случае каждый десятый, а в селе — полторы тысячи жителей. Но лиха беда начало!

Охранник лет тридцати в черной униформе ошалело смотрит на гостей. До сих пор у него работа была не бей лежачего, лишь бы перед руководством не спалиться, заснув на посту. Он и травмат на дежурство брать перестал: если вдруг медведь или волк наведаются, успеет за ворота спрятаться. Хорошо хоть, рацию не забыл! Он уже несколько раз нажимал кнопку вызова и докладывал начальству. Но пока что отдуваться за всех приходится самому.

— Режимный объект! Нельзя! — как попугай повторяет охранник и косится на ворота.

— Чой-та? Сегодня путина началась. Вот мы и пришли — на свой лицензионный участок. — Старейшина разговаривает как полоумный тугухий дедушка. Это его любимое развлечение — перед тем, как задавить собеседника знанием законов и инструкций.

— Допуск только для сотрудников, — держит оборону охранник.

Собралось бы жителей села Тилиль человек десять — постояли бы они под воротами и разошлись несолоно хлебавши. Но толпа в несколько сотен — это уже веская причина для начальства, чтобы показаться.

Директор рыбозавода Анатолий Сергеевич — эффективный управленец, экс-глава частной сети пекарен в Московской области. Тихий алкоголик, он иногда срывается в загулы на несколько недель, поэтому и отправился на заработки черт знает куда, если смотреть на карту России стоя на Красной площади.

Анатолий Сергеевич вальяжно, с широкой улыбкой идет сразу к старейшине:

— Спиридон Кондратьевич, здравствуйте! А я сегодня вечером к вам захватить хотел. Наслышан, наслышан о вас в Петропавловске, хвалили, рассказывали! — и жмет горячо руку старому коряку.

Ивнэ подозрительно смотрит то на своего земляка, то на этого надушенного франта. Двадцать пять градусов тепла, а он в костюме-тройке, еще и с жилеткой, и с шейным платком.

— Зря вы дорогу перегородили, скоро грузы пойдут, — притворно сетует Анатолий Сергеевич.

— Так мы тут тоже по делу. Квоты у нас, — медленно, со значением тянет Спиридон Кондратьевич.

Люди толпятся вокруг них, пытаются услышать каждое слово.

Ивнэ работает локтями, вылезает вперед старейшины и становится прямо напротив лощеного приезжего.

— Осваивать квоты надо! По закону! — Она торопится, но договорить не успевает.

— Да пожалуйте! Но по закону теперь любителей-рыболовов ждут в Пасане. — Анатолий Сергеевич лукаво улыбается.

— Это ж полторы сотни километров по горам! — ахает Ивнэ. — Туда дороги нет!

Леха наблюдает за переговорами сельчан и руководителя завода с другой стороны ворот, вместе с рыбообработчиками. Видит в толпе своих маму и папу, пригибается: не хватало еще при всех отвечать мамуле, поел ли он и когда будет дома. Оглядывается и решает, что этот цирк надолго и в ближайшие пару часов его никто не хватится.

Зиня отходит от людей и идет к цеху, но огибает его и крадется к выгребной яме, которую тут устроили вместо положенного бетонного отстойника с плотной металлической крышкой. Тут уже дышать сложно. Он поднимает руку и закрывает нос рукавом, надеясь, что смрад не впитается в одежду. Обходит яму и по маленькой красной ленточке находит нелегальный выход с территории. Колючую проволоку он ножницами по металлу порезал сам на второй или третий день работы, когда проспал. В результате обошлось без отметки в журнале приходов-уходов, и нарушитель дисциплины избежал штрафа. Сказал старшему по цеху, что остался ночевать в общежитии. Лидка прикрыла. Да и тайный выход, о котором никто

не знает, укладывается в Лешкину жизненную философию: всегда должно быть как минимум два запасных варианта.

Делегация из села наблюдает, как Ивнэ и старейшина разговаривают с Анатолием Сергеевичем.

— Деточка, тут участок для промышленного освоения. Документы все у нас в порядке, согласования мы еще зимой прошли. Территориально вам, конечно, теперь далековато до любительского участка, но эти вопросы — уже не ко мне, — подчеркнуто вежливо по второму кругу объясняет директор рыбозавода.

— Я вам не деточка! — кипит Ивнэ. — Я руководитель туристического агентства! И я еще год назад разрешение на частный лов рыбы на этом самом берегу выбила и логистику доставки туристов организовала!

— Мы кэмэнээс. Коренные малочисленные народы Севера, — перебивает ее Спиридон Кондратьевич. — Давайте договариваться.

— Надо вам помочь, конечно, — участливо кивает москвич.

Вечером старейшина и Ивнэ сидят за кухонным столом в ее доме и смотрят на пару выпотрошенных горбуш на клеенке.

— Они там, в Москве, совсем офигели? — наконец прерывает молчание Ивнэ.

— Два «хвоста», — сконфуженно констатирует Спиридон Кондратьевич, но продолжает бодро: — Зато каждую неделю!

— У меня по квоте годовой — триста килограммов. — Ивнэ уже не знает, как объяснить собеседнику, что все его «договоренности» — пшик. — У нас в селе — с полсотни таких квот. Да они тонны за наш счет выловят!

— Права ты, конечно. Пойду на пять «хвостов» договорюсь.

Лешка в этот день больше не возвращается на рыбозавод. Гуляет по лесу, заскакивает домой, пока мать с отцом не вернулись, быстро опустошает холодильник и обдирает материну клумбу с ромашками. Смотрит на часы: скоро Катюха закроет ларек и пойдет домой, а он — тут как тут!

Но Соловейчик подкатывает раньше. Зиновьев-младший еле успевает спрятаться за угол, чтобы с ромашками своими не опозориться. Санек, оказывается, притаранил букет голландских красных роз. Небось на спецзаказ вертолетчику разорился. Все, спелся с Семенычем, решает Леха. А рыжая-то и рада! Несет показушно букет — диковинку для этих мест: не идет, а плывет медленно — вдруг не все соседи разглядели. Розы тут, как и яблоки с абрикосами, на вес золота.

Санек на самом деле получил аванс и еще у коллег занял на этот «веник»; с зарплаты отдаст и еще должен останется. Но Зиня об этом не узнает.

Тетьа Галя, Лехина мать, выходит на крыльцо, смотрит на двор и понимает, что чего-то не хватает. Рассматривает пустой «сход-развал» и,

как стояла, так и садится наземь. Приземляется на ступеньку и хватается за сердце. Про себя она что есть сил костерит дочку лавочника. Как и все матери молодых сыновей, тетя Галя с нетерпением ждет Катькиной свадьбы. Мамки выдохнут, за головы схватятся женки.

Опустошитель холодильника и клумбы уже далеко — километров за десять от села. Уходит на отцовской лодке по реке вглубь полуострова, подальше от рыбоохраны и конкурентов в незаконном промысле. Знает он хорошее место для стоянки на берегу протоки, где рыба проплывает на нерест.

На корме лежат ружье в чехле, пачка патронов, рюкзак с провизией, мешок соли. Контейнеры для икры пристроены на дне суденышка.

Леха счастливо щурится от заходящего солнца и с предвкушением смотрит вдаль.

Глава 5

Проходит три недели. На рассвете, чтобы успеть до жары, Спиридон Кондратьевич встает полить огород с картошкой. Он живет в частном секторе, его и в советское время квартиры в пятиэтажках не манили. А теперь-то, прогнившие, облезшие, с такой-то квартплатой — тем более.

В сених старейшина подбирает шланг, поворачивает вентиль и, пока вода из скважины не рванула, семенит к грядкам. Смотрит на них и вспоминает, что супружница еще позавчера просила разлить жидкий навоз из ведер, но опять ленится. Стоят и стоят себе рядком, есть не просят, не к спеху эти лишние телодвижения.

Вода течет, село просыпается: где петухи кукарекают, где дверями «ранние пташки» хлопают, кто-то уже машину заводит... Ничего особенного. Почти середина лета, погода сухая, устойчивая. От мыслей о том, что дождей хотелось бы побольше, старейшину отвлекает свежая дыра в заборе. Кто-то из соседних мальцов еще прошлым летом неудачно въехал в ограду на велосипеде, но у старика так руки и не дошли заменить доски. В конце концов, не такая уж большая дырка была. Но вот теперь кто-то выломал проем почти два метра на полтора. И у этого «кого-то» бурая шерсть — клоки застряли на свежих сломах...

Фыр!

Фыр-фыр-фыр!

Старейшина медленно-медленно поворачивает голову и видит, как из-за угла дома появляется огромная голова медведя, а потом мощные лапы с черными когтями.

Медведь спокойно смотрит на человека, нюхает воздух, делает шаг. Еще чуть-чуть — и перегородит вход в сени.

Старейшина беззвучно открывает рот, глубоко дышит. Не шумит. Нельзя.

Медведь скалит клыки. Но не рычит, гаденыш. Изучает. Проверяет.

Старейшина неспешно наклоняется и хватает кончиками пальцев ведро с удобрением. Так же осторожно поднимает его, уже ладонью берет за дужку, покрепче.

От прыжка медведя в воздух взвивается земля. Но тут в морду зверю прилетает жидкий навоз, слепя ему глаза, и следом — удар ведром в голову.

Старейшина не бежит, а летит. Обегает хищника, прячется в сенях и захлопывает дверь.

Пристройка — из шлакоблоков, дверь — железная. Окна вот обычные: деревянные рамы, одинарные стекла. Надо укрыться в доме. Но Спиридон Кондратьевич прижимается спиной к стене и слушает, что там творит незваный гость.

Бум!

Хищник мчится по следу человека и врезается в дверь. Рычит, злится!

Со стен сыплется старая известь.

— Я тебе там воду оставил, умойся, — сплевывает старик и быстро скрывается в доме.

Через пару часов охранник у ворот обалдело смотрит на автоколонну из села. С полсотни джипов и мотоциклов подъезжают к воротам и гудят, гудят, гудят, как будто матерятся.

Парню в черной униформе и так невесело. Возле рыбозавода уже дышать нечем от вони, все работники ходят в масках или с повязками на лице, хмуро шутят про ковбоев и индейцев. А тут еще и аборигены пожаловали. Ну чисто Дикий Запад! Русские, коряки, мужчины, женщины — они надвигаются на рыбозавод мрачной тучей.

— Первый, первый! Тут митинг какой-то! — докладывает в рацию охранник и давит в себе желание поднять руки и сдать.

Директора рыбозавода еле расталкивают. Нет ни костюма-тройки, ни шейного платка, к сельской делегации Анатолий Сергеевич выходит в трениках и майке. Как производство и логистику отладил, так и заскучал. Одна радость — рюмка-другая вечером. Утром — чтобы встать. Днем — чтобы всех не послать. К ночи — чтобы заснуть. Скучно москвичу. Да вот дождался новых впечатлений. Трезвеет на глазах.

— Да вы тут в край оборзели! — рычит Зиновьев-старший.

— Из-за вас хоть в противогазе ходи! — рывкает Ивнэ.

— Граждане... сегодня неприятный день... — икает Анатолий Сергеевич.

— Медведи курятник мой ночью взломали! — наступает отец Кати.

— А у меня всю малину вытоптали! — негодует мать Лешки.

— Анатолий Сергеевич, это нашествие! Один сегодня ко мне домой ломился, забор снес, — почти не приукрашивает старейшина.

— Так позвоните этим... егерям... Ик!.. Я-то тут при чем? — все еще не понимает директор рыбозавода.

— Они на вашу свалку прут. На вашу! — не выдерживает Ивнэ.

— Я егерь, — представляется отец Лехи. — Даже если этих медведей пристрелим, завтра тут сотня новых будет.

— У нас тут все по СанПиНу... Ик... Частная территория. — Руководитель предприятия машет в сторону дороги. — Прошу покинуть... ну это... Короче, пока!

Он поворачивается к воротам, делает шаг, но люди не дают ему пройти — они стоят стеной. Молча.

Анатолий Сергеевич разворачивается — в машинах тоже визитеры, и они тоже следят за ним с явным неодобрением. Ладно бы кричали и шумели... Но от тишины приедем специалисту становится не по себе.

Через пару часов директор рыбозавода и с десятков активистов из села наблюдают, как рабочие орудуют лопатами — закидывают известью изрядно обмелевший отстойник.

— Я тут отвлекся. Подчиненные расслабились. — Анатолий Сергеевич жмет руку старейшине, а затем — Ивнэ. — Как говорится, спасибо за сигнал. Недоработки устранены.

— Сразу бы так. — Старейшина косится на Ивнэ. — Вот есть люди понимающие, всегда договориться можно.

— В реку ж нельзя — экология! Проверки, инспекторы, — доверительно шепчет директор рыбозавода. — Надо на полигон специальный, с лицензией государственной. Вот туда все и отправили.

Из ворот рыбозавода выползают три «камаза» с накрытыми брезентом кузовами. По проселочной дороге они устремляются прочь от предприятия и села.

Из леса на мопеде тихонько выезжает Ивнэ и едет следом за грузовиками.

Машины едут через лес, через небольшие ручьи и овраги. Ивнэ держится в полусотне метров от них и не отстает. Тут дорог-то нормальных и нет, одни направления. Особо не разгонишься. Не оторвутся водилы от нее и не скроются.

Шофер последнего в маленькой колонне «камаза» смотрит в зеркало заднего вида, присвистывает, взглядом показывает сменщику на «хвост». Они как братья-близнецы: лет по сорок, грузные, плешивые, с ломаными-переломанными носами, маленькими поросычьими глазками и огромными кулаками.

Сменщик достает смартфон, неуклюже высовывается в окно и фотографирует Ивнэ.

Неторопливая погоня заканчивается через пару часов. Мопед Ивнэ глохнет: мигает, а затем гаснет датчик топлива. Девушка, чертыхнувшись, бессильно наблюдает за тем, как грузовики медленно уезжают от нее все дальше и дальше. Ивнэ вздыхает: на своих двоих она за ними не победит.

Она чувствует, что на правильном пути, почти вывела на чистую воду того пройдоху, Анатолия Сергеевича. Надо взять завтра с собой полную

канистру, фальшфейеры от медведей и проехать по свежим следам до конца маршрута. А пока что ей надо обратно. Толкать временно бесполезный мопед до поселка придется часа четыре. Успеть бы до темноты.

Ивнэ не ошиблась. Вместо полигона содержимое отстойника из «камазов» сбрасывают в овраг в глухом и безлюдном уголке леса. Отходы с рыбозавода падают на кучу высотой в пару метров — к тоннам точно такого же гниющего мусора.

После возвращения шофер-сменщик демонстрирует начальнику фото Ивнэ на мопеде. Анатолий Сергеевич впервые за несколько недель абсолютно трезв и очень зол.

— Помню я ее! Горлопанка местная. Догнала? — морщится директор рыбозавода.

Шофер отрицательно мотает головой.

— Заигрались мы тут в демократию, совсем народ страх потерял, — закусывает губу москвич. — А надо, чтобы нашел. Ты понял?

Сменщик кивает.

Около трех часов ночи Ивнэ внезапно открывает глаза и садится на кровати. Темно, тихо. Чего подскочила?

Лай. Рычание.

Вот что ее подняло! Ивнэ прислушивается и через пару секунд слышит визг Полкана.

И до нее, что ли, хозяйева тайги добрались? Почему Полкаша молчит? Ивнэ крадется на кухню, свет не включает. Берет из раковины нож.

Со двора доносится какой-то шум, в окне в лунном свете что-то мелькает.

Ивнэ медленно открывает входную дверь. Роняет нож, зажимает себе рот руками.

На пороге неподвижно лежит Полкан.

Ивнэ делает шаг вперед. Совсем растерялась, надо же в дом спрятаться! Но как же ее пес без нее? Надо найти плед или одеяло, оттащить его через пару улиц к ветеринару... Боже, кровящи-то сколько!

И пока она пытается разобраться в мешанине ощущений и мыслей, ее подло, сбоку бьет по голове шофер-сменщик, и вот перед глазами Ивнэ черным-черно, а в голове — пусто.

...Ее долго везут, а потом волокут по земле, затаскивают по камням и стланику наверх. Потом сбрасывают вниз, что-то сказав и хохотнув вслед. Ивнэ думает, что ей снится кошмар. Надо встать и отвязать Полкана. Вдруг и правда медведи во двор заберутся. Убежать псина успеет, а так, на привязи, он и в конуре не спрячется — выцарапают когтями-саблями...

Но когда Ивнэ открывает глаза, она с ужасом понимает, что это не сон. У нее болят ребра справа, ноги и руки в ссадинах, правая щека распухла, правая рука ноет — на какую сторону тела приземлилась, там и урона больше. Волосы в грязи, листьях и травинках. Накануне она так

вымоталась с мопедом, что рухнула спать в том, в чем пришла. Спасибо, что не в пижаме выволокли из дома.

Девушка лезет в накладной карман штанины. Складной нож, коробок спичек, соль в бумаге — все завернуто в пластиковый пакет. Бабушка приучила никогда не выкладывать и даже на пять минут в лес без этого набора не выходить. Тут все так делают.

Ивнэ встает, прижимается спиной к дереву и пытается понять, где она, но кругом лишь темная ночь и непролазная чащоба. Сопки слева, сопки справа, в какой стороне Тилиль — непонятно.

Глава 6

Утром километрах в пятнадцати от избитой Ивнэ на берегу притока хозяйничает Лешка. Поставил палатку, развел костер. Рыба в воде кишмя кишит, забивает каждую ячейку в сети, скоро вытаскивать. Место тут глухое, ни у туристов, ни у местных не популярное. Но Зиня все равно осматривается перед тем, как проверить схрон.

До него идти минут пять, тайник парень сделал из обычной ямы: чуть углубил да накрыл наскоро обструганными жердинами из стволов молодой лиственницы, сверху кинул лапы того же дерева.

В тайнике уже штук тридцать белых пластиковых десятилитровых контейнеров с крышками, в них — засоленная икра. Леха довольно цоккает языком и возвращается в свой лагерь — переставить моторку. Чует, что спрятать надо: давно рыбники эту часть реки не проверяли, скоро заявятся. Да и пора варить тузлук — соляной раствор для новой партии икры.

Далеко от Лехинога лагеря Саня вместе с Семенычем патрулирует другой приток реки. Подчиненный — на руле катера. Руководитель лениво оглядывает окрестности — здесь он царь и бог.

— На повороте направо давай! — кричит начальник.

Саня вспоминает, что сюда он еще ни разу с рыбниками не наведывался. Он таращит глаза на вполне обустроенный лагерь браконьеров. Где не лицензионный участок — там рыбачить нельзя. Все, кто на реке, — нарушители. Но эти какие-то не в меру наглые. Не разбегаются, только смотрят хмуро на приближающийся катер.

Саня причаливает. Узнает соседа — Толика. Но сверстник даже «привет» не говорит, глаз не спускает с Семеныча. Тот спрыгивает на берег.

— Не ссы. Это я. Благодетель ваш. — Начальник улыбается, как медведь в малиннике.

— Поняли уже. — Толик вроде и пытается улыбнуться в ответ, но получается у него как-то криво.

Семеныч разглядывает бардак на берегу. Тут и там десятки выпотрошенных тушек рыбы, на костре варится тузлук. Соратники Толика молча шкерят кижуча и горбушу, на людей в форме не смотрят.

— Передай старшему, что послезавтра из райцентра показательная движуха с журналистами будет. Схоронитесь в тайге до пятницы, — цедит Семеныч.

Толик благодарит, но опять же, кажется, не очень-то признателен за подсказку. Знает, что сейчас будет.

— Они же и в тайгу зайти могут. Отвлекать придется, — вздыхает начальник Сани. — По краю ходим, Толик! Так что взносы в полтора раза повышаются.

— Ясно. Скажу своим. — Парень чешет в затылке, мысленно подбирает слова.

Видимо, не находится ничего, кроме мата. Так что он молчит и смотрит, как Семеныч пинает одну из тушек, перед тем как вернуться на катер.

— Вы бы хоть прибрали тут! Медведи же на тухлятину набегут, — укоряет Семеныч браконьеров.

Он поворачивается, идет к лодке и не видит, какой ненавистью вспыхивают глаза Толика.

А Саня — замечает. Перехватывает взгляд и резко отворачивается.

— Отчаливаем. — Начальник запрыгивает на катер.

— А почему не оформляем? — все-таки спрашивает Соловейчик.

— А что тут писанину разводить? Ребята свои, местные. Документы забыли, на следующей неделе привезут, — улыбается Семеныч. — Артель тут у них. Летом не будут пахать — зимой же с голоду сдохнут. Помогать людям надо, Санечка.

Катер двигается с места, молодой рыбак направляет его прочь от берега.

— Ты там жениться вроде собрался? Так вот в пятницу премия будет. Свадьбы, говорят, нынче дело дорогое, но жизнь семейная, Санечка, еще дороже. Брюлики там, шубки, сапожки, баньки, чтобы им всем неладно было... — Начальник вздыхает и смотрит на подчиненного.

Саня вспоминает, как радовалась привозным розам Катенька, по-малкивает и кивает.

— Неофициальная премия, сынок, — уточняет Семеныч. — А официально — никакой не будет.

Саня опять болтает головой, как китайский болванчик, и смотрит на воду.

Ивнэ бредет по лесу, падает через каждые несколько шагов. Надо бы подняться на возвышенность и оглядеться, но деревья тут такие высокие, что неясно, на какую сопку лезть. Сил нет. Нужно найти ручей — он выведет к реке — и идти по течению. Где-нибудь да будут люди.

Краем глаза девушка замечает кусты голубики. Чуть не пропустила! Падает на колени и ползет к ним. Половина круглых ягод еще не созрела, рано еще для них, но она срывает все подряд: и созревшие небесного цвета, и только наливающиеся соком розово-фиолетовые, и бледно-зеленые. Пить так хочется, что ей мерещится звук журчащей воды.

Ивнэ замирает. Ей не показалось!

Из чаши она выходит в распадок между двумя сопками. Верхушки деревьев не давали ей разглядеть местность, но теперь Ивнэ знает, что она у подножия пары сравнительно невысоких гор. Правда, понятия не имеет каких.

Но сейчас она слишком занята: умывается, набирает воду в ладони, пьет жадно-жадно. Видит сантиметрах в тридцати от себя то ли хариуса, то ли форель. Да без разницы! Попытка поймать будущий ужин голыми руками не удастся, только промокла и распугала маленький косяк...

Ивнэ возвращается на берег, осматривается, ищет деревце с прямым стволом. Вспоминает, как скучала во время наставлений бабушки, и ругает себя что есть силы. Откуда-то, через года, она снова слышит голос самой близкой родственницы, которая ее растила и пестовала, сколько могла: «Палка нужна ровная. Вровень с твоим ростом... нет, сантиметров на десять выше тебя. Сломай. Определи, с какой стороны наконечник. Расщепи острие на четыре части. Рулетки у тебя с собой не будет, меряй по ладони — от кончика указательного пальца до запястья. Заостри каждый зубец, вложи между ними деревяшки. Нет веревки — рви на ленты одежды или ищи молодые ветки, обмотай ими».

— Хайлем, аня! — Ивнэ следует указаниям, и плачет, и вытирает слезы, и повторяет по-русски: — Спасибо, бабушка!

С острой она как будто преображается и забывает о боли. Наклоняется над ручьем, следит за рыбой, бьет один раз, второй, третий... Мимо.

На четвертый — достает рыбешку.

В сумерках Ивнэ сидит, прислонившись к стволу дерева, перед ней маленький костер. Куски почищенной рыбы Ивнэ нанизывает на тонкую палочку и вертит над пламенем. Она сыта и почти довольна жизнью — ну если сравнить этот вечер и ночь накануне.

Где-то вдали слышится вой волка.

Ивнэ доедает рыбу, бросает палочку и кости в костер. Поднимается, рассматривает ближние деревья.

Вместо матраса — лапник. Вместо кровати — узловатые ветви толстой старой лиственницы, переплетенные в нескольких метрах от земли. Ночью прохладно, но терпимо. До заморозков еще несколько недель. Ивнэ проваливается в дрему, но все равно сосредоточенно размышляет. Пара-тройка дней — и ее кто-нибудь увидит на берегу реки. Старейшина непременно заявит ее в розыск.

— Хеъелхет, дельнеънявакек¹, — доносится до нее откуда-то сверху. — Спи, внучка.

Ивнэ думает, что от одиночества у нее уже начались слуховые галлюцинации, но хмыкает про себя, что таким наваждениям она очень даже рада. И тут же проваливается в крепкий спасительный сон.

¹ Буква «ъ» в корякском алфавите передает звук, близкий к «й». Читается примерно как «хейелхет», «дельнеънявакек». — *Примеч. ред.*

Рыбалка идет так удачно, что Лешка под покровом ночи возвращается в село пополнить припасы. Прячет лодку подальше от причала и, как тать, крадется по околице к коттеджу Катиного отца.

Он не нажимает кнопку звонка на калитке, не ломится в ворота и не перемахивает заливчатски через забор. Обходит дом, подбирает несколько мелких камешков и прицеливается в верхнее окно справа.

Катя высовывается заспанная и недовольная. Волосы она заплела в косу, накинула шелковый халат.

— Катюха, спецзаказ есть. — Зиня старается говорить потише.

— Ларек с десяти утра работает. — Девушка не грубит, раз кавалер по делу заявился.

Зиновьев-младший чувствует, что если он начнет «петь» про ее красивые глаза и радость встречи, то эта самая встреча быстро закончится.

— Ты мне мешков пять соли отложи... макарон и тушенки по ящику... Я в девять заберу.

— У тебя деньги-то есть, олигарх? — уточняет Катя.

— Ты меня недооцениваешь. К осени будут, все верну с процентами. — Леха улыбается.

Владелица ларька сразу понимает, зачем парню соль мешками в разгар путины. Даже может подсчитать результаты незаконной рыбалки, но ей лень. Если Зиновьев-младший и запорет свою личную путину, то Зиновьев-старший все равно за него расплатится без споров и уточнений.

— Так ты серьезно, что ли, на Петропавловск нацелился? — фыркает рыжая.

Из темноты делает шаг Саня. Он толкает Леху плечом, сам смотрит вверх.

— Ой, задолбали! — качает головой Катя и чуть громче объявляет, уже для обоих: — Спокойной ночи, мальчики!

Она с шумом захлопывает створки и задергивает шторы.

— Заблудился? — почти спокойно спрашивает друга Соловейчик.

— Это ты, я смотрю, берега попутал, — бычится Зиня.

Саня бьет с размаху, Леха отпрыгивает, достает противника снизу, тот перехватывает его руку. Парни сцепляются, валятся на землю. И тут на них из другого окна льется вода.

Богдан Иванович трясет пустым ведром:

— Брысь отсюда!

За последние несколько лет схватки ухажеров дочери ему уже приелись.

Саня и Леха отступают в разные стороны.

— Ты учти, на реке поймаю — не посмотрию, что вместе служили! — Соловьев выпаливает угрозу и понимает, что дружбе конец.

— Вон к ментам в участок идите — и у них на пороге хоть поубивайте друг друга! — разоряется Богдан Иванович.

— Поймай сначала. — Лешка даже не смотрит на бывшего приятеля, зато улыбается будущему тестю: — Папа, вы не волнуйтесь!

— Мы уже уходим, — почти дружелюбно говорит Саня отцу своей будущей жены.

Соперники расходятся в разные стороны.

— Папа?! Зятек нашелся! Мы с Тamarой ходим парой. Бакланы, даже подруг себе разных выбрать не можете! Валите отсюда! — возмущается хозяин коттеджа.

И кричит уже дочери:

— Катька! Доиграешься же!

Через пару дней, когда Лешка на моторке плывет по реке, шестое чувство приказывает ему заглушить мотор и спрятаться под нависающим над водой деревом.

Не проходит и пяти минут, как мимо пролетает белый катер рыбоохраны, которым рулит Санек. Зиня видит Соловейчика, и тот как будто тоже его замечает... Но нет, показалось.

Рыбник и браконьер, бывшие лучшие друзья, расходятся: один прячется, второй ищет.

Глава 7

Наступает середина июля. Семеныч с подчиненными распугали всех «несогласованных» рыбаков, и на главном течении реки людей нет. Туристы после закрытия лицензионного рыболовного участка в Тилиль не летят, охотники появятся только осенью, когда начнется сезон.

Ивнэ блуждает по берегам ручьев и рек и все чаще разговаривает сама с собой. Один раз она устремилась было на сопку, чуть не сломала ногу, сорвавшись с обрыва, провела более суток без воды и еле вернулась обратно к реке. Теперь она от берега не отходит. Но тут так много островков, поворотов и излучин, что девушка вечно сворачивает не туда, и потом приходится тратить время на возвращение.

Синяки и царapiны сходят, к жареной на огне рыбе и лесным ягодам на десерт она привыкла, как и спать на ветвях деревьев и даже сквозь сон прислушиваться к лесному шуму. А вот одиночество доводит ее до отчаяния.

Вслух Ивнэ то ссорится с москвичами, то спорит со старейшиной, то репетирует выступления перед туристами, а про себя считает пени и просрочки по кредитным картам: сувениры и шкуры для декораций она набрала в долг.

В памяти все чаще всплывают наставления бабушки и фразы на корякском языке. Ивнэ путается в диалектах. Ее предки делились на тундровые и береговые племена. Первые разводили оленей, вторые промышляли рыбой и морским зверем. Среди тех и других были разные роды, в зависимости от места стоянки. И у каждого рода был свой диалект... В конце концов Ивнэ плюет на синтаксис, грамматику и произношение. Как чувствует, так и говорит. Среди леса на берегу реки кажется естественным назвать сопку — «тынуп», дерево — «уттыут», лису — «яел».

«Де̑у тоньвалай, — думает Ивнэ. — Тучи появились».

— Гадство, только дождя не хватало! — кричит она во весь голос.

Ливни в здешних местах — надолго. Придется уходить с берега и искать укрытие в лесу под каким-нибудь раскидистым деревом. Чем дальше она находится вдали от берега реки, тем меньше шансов кого-то встретить. Но делать нечего — небо с огромной скоростью затягивает темно-серыми клоками. Скоро польет.

На тучи смотрит и Семеныч. Он, как обычно, главный пассажир, а за рулевого и штурмана — Саня. Соловьев за месяц работы похудел и вытянулся, лицо стало злое, взгляд — тяжелый. Друга он с той ночи, под Катькиными окнами, не видел, но мечтает встретить — поймать с поличным на реке и передать системе исправлений и наказаний. Свою любовь к рыжей Санек считает настоящим и искренним чувством, а Лешкину — просто баловством. У Зини девок этих может быть — каждый день новая. Нет, надо ему влезть в чужие серьезные отношения!

Что Саня, что Леха — оба соперника как-то совсем упускают из виду мнение главной красотки Тилиля по их поводу. Как и то, что она — хозяйка своему слову: захотела — дала слово, захотела — забрала обратно. На этом спотыкаются все ее кавалеры, но каждый последующий считает себя особенным и сломя голову несется к разочарованию и крушению надежд.

Если бы Санек хоть на минуту задумался, насколько странным выглядит со стороны его план жениться через пару месяцев на кокетке, с которой он даже не целовался, может, и не было бы этой истории. Но сколько рациональных и всегда поступающих правильно людей мы знаем?

— Вертай в село! — кричит Семеныч. — Ливень на сутки обещают. Дураков тут нет в ихтиандров играть, все нелегалы попрятались.

— Давай еще круг! — настаивает Соловейчик. — Мы левый приток уже пару недель не проверяли.

Гром, молнии, вода стеной. Лешка про себя ругается и сворачивает сети. Закидывает в моторку, прыгает в нее, заводит и на малом ходу загоняет в укромный уголок на берегу. Для пущей уверенности забрасывает заранее наломанными ветвями лиственницы, чтобы выкрашенные белой краской борта не было заметно с реки.

Осматривается, сюда же, в заросли стланика, переносит палатку. Лежать внутри и слушать дождь он не хочет. Раз шум такой стоит, можно и пострелять для разнообразия. Он проверяет одну из котомок — ружье в чехле и коробка с патронами не намокли. Леха заряжает стволы и вспоминает, в какой стороне пару дней назад видел зайцев. Тушенка ему уже поперек горла стоит, а уху он есть не может после рыбозавода.

— Грими-грими! — говорит он вслух небу и уходит в лес.

Всего метрах в четырехстах от стоянки замечает серого зайца. Дождь идет, и охотнику это на руку: животное не обращает на человека внимания, не слышит и не чует его запаха. Вода заликает лицо, это плохо, но

Зиновьев-младший в лес с отцом ходил с тех пор, как на ноги встал, и охотиться может даже с закрытыми глазами.

Леха наводит ружье на зайца.

Палец на курке.

Целится...

И замирает.

Не ему одному приглянулся косой. С противоположной стороны поляны ушастому грозит смерть от лап медведицы. Чуть поодаль из-за кустов выглядывают три ее уменьшенные копии. Медвежата, каждый не больше овчарки, смотрят, как мать добывает пропитание.

Леха замечает, что очень громко дышит. И понимает, что его оранжевый резиновый костюм рыбака — слишком яркое пятно. Он медленно-медленно переводит прицел на хищницу.

Она его видит. Рычит.

Везет зайцу, он наконец-то замечает опасность с двух сторон и рвет зигзагообразными прыжками навстречу жизни и свободе.

Медведица делает шаг.

Лешка стреляет.

Ивнэ сидит во время дождя под деревом, слышит гром и в паузе между раскатами — выстрел.

— Люди! Люди! — Она срывается с места.

Зиновьев-младший все делает не так. Нельзя стрелять, если нет уверенности, что сразу убьешь хищника. Раненый хозяин тайги только разозлится и точно тебя прикончит. А при встрече с медведицей, у которой медвежата, вообще лучше особо не отвечать: не двигаться, не шуметь угрожающе, не поворачиваться, не пятиться и уж тем более не бежать.

Но сначала Лешку от макушки до пяток заливают страх, а потом — адреналин. Он мысленно орет сам на себя: «Стой!» А на деле — разворачивается и бежит к лагерю. Знает, что медведь при желании развивает скорость не хуже гепарда, но остановиться уже не может. Напролом — скорее к лодке, завести и уйти по воде!

На его счастье, медведица тоже ведет себя не так, как пишут знатоки природы. Вместо зайца в глухом лесу она напоролась на человека, ее напугали гром и вспышка, поэтому мохнатая разворачивается и летит в другую сторону. Детеньши — за ней.

Кроме одного, самого маленького и тощенького. Он отвлекается на убегающего человека, не смотрит вперед и катится кубарем с горки в небольшой овраг.

Скулит, подпрыгивает, но мать и братья уже скрылись далеко за деревьями.

Ивнэ бежит по лесу с самодельной деревянной острогой. Ей и весело, и страшно.

Шуршит трава. Качаются ветви деревьев.

Ивнэ мерещатся то ли погоня, то ли дикий зверь.

Впереди трясется кустарник.

Девушка прислушивается, пятится назад. Доходит до дерева, врезается в него спиной, останавливается, садится на землю. Ей страшно, она зажмуривается и выставляет вперед острогу.

Кто-то рядом сопит. Потом — слабо рычит.

Ивнэ открывает глаза. Перед ней маленький медвежонок. Он поджимает правую заднюю лапу и поэтому, когда пытается подняться и развести передние лапы, валится на спину. Его неудачный пластический этюд «Я злой и страшный хищник» завершается вместо рычания то ли всхлипом, то ли писком.

Было бы смешно, если бы Ивнэ не знала, что где-то рядом бродит родительница этого юного циркача и она разорвет на куски любого, кто посмел угрожать ее детенышу.

— А матушка твоя где? Ухожу, ухожу! — Ивнэ поднимается и быстро-быстро удаляется прочь от медвежонка, стараясь не бежать.

Леха добирается до палатки. Смотрит в сторону леса. Вытягивает руку, чтобы поймать капли дождя. Их нет — дождь почти перестал.

— Нормуль. Пронесло! — выдыхает Зиня.

Сзади его бьет прикладом Семеныч.

В отрубе Лешка проводит минут двадцать. Когда очухивается, не вскакивает и не орет. Даже не шевелится, а из-под полузакрытых век оценивает обстановку.

Он лежит на берегу, а начальник рыбоохраны и Санек уже извлекли из укрытия моторку и контейнеры белые из схрона притащили. Оба на смартфоны фотографируют его лагерь, сеть, лодку, емкости для икры...

Вот вяпался...

Когда бывший друг, а ныне сотрудник рыбоохраны присаживается на корточки, чтобы «щелкнуть» нарушителя, Зиновьев-младший закрывает руками лицо.

— Очнулся, — вздыхает Семеныч. — Не ожидал от тебя, Алексей Павлович! Остальные где?

— В лесу. Вас уже на мушку взяли. — Зиня встает.

— Врет он, — припечатывает Саня. — Один тут промышляет. И выстрел один был!

— А если нет? Ты видел, сколько тут контейнеров приготовлено? Бригадой нужно промышлять! — причмокивает Семеныч.

Соловейчик подходит к Лехе. Ни тени сочувствия на лице.

— Один, один! Псих-одиночка. У него ж ни друзей, ни подруг. Кому он нужен?.. — Санек все еще пытается сфотографировать пойманного браконьера.

— С такими друзьями врагов не надо. — Зиновьев-младший отворачивается от объектива. — А подруги мне и одной хватит. Самой красивой. Я ж везучий!

Семеныч для себя отмечает, что парни явно не друзья, несмотря на то что одного без другого в Тилиле никогда не подразумевали в разговорах. Но ему этот разлад даже на руку. В схроне только пустые контейнеры, а икры — пара килограммов. Несерьезно как-то.

— Птица-говорун, ты язык-то попридержи! И подумай над таким словосочетанием, как «ущерб биоресурсам Российской Федерации», — пугает задержанного Семеныч.

— Особо тяжкое, считай, — врет Саня.

— Да ладно! — Лешка после встречи с медведицей совсем не боится двуногих хищников.

— Ты ж егеря сынок, — мечтательно тянет Семеныч. — Я бы в заповеднике поохотился...

— Да хоть губернатора! — Саня нервничает. Неужели бывший ко-реш, как всегда, выйдет сухим из воды?

— Да ладно, мужики, из-за пары литров? — Зиновьев-младший решает про себя, что сейчас главное — договориться о чем угодно без протокола, а уж когда он доберется до села, то там уже все взятки будут гладки. С другой стороны, озирается Лешка, эти двое вышли на патрулирование без подмоги, можно и сейчас сбежать. Потом никому не признаются, что он их вокруг пальца обвел, — их же и засмеют.

Он вскакивает, бросается на Саню, валит его с ног и несется к катеру рыбоохраны.

Семеныч — за ним. Беглец забирается в катер, заводит, спихивает с борта подоспевшего Семеныча. Но с другой стороны в катер уже прыгивает Саня.

Семеныч валится в воду. Катер начинает разгон.

Леха вцепляется в руль, а ногой пытается отпихнуть Саню, который во время старта не удержал равновесия и свалился на дно судна.

Соловейчик прыгает на Леху и начинает его душить. Леха коленом бьет бывшего друга в пах, сбрасывает с себя, вновь хватается за руль. Саня, сжав зубы, опять валит противника, бьет по голове, еще раз, и еще, и еще...

Хорошо, приток в этом месте широкий, уже бы врезались в берег.

Лешка изворачивается, поднимается — и падает за борт: Санек специально развернул катер на девяносто градусов.

Катер еще по инерции мчит вперед.

Саня поворачивает руль.

Катер делает полукруг на реке и мчит на Леху, но в последний момент Соловейчик снова делает маневр и обходит болтающегося в воде браконьера.

— Я сегодня добрый. — Начинаящий инспектор рыбоохраны сам не замечает, что постепенно превращается в копию начальника.

— Козел! — Лешка выплевывает воду и старается удержаться на плаву. — До села же двести кмэ!

— Двести, — себе под нос бурчит Саня. — Но ты же везучий.

Соловейчик причаливает к берегу, смотрит на воду — и холодеет. Зиня не пристал ни к этому, ни к другому берегу. Его не видно на воде ни вверх, ни вниз по течению.

Глава 8

Ивнэ так долго идет от места, где предположительно были охотники, что понимает: она опять потерялась. Но за пару недель блуждания в лесу девушка научилась относиться к этому философски: жива-здорова — все уже хорошо. Бог не выдаст — свинья не съест. В ее случае — медведь.

Она останавливается и прислушивается, пытается понять, в какой стороне журчит вода.

Сзади раздается шорох. Ивнэ закусывает губу и поворачивает только голову. Из зарослей папоротника торчит пара коричневых мохнатых лапок, а так медвежонок очень даже удачно спрятался.

Девушке становится не по себе. Звереныш ее преследует и, скорее всего, не он один. Сам-то малыш миленький и безвредный, вот только телохранительница у него — центнера два мышц, когтей, клыков, злости и материнского инстинкта.

Ивнэ делает шаг, потом еще один и на деревянных ногах идет туда, откуда слышит плеск воды.

Вспоминает про навыки выживания в лесу и начинает петь вслух первое, что приходит в голову. Какую-то ерунду из хит-парадов попсы прошлых лет. Неважно. Сытый медведь за ней не увяжется, тут людей немного, и в теории бурые обитатели лесов от человека сами должны шарахаться как от огня.

Скоро в горле начинает саднить от непрерывного и громкого пения, ладонь, сжимающая острогу, белеет от напряжения. Но Ивнэ не останавливается, лишь изредка оглядывается — и видит, как медвежонок следует за ней, уже не прячась за кустами и деревьями. Зверек никуда не девается, больше никого вокруг не видно, и девушка постепенно перестает нервничать.

В реке она замечает серебристые спинки рыб и решает озаботиться ужином. Заходит по колено в воду и становится наизготовку. Долго присматривается, затем бьет. Вытаскивает еще живую, извивающуюся на остроге горбушу.

Ивнэ уже разворачивается к берегу и тут слышит справа от себя плеск. Медвежонок зашел в воду, но сам не охотится — смотрит на человека.

— Вот лентяй! — вслух ругается девушка. — Прыгать же тут начнешь, весь косяк распугаешь...

Она вздыхает, снимает рыбу, кладет на воду и острогой подталкивает в сторону юного нахлебника. Зверек будто того и ждал: хватает добычу и тащит на берег. Мол, лови сколько тебе угодно, теперь мешать не буду.

Корячка не выходит из воды, пока не набивает десять рыбин. Половину улова ее новый друг сожрал еще на берегу, а теперь ковыляет в паре метров от нее и косится на оставшееся. Ивнэ нанизала рыбы тушки на ветку и несет в другой руке. Пожарит, когда найдет место для ночлега. Ей столько не надо, но вечером нужно будет и поделиться с мелким вымогателем, и для мамаша его оставить что-нибудь: вдруг та нарисуетя.

Сзади становится тихо, и Ивнэ притормаживает. Зверек ушел в сторону и сунулся в куст голубики — только филейная часть туловища с задними лапами торчит. Девушка подходит ближе. Теперь понятно, почему малыш свернул с тропинки. Круглые синие ягоды блестят от росы. Ивнэ присаживается рядом и собирает голубику.

— Так у нас сегодня на ужин еще и десерт будет? Спасибо.

Наверно, это ненормально — обращаться со светскими репликами к медведю, но Ивнэ впервые за несколько недель не чувствует себя одинокой.

Половину сырой рыбы Ивнэ кинула метрах в пяти у костра, туда же чуть позже бросила требуху, головы и хвосты от своей порции. У нее уже закончилась соль, и пресный ужин она жует без особого удовольствия.

Зато горит огонь, одежда почти высохла, руки-ноги на месте, к реке она вернулась. Медвежонок наелся, уже играет с тушкой горбуши, к костру не подходит, но и не уходит далеко.

— Кайнын. По-корякски тебя кличут — кайнын. Даже кай-кайнын, маленький медведь, — рассказывает Ивнэ своему безмолвному новому другу. — Но мне не нравится тебя так называть.

Девушка смотрит на медвежонка, а тот подходит ближе, ложится на землю и кладет голову на передние лапы. И очень внимательно за ней наблюдает, как будто понимает ее слова.

— Повезло тебе, что меня встретил. Иначе съел бы тебя кто-нибудь. — Ивнэ кидает остатки пищи в огонь, в том числе и целый кусок жареной рыбы, как бабушка раньше делала, — «духов умиловить». — А так нас обоих съедят... Или подавятся, да? Везунчик. Нравится тебе такое имя?

Как и во все предыдущие вечера, девушка готовит себе «постель» на ветках лиственницы метрах в трех от земли. Только теперь она сделала еще одно «гнездо» — для медвежонка. Его даже звать не пришлось — ловко вскарабкался и свернулся в клубок, как кошка. Медведи перестают лазать по деревьям года в два-три, когда набирают вес. Ивнэ оставляет костер гореть, добавляет в него пару коряг — пусть дымит: и мелких зверей отгонит, и вдруг кого из людей привлечет.

— Спокойной ночи, Везунчик! Завтра вдоль реки пойдем. Куда-нибудь да выйдем, — говорит Ивнэ перед тем, как заснуть.

Утром медвежонок держится ближе к девушке, чем накануне, но вплотную не подходит. Он все еще хромает, так что Ивнэ идет медленнее. Она только иногда поглядывает на Везунчика, но по шороху и шуму от камней и веток всегда знает, что он где-то поблизости.

Ивнэ уже хочет сделать привал, когда видит, что зверек остановился у высокой травы на берегу и принохивается. Она идет к нему, выставляет вперед острогу и отодвигает «завесу».

В просвете видны чьи-то голова и руки...

С момента их последней встречи Леха оброс, борода появилась, а теперь еще и лицо распухло, под глазом синяк. Ивнэ не узнает его, но спускается в воду и не особо бережно тащит находку на сушу.

— Нежнее... еще нежнее... — Зиня даже при смерти не может не шутить.

Ивнэ переворачивает его на бок, бьет между лопаток. Он кашляет водой вперемешку с кровью.

— Живой? — интересуется спасительница.

— Живы будем — не помер, — выдавливает Зиновьев-младший.

— Лешка? — Ивнэ наконец опознает бывшего одноклассника по голосу.

— Прошу любить и жаловать. — Браконьер на удивление бодро разговаривает. — Могла и не напрягаться. Я отдохнуть решил, сам бы через пару минуток из воды выполз.

— Лешка! — Ивнэ закатывает глаза. — Ты идти можешь? Или хотя бы ползти?

Через полчаса он снова теряет сознание. Но они уже у костра, Ивнэ стащила с него одежду и повесила сушиться. Вот только медвежонок Зиня видит в первый раз: поначалу зверек прятался. А сейчас подполз близко и лицо «находки» обнюхивает.

— Инга, ты зачем себе этого тамагочи завела? — хрипит Леха и пытается отползти от зверушки.

Ивнэ рубит ножом рыбу, кидает на траву.

— Его зовут Везунчик. А меня — Ивнэ. — Девушка наблюдает, как медвежонок отскакивает от чужака. — У тебя лодка перевернулась?

— Типа того. Разбилась в труху, наверно. Или в море уже килем кверху. — Зиновьев-младший решает пока не рассказывать о своих приключениях: хвастать-то нечем. — А ты чего, шаманишь тут по заветам предков? Травки опять собираешь?

— Типа того. — Ивнэ тоже говорит уклончиво.

Медвежонок идет к рыбьим хвостам, потрохам и головам, начинает есть.

— Зря ты его прикормила. — Лешка двигается поближе к костру. — Все, не жилец. К людям выйдет — пристрелят.

— С рук не кормлю. Он всего сутки со мной, не привыкнет. — Ивнэ нанизывает куски рыбы на прутья. — В заповеднике егерям отдам, они его к сородичам отвезут.

— Там его свои сожрут. Кому он без мамки нужен? — рассуждает Зиня.

— Он же Везунчик. Я так его назвала. — Ивнэ жарит рыбу над огнем.

— Он — везунчик, я — везучий. — Лешка щупает ребра и морщится. — Только тебе нас вывезти надо.

— Нужно идти по течению. Где-нибудь ближе к морю будет пост егерей или пограничников. Или патруль рыбоохраны. — Девушка протягивает Лехе прут с прожаренными кусками рыбы.

— Они раз в десять дней побережье обходят. Пойдем в село, я дорожку знаю напрямик через лес. Зачем нам крюк делать? — Зиновьев-младший хватается за ребра, страдальчески кривится, исподтишка наблюдая за реакцией Ивнэ. — Это Радужная протока. Километров сто пятьдесят по берегу. А по прямой — шестьдесят. Ну семьдесят максимум. Ноги-то у меня целы. Доползем.

— А медведь? — Ивнэ смотрит на зверька.

— Отцу отдам. Он его закинет, куда скажешь. Может, его мамка на реках сейчас.

Лешка врет, но ему нужно увести нежданную помощницу от берега.

На набережной в селе Тилиль тетя Галя мечется между моторкой своего мужа и Семенычем. Саня отворачивается от матери бывшего друга и делает вид, что очень занят. Пока он копошится на борту катера рыбоохраны, начальник страдальчески морщится.

— Это наша моторка! — наступают на Семеныча мать Лешки.

— Галина! Плавсредство конфисковано во время спецоперации. И два кэгэ красной икры рыб лососевой породы. — Семеныч переходит на доверительный шепот. — Ты что, хочешь, чтобы я на вашего наследничка «уголовку» открыл?

— Украли! Сперли у нас лодку! Выхожу — нет ее! — выпаливает женщина.

— Вот и чудненько. А где Лешка твой, понятия не имею. — Семеныч пожимает плечами.

— Ты греха на душу-то не бери. Точно не видел? — Тетя Галя жалеет, что муж опять уехал в заповедник: он этого «хитромудрого» вмиг раскрутил бы на подробный рассказ.

— Галь... Если он там и был — нас увидел и утек. В лесу отсиживается, наверно. Нарисуетса — у него и спросишь. — Семеныч стоит на своем как скала.

Мать Лешки идет к Соловейчику, уж этот-то должен больше сказать. Но Санек отворачивается и уворачивается от ее взгляда, пока она не вскарабкивается на катер и не хватает его за плечо. Сашка с неохотой разворачивается и угрюмо на нее смотрит. У него разбито лицо — ссадины на скуле и фингал после драки.

— Это откуда? Саша, Сашенька, да скажи же мне! — Тетя Галя всплескивает руками.

— Теть Галь, да упал я. — Соловьев сбегает с катера, врать ему не по нутру. — Извините...

Вечером Соловейчик идет к Кате. Вид у него, мягко говоря, не презентабельный. Но его словно магнитом к ней тянет; головой-то он понимает, что она тоже будет задавать вопросы. Весь Тилиль уже гудит, что нашли моторку без рыбака. Семеныч запретил топить или прятать плавсредство: тогда уж точно на них утопленника повесят, если найдут. А если сам выберется, то молчать будет «как рыба об лед», по выражению начальника.

Саня не собирается кидать камешки в окно будущей жены, он уверенно идет к калитке. Уже поднимает руку, чтобы постучать, и тут видит силуэты девушки и ее отца в окне на втором этаже. Слышны голоса, разговор идет на повышенных тонах.

— Дура малолетняя! Я тебе ларек отдал, так ты решила, что все — стала взрослая и умная? — бушует Богдан Иванович. И пощечину дочке вмазывает такую, что слышно на все село.

Соловейчик задирает голову и слушает.

— Хватит! — Катя тоже на взводе.

— Ты что устроила, идиотка?! — Торговец больше не распускает руки, но и не утихомиривается. — Один в могиле, второй сядет! Все село в курсе уже. А не сядет, ты как с ним жить будешь?

Вот и озвучил отец невесты то, о чем судачат сегодня все местные кумушки.

Саня вжимает голову в плечи и уходит. Пару дней назад на реке ему все казалось таким правильным — и его победа, и Лешкино поражение. А вышло все совсем не так, как он себе представлял. Больше всего его мучает то, что любимая девушка про него ни слова не сказала. Не заступилась, не поддержала, не крикнула, что он на такое не способен. Впервые за полтора месяца Соловейчик с тоской думает о друге — не «бывшем», как он уже почти привык его называть.

Раньше с таким вихрем чувств и сомнений он шел к Зине. Иногда даже не говорил, почему тошно или грустно, ему хватало побыть немного в компании друга, потрепаться на отвлеченные темы — и отпускало. А теперь и рассказать некому...

Саня вспоминает про Семеныча и решает посоветоваться с ним.

Случай представляется уже на следующий день. Километрах в пятидесяти от села рыбники накрыли стан «несанкционированных» браконьеров.

Пока коллеги оформляют протоколы на берегу, Соловьев с начальником по колено в воде толкают катер поближе к суше. Мотор внезапно заглох, надо посмотреть сейчас, на земле, чтобы потом не застрять посреди реки. Семеныч может этим и не заниматься, но ему до одури надоели бумаги и опросы. На то у него есть подчиненные, он потом одним глазом посмотрит и подмахнет. А пока надо расспросить Саньку, чего он с таким похоронным видом на людях показывается. Только приступов откровения и раскаяния им тут всем не хватало! Это на реке рыбник кум королю, а на суше своих инспекторов выше крыши, из других органов.

— Ну все, план в июле закрыли. Даже с превышением показателей прошлого года. — Семеныч довольно щурится.

— Может, не надо было? Это Сологубовы. — Санек виновато смотрит на берег. — У них дом весной сгорел, отстраиваться теперь...

— А давай всех отпускать? И икры с рыбкой на дорожку. И платочками белыми помашем. Чистыми-чистыми. Как твоя совесть. — Семеныч и хотел бы помягче, но не выходит.

Начальник и подчиненный доставляют катер на мель. Выходят из воды, собирают снасти задержанных и несут ко второму катеру рыбаков.

— Да у них и полусотни килограммов икры нет!

Саня зло бросает снасти в катер. Забирает вторую партию у Семеныча и бросает туда же. Достает веревки, закрепляет их за поручень.

— Ты, паря, заканчивай. Премии брал? Брал! А откуда она, как думаешь? — Семеныч старается говорить потише.

Теперь они с другими концами веревки бредут обратно к берегу.

— Спасибо скажи, что я про дружка твоего армейского помалкиваю. — Начальник выходит на берег, хватая резиновую лодку, волочит ее в воду.

— А что там рассказывать? — огрызается Соловейчик, привязывая веревку к арестованному плавсредству.

Семеныч идет за второй резиновой лодкой и так же подтаскивает ее к Сане. Паузы в разговоре становятся все дольше.

— Вот и я говорю, нечего тут сопли развозить. Пропал человек в тайге. Бывает. — Начальник смотрит на берег. — Сологубовы тоже молодцы. Договорились бы по-свойски, заранее. И они с икрой, и мы не в обиде. Жадность, Санек, она людей губит.

Глава 9

Лешка сначала шарахается от Везунчика и все оглядывается, не выскочит ли из-за кустов мамаша медвежонка. Но день идет за днем, и зверек уже трусит за людьми, как собака, все больше сокращая дистанцию. Когда Зиня спотыкается об него и чуть не летит кубарем, страх перед будущим грозным хищником окончательно испаряется. Парень ругается и даже легонько пинает мохнатого за то, что тот не смотрит, куда прет. Ивнэ чуть не влепляет Лешке затрещину за то, что он кричит на маленького. Везунчик все равно получает по ушам от девушки за то, что балуется и мешаает идти. Дуются все друг на друга несколько часов. Мирятся вечером, когда Ивнэ ловит рыбу. Ну как мирятся... Лешка и медвежонок подлизываются: они с остройгой управляться не умеют.

Везунчик так потом и путается в ногах, и на привале только что под бок не укладывается, и, кажется, ночью в обнимку бы с девушкой спал, но ветвей таких, чтобы вес их общий выдержали, не находится. Вернее, корячка специально такие не ищет. Она еще лелеет надежду, что медвежонок вернется к своим.

На сопке Ивнэ находит лекарственные растения и чуть ли не на коленке делает мазь для компрессов. Ребра не зарастут мгновенно, но бо- леть будут меньше. Синяки Зини постепенно проходят, опухоли спадают. Он все чаще балагурит и шутит. Он вообще редко замолкает, трещит без умолку. Раньше это Ивнэ раздражало, а теперь она рада, что не одна. Несколько недель в тишине и одиночестве ей хватило с лихвой. Иногда она просыпается ночью в ужасе, что встреча с Лехой и медвежонком ей приснилась, видит их — и сердце перестает гулко и страшно стучать в груди. Все на месте, все рядом.

Этим утром она просыпается у почти потухшего костра одна, но сквозь дрему слышит, как на другой стороне поляны через кусты ломятся Лешка и Везунчик. Парень в ладошках несет темно-синие ягоды. Ивнэ с улыбкой их берет, потом хмурится. Если жимолость² созрела, так какой месяц на дворе — август уже, что ли? Она не успевает спросить у своего спутника, тот разворачивается и опять уходит в лес. Медвежонок остается рядом с Ивнэ и всем своим видом показывает, что он тут мимо проходил совершенно случайно, но если она поделится ягодкой, то он будет совсем-совсем не в обиде, а даже наоборот. Сам ближе не подходит и в руки мордочкой не лезет.

Зверек маленький, а не наглет, как его старшие сородичи, кото-рых подкармливают. Те сначала просят, а потом начинают требовать. Заканчивается это одинаково — смертельными для мохнатых попро-шайек выстрелами. Или охотники разбираются сами, или местные зовут егерей.

Ивнэ высыпает половину ягод на землю и отсаживается подальше. Везунчика дважды звать не надо, он тут же налетает на лакомство.

— Доброе утро! — Леха возвращается из леса с хворостом.

— Доброе. — Ивнэ съедает последнюю ягодку. — Кофе бы.

— Ага. Покрепче. И три ложки сахара, — вздыхает Зиновьев-млад-ший и подкидывает ветки в огонь.

— Чего мелочиться — пять ложек в чашку. О, когда вернемся, я скуплю у Катьки в ларьке весь шоколад! И буду есть его, есть и есть, пока меня не стошнит... — Ивнэ мечтает вслух и тут же мысленно ругает себя за то, что вспомнила рыжую.

— Я тебе его оплачу, с меня причитается. — Леха как будто и не слышал имя невесты.

— А у вас с Катей серьезно? — Девушка все-таки задает этот во-прос.

— А ты откуда столько про вершки и корешки знаешь? Я думал, вы с бабкой такие... декоративные шаманки. — Зиня еще со школы славится умением не отвечать на поставленные вопросы.

— Да как-то само в памяти всплыло. Пока русские не пришли, в лесу аптек не было. — Ивнэ обиделась на «декоративных шаманок».

² Имеется в виду позднеспелый вид жимолости, растущий на Камчатке и Крайнем Севе-ре. — *Примеч. ред.*

— И антибиотиков не было. Электричества. Школ... — Зиновьев-младший удивленно смотрит на свою спутницу.

— Браконьеров. Интернатов. Водки! — заводится она.

Лешка смотрит на медвежонка, который бочком-бочком ползет к Ивнэ и явно целится прилечь ей на колени.

— Ну все, привык, — опять переводит тему парень.

Зверек добирается до девушки, прижимается к ней и сворачивается в клубок.

— Маленький еще. Забудет. — Ивнэ треплет Везунчика по холке. — Леша, знаешь, как появились вулканы? — Она смотрит вверх — на верхушки огненных гор.

Зиня шурует хворостиной в костре, поднимает глаза и вопросительно смотрит на нее.

— Бабушка рассказывала, что была на земле девушка невиданной красоты. Все парни в нее влюбились. Дрались, воевали, убивали. Рассердилась на них старая шаманка и пообещала превратить их в горы, — растягивая каждое слово, начинает сказку девушка.

Леха бросает палку в костер, встает, идет к вещам и начинает с преувеличенным усердием в них рыться, как будто что-то ищет.

— Они не послушали. И шаманка выполнила свое обещание. Но в этих мужчинах было столько злости, что она, эта злость, превратилась в лаву. А сами они — не просто в горы, а в вулканы... — Ивнэ комкает историю и быстро-быстро добирается до финала.

Леха бросает вещи на землю, оглядывается, смотрит на вулканы.

— А у вас, коряков, красивых историй про любовь не бывает? — хитро шурясь, интересуется он.

— Бывают. Если любовь есть. — Ивнэ встает и подходит к бывшему однокласснику.

Он почему-то смотрит на нее, но не в глаза, а на губы. Девушка улыбается. Леха делает еще полшага к ней.

— Дай флягу. — Голос у него почему-то хриплый.

— Знаешь, почему я эту сказку вспомнила? — Ивнэ уже шепчет парню на ухо.

— За водой сходить надо, — так же тихо говорит он, но тянется, как будто хочет ее поцеловать.

Ивнэ надавливает Лехе на больные ребра, и он, охнув, сгибается в три погибели.

— Мы неделю уже идем. И вулканы стали ближе, но — справа. А из нашего села они должны быть слева видны. Ты куда нас завел?! — бучует корячка. — Почему ты ничего не рассказываешь про Тилиль? Меня почему не ищут? Кто тебе накостылял? Я, по-твоему, совсем дура набитая?!

На месте Лешкиной стоянки, где они видели его в последний раз, Семеныч и Саня проводят часа полтора. Прочесывают берег, заглядывают под каждый куст и каждую корягу.

— Как корова языком слизнула! Хорошо бы, конечно, но не с нашим счастьем, — резюмирует начальник. — Его мать «заяву» участковому кинула. Пока что — дело о пропаже.

— Семеныч, ты там тоже был, — слишком панибратски напоминает Соловейчик.

Его руководитель останавливается и бьет Саню под дых.

— Ты со мной, щенок, и сезона не отпахал! А уже на «ты»? — цедит сквозь зубы старший.

Саня разгибается, делает шаг к Семенычу, но тот снова бьет его в солнечное сплетение, только на этот раз не отходит, а поддерживает подчиненного, как будто обнимает.

— Да пропал он, и черт с ним! — выдыхает Сашка.

— Я тут подумал... Живой выйдет — расскажет. Труп найдут с синяками — опять вопросыки. Куда ни кинь, везде клин, Санечка. — Начальник наконец размыкает объятие.

Он отходит и смотрит на реку, по которой идет еще один катер рыбоохраны.

— Считай, командировка. Пока не разберешься — даже не появляйся.

Семеныч уходит к берегу реки, а Саня разгибается и смотрит, как причаливает второе судно, забирает начальника и отчаливает.

От Ивнэ после ее вспышки гнева Леха держится подальше и молчит. Уже через пару часов он выводит ее на свою вторую «базу», расположенную на берегу в устье реки. Вода в реке бурлит от нерестящейся рыбы.

— Вы ж мои золотые! Смотри! — Зиня счастливо машет на сотни кижучей с красными от икры боками.

— Я с тобой не разговариваю. Пока! — Ивнэ разворачивается было в лес.

Но смотрит на чащу, а потом — на медвежонка у ног. Решает, что сначала запасется едой, а потом уже красиво уйдет в закат. И лучше бы — в рассвет, чтобы ночью не шарахаться.

Пока Ивнэ думает, как совместить гордость и здравый смысл, Лешка идет к ближайшему дереву, наклоняется и, как фокусник, поднимает кусок дерна. Под «покрывалом» из травы и цветов виднеется полиэтиленовая пленка. Лешка убирает ее и начинает вытаскивать из ямы свои «нычки».

Ивнэ и медвежонок отрываются от рассматривания рыбы в воде и с круглыми глазами наблюдают, как на поляне появляются свернутая палатка, спальник, мужские джинсы, майка, свитер, стопка носков, принадлежности для бритья, дождевик...

Свернутые в клубок рыболовные сети.

Сдутая резиновая лодка с веслами.

Пластиковый контейнер, в котором лежат чайник, котелок, посуда, консервы, макароны, сахар, соль...

Ивнэ отворачивается, но успевает заметить пачку кофе и несколько плиток шоколада.

Здравый смысл ехидно смеется внутри.

Позже она разводит на берегу маленький костер, жарит на хворостине пресный кусок рыбы и видит, как Зиня небрежно держит над своим большим костром стейки из лосося в решетке-гриль. Он цокает языком, достает приправы. Солит. Перчит.

Ивнэ дует на свой скромный ужин и пробует его — без специй терпимо, но надоело.

А затем до нее доносится аромат кофе. Она против своей воли разворачивается и смотрит, как Зиновьев-младший варит его в какой-то алюминиевой плошке. Не турка, конечно, но за сотни километров от цивилизации вполне сойдет.

— Везунчик, пошли! — говорит Ивнэ, но объевшийся медвежонок спит на берегу пузом вверх среди надкусанных тушек красной рыбы.

Леха выливает кофе из котелка в кружку. Пьет.

— Фу, какая гадость! — Он медленно наклоняет чашку и начинает выливать кофе на землю. — Горький.

Это уже выше ее сил. Ивнэ приподнимается и тянет руку забрать кружку у капризного гурмана.

— Стой! — почти кричит она.

— Мир? — с надеждой спрашивает Лешка.

— Перемирие, — кивает девушка. — На чашку кофе.

— Сколько сахара?

— Две ложки... Пять!

— Извини. Это не Тилиль. И не заповедник. — Зиновьев-младший доликает из котелка кофе в кружку, добавляет сахар и передает Ивнэ. Достает из кармана припрятанную шоколадку. — Мне оставь пару долек.

Девушка маленькими глотками пьет кофе, забирает сладкое.

Браконьер и оглянуться не успевает, а Ивнэ уже дожевывает шоколад и демонстративно кидает в костер фольгу и обертку.

— На здоровье, — ухмыляется Леха.

В сотне метров от берега, возле болота, под стлаником, Леха начинает растаскивать старый хворост и валежник. Ивнэ стоит со скрещенными на груди руками и не делает ни одной попытки помочь спутнику. Пусть у него и ребра болят. Она еще злится на него за обман.

Зиня расчищает жердины и показывает ей основной тайник. Запасной вариант, все по заветам предков. В соответствии с основательным подходом к жизни Зиновьева-старшего. Полтысячи литров икры в пластиковых контейнерах и несколько мешков соли.

— Тут полтонны примерно. Я прошарил, что не надо хранить там, где ловишь. Сразу в другом месте схрон сделал и раз в несколько дней перетаскивал, — поясняет Лешка.

Ивнэ считает в уме стоимость «клада» и присвистывает.

— Это ляма полтора, если перекупщикам скинуть. Если сейчас не тупить, то через пару-тройку недель еще столько же будет, — жизнерадостно сообщает Зиновьев-младший.

— Удачи, — холодно отвечает Ивнэ.

— Я один не управлюсь. Я тебе половину отдам. И медведя твоего пристрою. — Лешка подходит и берет ее за руку.

— И все будут жить долго и счастливо. — Ивнэ смотрит на икру. — Особенно вы с рыжей.

— Да, с Катюхой... Мы с ней уедем. А ты туристов возить будешь. — Зиня валится на колени. — И все довольны. Ну пожалуйста!

Ивнэ смотрит на него сверху вниз, у нее странное выражение лица.

— Хорошо. А то ты ж надорвешься... — Она отворачивается. — До свадьбы не доживешь.

Километрах в пятидесяти от них начинается проливной дождь. Саня в дождевике и «болотниках» бродит по лесу, потом проверяет протоку, затем — заводь.

Чем дальше он это делает, тем злее становится его лицо.

Соловейчик уходит от берега глубоко в лес. Чуть не попадает в болото, но вовремя отдергивает ногу.

На следующий день он не в лучшем расположении духа бродит по лесу и вдруг натывается на давно потухший костер у дерева. Саня поднимает голову и видит сплетенные ветки — бывшее спальное место Ивнэ. Рядом еще одно — поменьше. Соловьев лезет в него рукой, достает клоч бурой шерсти.

— Ерунда какая-то! — Рыбник испуганно оглядывается.

Только согнуть в лесу ему не хватало. Может, это и есть план Семеныча: все на него свалить? Нет свидетеля — нет проблемы... Санек изо всех сил отказывается считать себя виновным. Это все Леха устроил! Тоска по бывшему другу испарилась. Одежда сырая, в сапогах хлюпает вода, из еды — одна тушенка. Мошка задолбала, от нее даже накомарник не спасает. В село за провиантом не смотаешься: начальнику вмиг донесут.

Саня ищет следы, но ничего не может прочитать на земле — все смыл дождь.

Глава 10

Август близится к середине. По утрам в лужах под ногами уже потрескивают льдинки. Но у Зини в схроне нашлась теплая и сухая одежда, пусть и мужская.

По ночам в палатке тепло. Ивнэ иногда даже жарко от мысли, что Лешка лежит так близко от нее, руку протяни. Но он не флиртует, не шутит двусмысленно и лишний раз к ней даже не подходит. Как только она согласилась помочь с заготовкой икры, отношения стали сугубо деловыми, что ли.

Девушке грустно от этих мыслей, но она помнит, какая стройная, ловкая и умная красотка ждет ее спутника в Тилиле. Там, где Ивнэ съязвит, Катюха только глаза закатит — и все несутся извиняться. Где Ивнэ

нагрубит, Катя горестно вздохнет — и все тут как тут, в очередь становятся ее спасать и усювестить обидчика...

Ивнэ вспоминает одноклассницу и прикусывает губу. Конечно, поэтому Леа так странно на нее иногда пялится: они с Катей как небо и земля. Куда ей тягаться с рыжеволосой заводилой, у которой каждый день было по пять желающих нести портфель после школы!

Корячка стоит на коленях перед грудой выловленной рыбы. Ивнэ шкерит ее: вспарывает брюхо, кишки и тушку выкидывает в воду, а ястык — икру в пленке — складывает в большой пластиковый контейнер.

Метрах в пяти от девушки Леа в грохотке — специальном решете — отделяет икранные зерна от пленки. Рядом на костре в котелке закипает тузук. Леа аккуратно сыплет липкие икринки с грохотки в еще один пластиковый контейнер — с остывшим соляным раствором.

К Ивнэ подходит Везунчик, сует морду в контейнер с ястыком, но тут же получает от девушки по ушам. Обиженный медвежонок трусит к реке, плюхается в воду и ловит рыбу, благо горбуша и кижуч так и кишат у него под лапами.

Ивнэ останавливается и смотрит, как зверек тащит добычу на берег.

— У меня такое чувство, будто у нас сын и он только начал ходить, — восхищается Зиновьев-младший.

— Зверюга! — умиляется Ивнэ. — А ты все: тамагочи, тамагочи...

Она снова начинает шкерить кижуча. Зиня подходит к ней, забирает контейнер с ястыком, тащит к костру. Садится, протирает ястык в грохотке и исподволь разглядывает Ивнэ.

Как Ивнэ вытирает пот со лба.

Как Ивнэ дует на выбившуюся прядь.

Как Ивнэ встает размяться и потягивается.

Девушка чувствует его взгляд и сама, как будто невзначай, косится на спутника, но он уже сыплет соль в котелок с тузуком и вроде бы очень занят...

Ивнэ вспарывает брюхо очередной рыбине и выбрасывает отходы в реку. По кустам складывать нельзя — набегут четверолапые «санитары леса».

Несколько распоротых тушек плывут по течению реки. Уплывают все дальше и дальше.

Позже одна из них прибивается к берегу. Из воды ее когтистой лапой вытаскивает медведица, бросает улов медвежатам. Нюхает воздух и смотрит на воду вверх по течению.

Поздно вечером ниже по течению той же протоки уставший, грязный и обросший щетиной Саня набирает на берегу в жестяной чайник воду. В его мини-лагере горит костер и стоит маленькая палатка.

Саня видит, как в круг света на воде заплывает одна тушка кижуча, затем вторая... Соловейчик прыгает в воду, хватается находку. Светит на нее фонариком, проверяет края разреза.

— Ровнехонько-то как... Ножичком, не когтями тебя вспороли! — Рыбник отбрасывает тушку и смотрит в темноту.

В это же время на Лешкиной тайной стоянке медвежонок нежится почти у самого костра. Везунчик совсем не боится пламени. Ивнэ смотрит на питомца и чувствует огромную вину за то, что испортила зверя. Огнем его теперь не спугнешь, в людях он опасности не чувствует. Зверек за этот месяц чуток подрос, в основном вширь. Выставляет пузо поближе к источнику тепла и явно получает удовольствие.

Ивнэ держит чашку с чаем обеими руками и подглядывает за Лешкой. Тот сидит между медвежонком и девушкой, держит зеркало и бритву, нижняя часть лица — в пене для бритья. Он тоже наблюдает за своей спутницей — через зеркало. Но напрямую взглядами они не встречаются.

Везунчик переворачивается на бок, рассматривает то парня, то девушку, потом фыркает и закрывает глаза.

На следующее утро в селе Тилиль Спиридон Кондратьевич в спортивных штанах и резиновых тапках выходит из дома в сени, зевает. Берется за ручку входной двери и окаменевает. Улица как будто вымерла: ни кошка не мяукнет, ни пес не гавкнет, даже цепью не бряцает. Домашняя птица и та как будто дала обет молчания. Дурная тишина.

Старейшина не выходит во двор, а посмотреть там есть ли что. Весь хозяйственный инвентарь поломан и разбросан. Грядки и половина огорода вытоптаны, как после нашествия бизонов. Дыру в заборе, забитую досками после предыдущего нашествия, медведи пробили еще раз — по свежему ремонту. Кругом на земле возле дома — огромные звериные следы.

Старейшина все еще надеется услышать звуки привычной утренней суеты, но тщетно. Через несколько минут он вздрагивает от выстрелов.

В обед на центральной площади собирается не менее трех десятков жителей села. Почти все — мужчины с винтовками или дробовиками. Без оружия только женщины: мать Лешки и Катя.

— Я предлагаю обратиться к москвичам. У них и связь спутниковая, и ресурсы, — говорит старейшина.

— Обратились уже! — Катюха демонстративно зажимает нос. — Чуешь?

Участники схода, которые стоят позади, постоянно оглядываются, как будто сканируют территорию. В окнах ближайших домов видны встревоженные женские лица. Во дворах — никого.

В одном из домов открывается дверь, на крыльцо выходит ребенок с мячом. За ним выскакивает мать и тянет малыша внутрь, не обращая внимания на его протесты. Слышен звук запираемого засова.

— Кондратьич, ты что все с этим их директором лясы точишь? Спелся? Поделались? — озвучивает подозрения соседней Зиновьев-старший.

— Воняет еще сильнее, чем раньше! — подливает масла в огонь лавочник Богдан Иванович.

— Договариваться надо, договариваться! Не в лесу живем, — стоит на своем старейшина.

— Лешки моего уже почти два месяца нет! Инга... Ивнэ эта тоже месяц как не показывается, а раньше за травами максимум на неделю уходила... А если их медведи загрызли? Делать-то что-то надо! — верещит тетя Галя.

Толпа гудит, люди плотнее обступают Спиридона Кондратьевича. Он и хотел бы им рассказать о трупке Полкаши на крыльце дома своей почти внучки, о невнятном разговоре с директором рыбозавода месяц назад. Но после того разговора двор Ивнэ чудесным образом преобразился: мертвый пес пропал, беспорядок исчез, ничего не сломано, никаких следов драки. Как будто девушка просто ненадолго ушла. Доказательства ее убийства, пусть и косвенные, испарились, идти к сельчанам и в полицию оказалось не с чем. Старейшина чувствовал себя полным дураком, но признаться в этом и общине, и русским тогда побоялся. А теперь вон как все повернулось... Одна надежда, что Инга-Ивнэ еще злее и живучей всех своих предков вместе взятых. В их семейке в каждом поколении был кто-то, чьим приключениям позавидовали бы и Джек Лондон, и Фенимор Купер.

— А-а-а! Помоги-и-ите! — доносится издалека высокий женский голос.

Мужчины с оружием срываются с места и несутся на окраину села.

В это же время далеко от Тилиля медведица шествует берегом вверх по течению реки. Она постоянно смотрит на воду и наконец замечает очередную выпотрошенную рыбу. Животное грациозно прыгает в воду и возвращается на сушу с тушкой в зубах. Несколько медвежат семят за мамашей и ждут, поделится или нет.

Слышен звук катера.

Медвежата прячутся в траве. Матушка их даже не двигается с места и хладнокровно наблюдает, как плавсредство проносится мимо нее в том же направлении.

Катер ведет небритый и усталый Саня. На животных рыбак не обращает никакого внимания, он сам как дикий зверь — унюхал добычу и идет по следу.

Ивнэ и медвежонок сидят на берегу, смотрят на резиновую лодку, которая качается на воде, привязанная веревкой к кольшку.

— И как ты тонну икры повезешь? — насмешливо уточняет Ивнэ.

Леха, выбритый и причесанный, появляется у нее за спиной с подвесным лодочным мотором. Заходит в воду, начинает крепить устройство.

— Там полсотни контейнеров. Я на «Титаник» билета не брала, — недовольно сообщает девушка.

Она отворачивается и видит расстеленный на земле круглый надувной плот с толстой воздушной подушкой. Он пока спущен, но рядом валяется ножной насос. Леха закрепляет мотор и начинает отлаживать его уровень. Ивнэ без особой охоты идет к плоту, подсоединяет шланг и пытается надуть то, на что они потом погрузят засоленный товар.

— Ну, такими темпами, — она косится на лодочный мотор, — к зиме управлюсь.

— Соляры мало. В обрез, — сообщает Зиновьев-младший.

— Как ты рыбников на реке пройдешь? — на всякий случай спрашивает девушка.

— Обойдем поверху. Дотащиться надо до распадка в заповеднике. — Леха в час по чайной ложке раскрывает свой план.

— Папа подсобит? — Шаманка-знахарка все равно не понимает.

— Он мне скорее голову открутит, — нервно ржет Зиня. — Не, там перекупщики дежурят. Они сами тайными тропами все в центр тянут. Какими, я не спрашивал.

Саня на катере приближается к месту, где три речки соединяются в одну. Он сбрасывает скорость и на ходу внимательно изучает правый, левый и центральный притоки. Потом почти совсем глушит мотор и присматривается к воде. Из левого притока выплыли, но застряли в траве у берега потрошенные тушки рыбы.

Саня снова заводит судно и на скорости входит в левый приток.

Ивнэ накачивает плот медленно-медленно.

Леха пару раз заводит мотор. Довольно хмыкает. Идет из воды на берег. Хорошее настроение тут же пропадает: Зиновьев-младший понимает, что девушка саботирует процесс.

— Ну, раз-два! Я пока икру притащу, — преувеличенно бодро говорит он.

Когда Зиня уходит, Ивнэ вообще прекращает накачивать плот. Пинает его.

— Не смотри на меня так, — сердито говорит она медвежонку.

Везунчик ничего не понимает, но на всякий случай вприпрыжку летит за Лешкой. Встречает его на середине пути. Браконьер на волокуше из веток тянет по земле пару контейнеров.

— Есть охота. Давай пообедаем? — предлагает Ивнэ, когда они возвращаются к ней с поклажей. — Аж побледнел весь! Отдохни. Я пока кофе поставлю.

— Ставь. Я все-таки еще икры притащу. — Лешка стаскивает контейнеры и с пустой волокушей снова уходит в лес. Медвежонок — за ним.

В сумерках Зиня достает из схрона последний контейнер и ставит его на волокушу. Он тяжело дышит, держится за ребра. Рядом кувыркается Везунчик. Леха выдыхает, берется за веревку.

Он тянет волокушу, медвежонок бредет рядом с ним. За попытку прокатиться ему уже досталось.

— Женщины! Сначала она макароны варила. Потом — кофе. Потом чай ставила. Зуб даю, придем, а плот как лежал, так и лежит. — Леха останавливается, чтобы отдышаться. — Странная она... Но красивая. Жалко. Тебя жалко, тамагочи! Придется расставаться. Вы уж точно больше не увидите. А мы? А что, пусть к нам с Катюхой в город приезжает, да?

Леха снова берет поводья и тащит волокушу. Быстро не получается, да уже и не очень хочется.

— А куда торопиться? Заночуем, а завтра... Завтра! Со свежими силами — в путь-дорожку. Да, тамагочи? — спрашивает Лешка у Везунчика.

Медвежонок, как собака, трусит сбоку и даже не поворачивает к нему морду.

— Не смотри на меня так, — вздыхает Зиновьев-младший.

Он не понимает, что происходит с Ивнэ. Она и в школе была странная. Ее воспитывала бабушка. Родители еще в лихие девяностые начали работать вахтовым методом где-то между Чукоткой и Камчаткой. А в середине нулевых и вовсе пропали. Взрослые что-то знали о нелегальных поставках оленины из колхозных стад и разборках между пастухами и покупателями, но, даже если заходил разговор, никогда не вдавались в подробности.

Во время учебы Ивнэ — тогда еще Инга — ходила в стоптанных торбасах из меха с бисером и дубленке, перешитой из тулупа. У нее никогда не было ни одной новой вещи из магазина. Все не по размеру, с чужого плеча, в заплатках, застиранное-перестиранное, линялое. Она постоянно таскала в сумке то перья, то камни, то варган, на котором играла на переменах. Зато дралась как берсерк, и шутить над ней не смел даже самый отпетый хулиган.

Летом между седьмым и восьмым классом девочка пропала из виду для сверстников. Ее бабка отдала богу душу мирно, во сне, а вот у внучки началось «веселое» время. Ингу отправили в интернат, куда-то на юг полуострова, а после она, по слухам, улетела учиться на материк. Никто уж и не ждал, что вернется. Местные считают так: раз уж выбралась на Большую землю, надо там закрепиться.

Но Лешка понимает Ивнэ. В больших городах, да где угодно вне Камчатки, он и сам чувствует себя маленьким и слабым. Дома, поля, заводы, дороги — там возле мегаполисов свободного места почти и нет. Все распаханно и засажено, разлиновано трассами, застроено «человейниками». Люди живут буквально друг у друга на головах! После севера Зиновьева-младшего не впечатляют красоты чужой природы. Тем более на равнине. Тут, дома, горизонт заслоняют сопки и вулканы, и Леха чувствует себя в безопасности. Потому и не остался по контракту в армии и не собирается никуда улетать учиться или работать. Тилиль маленький, бедный и обшарпанный по сравнению с селами и поселками в центральных районах страны, но уютный и родной.

Ивнэ, правда, порядком раздражает Зиню своим странным отношением к земле и природе. Они задержались, потому что она наотрез отказалась заготавливать икру каждый день. Сказала, что рыбе нужны «выходные» — отнереститься. Лешка сначала бесился. Лосось, как чумной, несется размножаться, чтобы тут же умереть. Разложиться на биомассу там, где появился на свет. И далеко не все икринки станут мальками. Совсем не все рыбешки вернутся в море, где четыре года резвились их родители. Отнюдь не каждая из них через четыре смены сезонов покинет соленую воду и будет штурмовать пресные водоемы и реки — через пороги, встречное течение, пасти медведей и сети рыбаков. Но Ивнэ уперлась как осел: эту заводь она как ковш экскаватора вычерпывать не будет! Не тому ее бабушка учила, матушка-природа не поймет и удачу заберет. Так что работали они через день.

С другой стороны, в «выходные» Ивнэ собирала какие-то корешки и травы и лечила Лешкины раны. И без умолку рассказывала про воронатворца Кутха и богатыря Хончаата³. Зиня в ответ попытался озвучить легенду про влюбленные ручей Кам и речку Чатку, которые в разлуке бросились с крутой сопки и соединились после смерти, — отсюда и название полуострова. Но Ивнэ хохотала, как умалишенная, и презрительно назвала историю сказкой для туристов.

Она нехотя сообщила, что ей говорили об охотнике-ительмене Кончате, в честь которого в восемнадцатом веке сначала называли реку, а потом и край. Потом отвела глаза и сказала, что, скорее всего, эти места открыл для русских и покорила казак Иван Камчатый в пятнадцатом веке. Версий много, но, какая из них верная, уже непонятно. Письменность коренных малочисленных народов «изобрели» пришельцы с запада. Записали и систематизировали сказания купцы, казаки, православные миссионеры. Если бы не они, не было бы ни алфавитов малых народностей, ни словарей, ни записанных сказок и мифов. А что из сохраненного верно — уже и не разберешь.

Ивнэ считала, что, по сравнению с соседями — североамериканскими индейцами, корякам, чукчам и ительменам повезло стать частью Российской империи. В других странах племена охотников и пастухов быстро исчезали во время завоевания земель бледнолицыми с огнестрельным оружием и колониальными замашками. На Крайнем Севере России местные народы быстро смекнули выгоду от принятия христианства: не крещен — плати ясак, крещен — и налогов меньше, и пользуешься благами цивилизации — медициной и образованием. Ивнэ сильно возмущалась тем, что некоторые доброхоты предлагают сохранить и закрепить коренные малочисленные народы в парадигме существования предков — без интернета, электричества и транспорта.

— Сами пусть коренья и ягоды собирают да кухлянки из шкур косяными иглами шьют, благодетели чертовы! У человека должен быть выбор, — как-то раз гневно выплюнула она.

³ Кутх и Хончаат — герои мифов народов Севера. — *Примеч. ред.*

...С этими мыслями уже после того, как садится солнце, Лешка с волокушей выходит на берег. Везунчик отстал и роет что-то в кустах. Зиновьев-младший видит полуспущенный плот, но широко улыбается.

Ивнэ сидит у костра лицом к реке, спиной к Лехе. Ему виден только ее силуэт.

— Катя... Ой, Ивнэ, прости! Я тут подумал... Столько всего было, и бац — расставаться... — Зиня бросает волокушу возле плота и идет к девушке.

На полпути останавливается и не может понять, что не так. Слышит рычание медвежонка и шорох гальки. Успевает заметить, что руки у Ивнэ связаны, а во рту кляп.

Хрясь!

Саня, внезапно появившись, бьет Леху прикладом винтовки по лицу.

Глава 11

Зиня постепенно приходит в себя. Проверяет руки — в этот раз замотаны крепко. Почти что дежавю. Только напротив связанная Ивнэ, а Семеньча не видно. Белый катер рыбоохраны качается на волнах возле резиновой лодки с мотором.

Саня сидит на земле у костра и греет в открытой консервной банке тушенку. Оружие держит под рукой.

— Где ты эту убогую подобрал? Что с ней теперь делать скажешь? — задумчиво спрашивает он, заметив, что друг бывший очухался.

— Саня... Забирай икру. Все отдаю! Тут три ляма чистыми. Я тебе контакты сдам, явки, пароли — всё! — выпаливает Зиновьев-младший.

— А сам я нерпа тупая, да? Не разберусь, думаешь? — с нервным смешком говорит рыбник и смотрит на Ивнэ. — Но она-то мне ничего не сделала.

— А я сделал, да? Я тебе что сделал? — злится Лешка.

— Я ж предлагал на контракт в армейке остаться? — напоминает Санек и не ждет ответа, жадно поглощает тушенку.

— Так и не возвращался бы. — Лешка глазами ищет медвежонка и про себя молится не пойми кому, чтобы они все остались живы: и он, и Ивнэ, и тамагочи.

— Я же, дурак, за тобой пошел. Мы же друзья! — Соловейчик расправляется с нехитрым ужином и бросает банку в костер.

— Новую жизнь начнешь. — Леха кивает в сторону контейнеров с икрой.

— С Катенькой. А ты типа в сторонке молча постоишь? — Рыбник встает и подходит ближе к пленным.

— Да все, проехали, — уговаривает Соловейчика Зиня. — Ты победил. Икру забирай. Катюху прихватывай. Совет да любовь!

— Гад, а ты раньше так сказать не мог? Сбрызнуть в сторону? Тебе бы только потягаться с кем-то, подурковать! — Санек почти кричит. —

Я по селу уже днем не хожу. Все же думают, что я тебя из-за Катьки грохнул!

— Сань, как принц на белом коне, с баблом появляешься и забираешь Катюху. Мы рисуемся на людях — ты чист. Все, что было в тайге, остается в тайге. Ты в одну сторону, мы — в другую. — Лешка надеется, что жадность перевесит в Соловейчике желание отомстить.

Он рассматривает бывшего лучшего друга и отмечает, что тот плохо выглядит. Похудел, черты лица заострились, борода какая-то козлиная выросла. Рабочая униформа вся в дырах и пятнах. Раньше Санек себе такого не позволял, постоянно повторял, что встречаются по одежке.

— Только брось нас здесь! Ни днем ни ночью в Тилиле не появишься! — Девушка выплевывает кляп.

— Ивнэ! — шипит на нее Зиновьев-младший и тут же обращается к Сане: — Бабы эти... Забей!

Соловьев нервно смеется, смотрит с интересом на Ивнэ, затем насмешливо — на Леху.

— Ты нам лодку оставь. Ну плот хотя бы, — развивает тему пленник.

Саня вскидывает винтовку, целится в него. Небрежно интересуется:

— Вы с Ингой прям два сапога пара. Давно тут развлекаетесь?

— Я — Ивнэ! — упрямо поправляет его девушка.

— Вот-вот. Инга, смотрю, тоже заткнуться вовремя ну никак не может! — Соловейчик нервно смеется, но все держит Леху на мушке.

Ивнэ зажмуривает глаза.

— Подъем! — Соловейчик оборачивается, смотрит на контейнеры с икрой.

Ивнэ и Леха неловко, с трудом встают. Руки у обоих связаны.

— Ружбайку убери, — вежливо просит Зиновьев-младший.

— Инга, качай плот!

Санек подходит к Лешке, одной рукой быстро перерезает путы и тут же отходит, чтобы снова навести на пленников винтовку.

— Только дернись! Я не тебя — я ее первой застрелю, — предупреждает он.

Ивнэ со связанными руками идет к насосу, ставит ногу на педаль и начинает накачивать плот. Зиня переносит на него контейнеры. Вот и последний...

Саня переводит дуло винтовки на Леху. Указательный палец — на спусковом крючке.

Ивнэ вдруг замечает за спиной Сани медведицу и делает шаг назад.

Лешка от ужаса забывает дышать.

— Это что за тупой развод? — Соловейчик видит их лица.

Внезапно для него исчезают все звуки природы — ветер, вода, шорохи листвы и травы. Санек слышит только стук своего сердца — и звериное рычание.

Он медленно поворачивается и видит в нескольких метрах от себя огромную бурую тушу.

— Тихо. К воде. Не беги, — шепчет Лешка девушке.

Саня пятится назад, доходит до пленников. Он целится в медведицу, но у него так дрожат руки, что винтовка падает на землю.

Выстрел!

Лешка пинает контейнер, с него слетает крышка, драгоценный груз высыпается. Надежда на то, что медведица отвлечется на икру, слабая, но как знать.

Саня бросается к реке, спотыкается, падает в воду. Мимо него проносятся бывшие одноклассники. Лешка в воде хватается Ивнэ на руки и забрасывает на борт катера.

— Заводи! — орет он, а сам разворачивается к медведице лицом.

Соловейчик видит, что между ним и катером — дикий зверь и Леха, ныряет в воду и плывет на середину реки.

И тут наперерез косматой угрозе бросается Везунчик. Он становится между своей матерью-медведицей и двуногим другом.

Леха шаг за шагом спиной отступает к катеру, с облегчением слышит, как — спустя вечность, по его ощущениям, — зафыркал наконец мотор.

Медвежонок прыгает, рычит, иногда смотрит на Ивнэ и скулит. Но не подходит и не дает пройти медведице.

Леха упирается в борт катера, выдыхает, подтягивается. Девушка рывком затаскивает его на палубу и бросается к рулю. Катер резко снимается с места и мчит вниз по течению.

— А хорошо, что он привык! Тамагочи! Молоток, зверюга! Спасибо! — кричит Зиновьев-младший.

Он забирает руль, ведет катер одной рукой, второй обнимает Ивнэ. Внезапно наклоняется и целует девушку...

Обернувшись назад, они видят в отблесках костра, как медведица обходит своего блудного отпрыска, бухается в черную воду и плывет к Сане, а тот бултыхается на середине реки и явно не может справиться с течением.

Лешка резко выворачивает руль и мчит обратно — спасти бывшего друга.

Катер проносится между медведицей и Соловейчиком.

Ивнэ видит на палубе спасательный круг с веревкой, наматывает веревку на поручень, а круг бросает в воду.

Рулевой резко разворачивает катер, чуть сбрасывает скорость, идет прямо на медведицу, и она отплывает в сторону в самый последний момент. Саня хватается за спасательный круг. Катер с Соловейчиком «на прицепе» уносится в ночную даль.

Везунчик разрывается между тягой прыгнуть в воду и плыть вслед за своей новой семьей и желанием уткнуться в лохматый живот матери, по которой он скучал все это время. Его братья и сестры бродят рядом и пока обходят его стороной.

Но спустя немного времени они уже все вместе режутся среди лохмотьев, которые раньше были плотом. Медвежата перемазаны красной икрой: они разломали и перевернули большую часть контейнеров.

Медведица в воде заканчивает рвать в клочья резиновую лодку. Она выходит на берег, отряхивается и идет к медвежатам, по пути наступая на Санину винтовку и сминает ее лапой, превращая в бесполезный лом. Рычит на своих расшалившихся медвежат. Смотрит подозрительно на Везунчика: от него еще несет людской вонью, но пахнет и ею самой.

Медвежья семья дружно скрывается в лесу.

Костер догорает, и берег реки погружается в пугающую, дикую темноту, в которой нет и намека на существование людей.

По реке медленно идет катер. Ивнэ, Леха и Саня по кругу передают друг другу флягу с водкой. Делают по глотку, кривятся.

— Все, проехали? — на всякий случай уточняет Зиновьев-младший. Соловейчик кивает. Отпивает из фляги. Качает головой, когда видит, как крепко Зиня обнимает девушку.

— А сразу так нельзя было? — спрашивает с горечью в голосе.

Лешка беззаботно пожимает плечами, еще сильнее прижимает к себе Ивнэ и целует ее в висок.

Глава 12

К рассвету они добираются до Тилиля, грязные и такие уставшие, что не замечают, как безлюдно на пристани. Почти доходят до дома Зиновьевых и вдруг упираются в преграду из досок, сбитых крест-накрест, и клубков колючей проволоки. Заграждение перекрывает улицу поперек.

— Кто идет? — слышен голос Спиридона Кондратьевича, но самого старейшины не видно.

Леха на всякий случай прячет Ивнэ за спину, не зная, какого приема им ждать.

— Свой, — отзывается Саня.

Из-за угла показываются Зиновьев-старший и Спиридон Кондратьевич, у обоих в руках ружья.

— Лешка! Живой! — радостно выдыхает Павел Александрович.

— Быстро сюда! — Старейшина отодвигает часть заграждения.

Потом они все сидят на кухне в доме Зиновьевых. Нашедшиеся — с мокрыми после мытья волосами, в чистой одежде. Старейшина, Зиновьев-старший и его жена сыплют вопросами, молодежь едва успевает отвечать. Тетя Галя выставляет и выставляет угощения на стол, еще немного — и он сломается от копченого, соленого и сладкого.

— Мать, ты не суетись, — пытается остановить супругу Лешкин отец.

Спиридон Кондратьевич тоже ест. Но медленно и чинно.

— Благодарствую, — говорит он хозяйке. — Всю ночь в наряде.

— Даже за водой с охраной? — спрашивает Зиновьев-младший.

Старейшина кивает.

— Соседку чуть не задрали в огороде. Медведей-людоедов нам только и не хватало! — кипятится Павел Александрович.

— Москвичи, уроды, рыбу где-то неподалеку сгрузили, — озвучивает причину нашествия лесных зверей Спиридон Кондратьевич.

Ивнэ отрывается от еды, внимательно смотрит на соплеменника.

— «Договариваться надо, договариваться!» — передразнивает она главу общины. — Я их свалку почти нашла, но спалилась. Потому они меня избили, увезли в тайгу и там бросили.

— Я думал, они тебя убили. Как Полкана, — со вздохом признается пожилой коряк. — А доказательств — нет! Куда бежать, кому жаловаться? Детка, разве же я знал, что они ни собак, ни людей не жалеют!

— Они сами из-за забора носа не кажут, — отрывисто рассказывает егерь. — Нас в пень дырявый послали. Сказали, мол, ждите помощи властей.

— Так штурманем всем селом завод! — весело предлагает Лешка.

В обед на центральной площади он с разочарованием смотрит на расходящуюся толпу односельчан.

— Не, мужики, это уже чистая уголовка, — ворчит, уходя, отец Кати.

— Что, до зимы сидеть по хатам будем? — пытается задеть соседей за живое Леха.

— Пошли домой! — тянет его за рукав Галина. — Только вернулся, опять куда-то лезешь? Москвичи эти явно непростые...

— Мать права. Зверей и пострелять можно. А за этих — нас положат, — пытается уговорить сына Павел Александрович.

Лешка, Саня и Ивнэ ночью покидают свои дома и идут к коттеджу Богдана Ивановича. Бывший браконьер и бывший рыбак, не стовариваясь, подбирают камешки и одновременно кидают их в окно Катиной комнаты.

— Ларек открывается в десять, алкашня, — недовольно бурчит себе под нос рыжая и только потом распахивает створку.

Смотрит вниз и ойкает:

— Ой, Лешенька, привет... Вернулся? — И тут же с другой интонацией: — Вы чего не в дозоре?

— Выходи. Разговор есть. — Санек уязвлен, что с ним возлюбленная даже не здоровается.

Катюха выскакивает на крыльцо в куртке поверх ночнушки и в резиновых сапогах. Но всем сейчас плевать на ее внешний вид.

— Катюха, помнишь, батя твой салюты до зимы припрятал? — наминает Лешка.

— Ага. На Новый год дороже будут, — кивает рыжая.

— Катенька, очень нужны все, какие есть, — вступает в разговор Соловейчик.

— А касса? Я потом что скажу отцу? — Хозяйка ларька не понимает, зачем им в августе салюты, да грядущую прибыль упускать неохота.

— Да какая касса! — горячится Зиновьев-младший. — Сидим по домам, как крысы. Надо рыбозавод громить!

— У нас план есть, — заговорщицки шепчет Ивнэ. — Мы с тобой отвлечем, а парни на территории бедлам устроят.

Корячка нарочно прижимается к Лешке, он, уже привычно, обнимает ее за талию.

Катя видит эту парочку, закатывает глаза. У нее поклонников пруд пруди. Вот еще она за кого-то с кем-то соревноваться будет! К тому же глубоко в душе она рада, что Зиня и Ивнэ сошлись: любовный треугольник с участием Лехи и Соловейчика ей давно надоел.

Во двор в одних подштанниках и с ружьем в руках выскакивает Богдан Иванович.

— Быстро в дом! — командует он дочери и замечает Лешку. — Еж-кин-матрешкин! И ты здесь! Мы ж тебя уже почти похоронили, слышал? Слава богу, что все обошлось! Я бы себе вовек не простил, если что... Я же всем вам, дуракам, говорю, что у нас в селе и другие девки есть! И поумнее, чем моя!

— Да мы не свататься, — улыбается Зиновьев-младший.

— Помощь нужна, — признается Соловьев.

— Слышал я уже про ваш план, — чешет в затылке торгош. — Тупее не придумаешь!

Через полчаса на площади возле ларька Богдан Иванович передает парням ящик с петардами. Ему уже поперек горла и патрули, и ограждения на улицах, и необходимость все время бояться: то ли за углом медведь шалит, то ли кто-то из вооруженных добровольцев его самого с бурым хищником перепутает.

Саня и Леха жмут ему руку и скрываются за углом.

— Катька дура! Такой зятек был бы, такой зятек! — непонятно о ком сокрушается себе под нос Богдан Иванович.

Глава 13

Рыбозавод тоже переходит на военное положение. «Усиленная охрана», правда, сводится к тому, что в нарядах по ночам теперь спят в два раза больше сотрудников ЧОПа, чем раньше. Все равно они несут службу за забором, так что дрыхнут без зазрения совести, не опасаясь за свою жизнь. Если начнется кипиш, они его не пропустят.

За минувший месяц во дворе появилась сторожевая вышка, снаружи ее видно над оградой возле ворот. На ней сейчас досматривает десятый

сон очередной страж откуда-то с Волги. И не видит, как с внешней стороны вдоль забора крадется Ивнэ с ящиком петард. Она добирается до калитки, ставит опасную ношу на землю и проверяет время на смартфоне. Затем достает из кармана моток бикфордова шнура, закрепляет его на коробке и, как тень, без малейшего шороха удаляется в обратном направлении.

Отстойник на заднем дворе опять завален рыбьими отходами и покрыт тучами мух. Из темноты сквозь дыру в сетке-рабице на территорию завода проползают Саня и Леха. Они проверяют время на своих сотовых.

— У нас двадцать минут, — шепчет Зиня.

Анатолий Сергеевич дверь в свой личный вагончик никогда не запирает. Никто в здравом уме к руководителю просто так не сунется, только если нагоняй очередной хочется получить. Но сейчас директор рыбозавода наверняка сожалеет об отсутствии на двери засова или простой щеколды. Его, заспанного, в трусах и майке, по мокрой от росы траве ведет — почти тащит, зажав пленнику рот, — к стоянке «камазов» высокий русоволосый викинг. Это, конечно, Леха. А сзади викинга сопровождает с винтовкой подельник, шатен. Это Саня. Директору ничего не объясняют, только коротко пригрозили: «Тихо, башку свернем!» — да и выволокли из теплой кровати.

Уже в кабине грузовика москвич с облегчением смотрит на пустой замок зажигания. Его похитители в недоумении: они же не знают, что руководитель запретил шоферам оставлять ключи в технике на ночь.

— Где ключи? — шипит Соловейчик.

— В вагончике у водителей, — злорадно отвечает Анатолий Сергеевич.

Парни переглядываются, потом викинг без церемоний затыкает похищенному рот какой-то промасленной тряпкой и смотрит на часы.

— Пятнадцать минут.

Его темноволосый напарник выпрыгивает из кабины.

Ивнэ жалеет, что у нее нет связи с сообщниками. Рации они раздобыть не успели, а сотовая связь в здешних краях проклевывается редко. Девушка смотрит в сторону леса. По земле ползет туман, до рассвета еще час, не меньше. В молочной пелене на фоне темных деревьев ей чудятся силуэты медведей, каждый из которых раз в пять больше Везунчика. Девушка трясущимися руками достает зажигалку и поджигает бикфордов шнур. «Немного не по плану, но ребята сориентируются», — надеется она.

Пока один из похитителей ищет водительский вагончик, Анатолий Сергеевич выплевывает ветошь изо рта и пытается договориться с главарем.

— Ты же у нас работал, кажется? — приглядывается к викингу директор рыбозавода.

— Заткнись, — Леха предельно лаконичен.

— Я просто хочу сказать, что это очевидно глупый поступок, — вкрадчиво начинает Анатолий Сергеевич. — Ни в коем разе не препятствую вашему замыслу. Предлагаю разойтись мирно.

— Тихо. — Лешке очень хочется треснуть пленника по башке, но тот им скоро понадобится в трезвом уме и твердой памяти. В полном сознании то есть.

— Скоро пять утра. Рыбаки пойдут ставить сети. На берегу будет полно народа. А самое главное, что появятся не только они... — Директор рыбозавода притворно вздыхает. — Мы усиление из Петропавловского ЧОПа вызвали — из-за медведей... Но вы еще можете сбежать.

Зиня смотрит в сторону жилых вагончиков и едва не вскрикивает от радости, когда видит на пороге одного из них знакомую фигуру. Но буквально через минуту двери остальных вагончиков тоже распахиваются и на улицу выходят около полусотни рыбаков и охранников.

Ивнэ лежит на земле, зажала уши руками, глаза зажмурила.

Бум!

На вышке охранник, разинув рот, смотрит на фейерверки, расцветающие прямо у него под носом. Сотрудники рыбозавода несутся к воротам, по дороге спрашивая друг у друга, в честь чего такая иллюминация.

Саня в кабине «камаза» трясущимися руками подбирает нужный ключ из связки. Пять машин — пять вариантов...

«Нужно было отойти еще дальше от ящика с петардами». Об этом Ивнэ думает, когда ей в голову сверху прилетает горящий элемент фейерверка. А потом она ни о чем не думает: что не сделал осколок, завершают клубы едкого дыма. Девушка кашляет, сгибается в три погибели и теряет сознание.

Она не видит, как «камаз» выносит изнутри ворота рыбозавода и резко тормозит. Из кабины выпрыгивает Леха и бежит к ней.

Когда корячка приходит в себя, она сидит на пассажирском сиденье грузовика возле окна. Рядом — Зиня, дальше — Анатолий Сергеевич, за рулем — сосредоточенный и мрачный Саня.

— Куда едем? — уточняет Соловейчик. — Где свалка?

— Вас тут спрашивают. — Директор рыбозавода обращается к Зиновьеву-младшему, пытаясь выглядеть максимально спокойно и достойно, насколько это возможно для заспанного человека в нижнем белье.

— Говори, где рыбу свалили! Тебе твои не помогут, — хрипит Лешка.

Он смотрит в зеркало заднего вида и замечает погоню — за ними отправились еще два «камаза».

— Ты же забрал ключи! — выдыхает Зиня.

— Значит, у них запасные, — раздраженно отвечает Соловьев.

Анатолий Сергеевич чувствует себя полным идиотом. Запасные комплекты были только у него в вагончике. Так он думал раньше. Но сейчас директор даже благодарен проходимцам, которые скопировали ключи.

— Какой план? — спрашивает Саня.

Леха молчит.

— Сдаться? — предлагает москвич.

Соловейчик крутит руль и гонит машину в лес. Он его знает как свои пять пальцев и очень надеется, что приезжие здесь ориентируются намного хуже. Саня ювелирно сворачивает перед самой рощей лиственниц и кустами стланика — и одна из машин преследователей на полном ходу врезается в заросли хвойных.

— Давай влево! — Лешка тоже вспоминает местные достопримечательности.

— Там болото! — напоминает его друг.

— Вот именно, — ухмыляется Зиновьев-младший.

Через пару сотен метров лес редет — впереди поляна с редкими кривыми и сухими деревьями. Саня заранее сбрасывает скорость, тормозит и аккуратно разворачивает грузовик на девяносто градусов. А дальше вся компания смотрит, как другой «камаз» со свистом проносится мимо них и увязает в болотной жиже.

Александр снова заводит мотор, но, прежде чем тронуться с места, открывает окно и кричит преследователям:

— Ручей справа! Справа!

— Люди же, — объясняет он своим, пожимая плечами.

— Выползут. — Лешка видит в зеркало, как преследователи выпрыгивают из увязшего «камаза». — Тут рядом еще одно гиблое место есть. Как раз для нашего пассажира.

Санек знает эту интонацию: как раз с нее и начинаются обычно все их приключения. Так же весело и задорно друг предлагал то на льдинах весной покататься, то школу прогулять, то у отца самогон стибрить, то в армию уйти, то в ней же в самоволку сгонять. Что-то сейчас да будет... Одного у Зини не отнять — с ним никогда не бывает скучно. Даже если потом прилетают «обратка» и «ответка», все, что он предлагает, остается в памяти навсегда.

— Что удумал? — вслух уточняет Соловейчик.

— Этого в болото — и домой, — с кривой улыбкой говорит Зиновьев-младший. — Кроме него, нас на рыбозаводе никто не видел.

— ГЛОНАСС! Тут есть ГЛОНАСС! Можно маршрут посмотреть. Эти неандертальцы его не умеют отключать, а я всегда смотрю, чтобы проверить, не сливали ли они топливо! — пищит Анатолий Сергеевич.

— Гляди-ка — сразу все вспомнил! — с облегчением смеется Зиня. Топить он, конечно, никого не собирался.

До свалки они добираются уже на рассвете. В золотистых утренних лучах десятки тонн разлагающихся рыбных отходов выглядят особенно отвратительно. Дышать тут нечем — смрад такой густой, что его можно рубить и подавать на блюде.

Ивнэ еще слаба. Ей бы вернуться обратно в кабину и плотно закрыть окна, но она, шатаясь, стоит рядом с Лешкой. Груды протухшей рыбы вызывают у нее приступ ярости.

— Это моя земля! Это мой лес, мои реки и моя рыба! — орет она на Анатолия Сергеевича. — Вы — хуже росомах, чаек и песцов! Они подбирают чужие объедки, а вы уничтожаете мою природу, изводите ее! Вырубаете леса, распахиваете землю, огораживаете реки, сливаете в них горючку. Строите свои мерзкие одноразовые городки и завозите одноразовых вахтовых работников и одноразовую пластиковую посуду — ради чего? Чтобы ваши жены и дети покупали дорогие шмотки и хвастались ими, потому как гордиться им больше нечем! Ваш проклятый завод отработает четыре сезона и обанкротится. Нечего будет ловить, неужели непонятно? Все, что вы вычерпали сетями из воды и сгрузили тут «камазами», — это пустые реки через четыре года. Не будет рыбы. Не придет она на шелест купюр. Деньги, деньги, деньги! Ими нельзя дышать, их нельзя пить, их нельзя есть!

Анатолий Михайлович отступает и натывается на парней. Сначала Саня, а потом Лешка толкают его опять ближе к Ивнэ.

— Да никогда такого не было, чтобы в наших селах медведи летом шарахались! Они просто голодные, вот и дерутся за мусор и отходы. Вы все реки заставили сетями и отрезали их от еды. Медведицы к людям на трассы медвежат выводят: покормите малышей, пожалуйста... Какие же вы мерзавцы! У природы можно и нужно брать, но не отбирать же последнее! Вы же не только нас — себя грабите! — Ивнэ переводит взгляд на свалку.

— И что мы с этим будем делать? — Лешка видит не только гнилую рыбу, но и парочку медведей на противоположной стороне оврага. — Звери все не сожрут, а в этой тухлятине, того и гляди, какая-нибудь зараза заведется. Еще и в реку попадет... — Он смотрит на протекающий внизу, рядом с воняющей кучей, ручей.

— Составим дорожную карту мероприятий. Привлечем подрядчиков... — Анатолий Сергеевич лепечет и сам понимает, как глупо столичные шаблоны звучат на другом краю земли.

— Заставить бы тебя руками тут все перебрать! — сплевывает Зиня.

— Очевидно, нам тут делать нечего. — Директор рыбозавода бледнеет, когда замечает косолапых. — Приедут специально обученные люди... Даже тендер проводить не будем. Чтобы быстрее возместить ущерб... матушке-природе.

Саня тем временем лезет в кузов и понимает, что наткнулся на клад.

— Леха! Тут бенз есть и мазут! — Он считает бочки. — Я еще думал, чего машина так тяжело на поворотах идет...

Леха оценивает обстановку. Склоны оврага красноватые от высокого содержания бокситов, на них и на довольно большом пространствеверху ничего не растет. Да и вряд ли огонь поднимется над краями разлома. Значит, на лес он не перекинется.

Парни быстро открывают бочки с горючим и сбрасывают их вниз — вокруг зловонной кучи и на нее. Санек на всякий случай отгоняет «камаз»

подальше. Медведи удирают после нескольких выстрелов в воздух и протяжных автомобильных гудков. Леха бросает на кучу подожженную ветошь, отбегает и вместе с другими прячется в кабине «камаза» от черного едкого дыма.

Свалка вспыхивает и вскоре уже вся охвачена пламенем.

Пока Ивнэ, Саня и Лешка смотрят, как загипнотизированные, на огненные всполохи, Анатолий Сергеевич пользуется моментом и выскакивает из кабины. Он мечется, как заяц, не понимая, куда бежать, потом вдруг начинает карабкаться на толстую лиственницу. Причина вскоре становится понятна: не все бурые хищники, что околачивались вблизи свалки, обратились в бегство.

— А он в курсе, что медведи умеют лазать по деревьям? — Ивнэ замечает бесстрашного косолапого, который не ретировался при звуках выстрелов и вое пламени и теперь, заинтересованный, приближается к той самой лиственнице.

— Сейчас и узнает. — Лешка смотрит, как мишка опирается передними лапами на ствол дерева и рычит.

Анатолий Сергеевич лезет еще выше.

— На обезьяну похож. Оставить бы его там, — зло тянет Соловейчик.

— А ментам кого сдавать? Медведя? — шутит Лешка, а про себя думает, что за последнее время его друг сильно изменился.

— Минут через пять спугнем? — не меняя тона, интересуется Саня.

— Через семь, — кивает Леха. — Или десять. Вон как красиво ползет.

— Я тут подумала... Надо не только туры организовать. Можно школу корякского языка открыть. — Ивнэ, несмотря на не очень подходящую обстановку, делится с парнями бизнес-планом. — И курсы какие-нибудь однодневные. Вышивка бисером, к примеру, или резьба по кости. За пару часов брелок можно какой-нибудь сделать...

Друзья одобрительно кивают. Будут туристы — будет работа. И не только на рыбозаводе, в фельдшерском пункте, на почте или в школе.

— Санек, а пошли к Ивнэ экскурсоводами! — то ли в шутку, то ли всерьез предлагает Леха.

Анатолий Сергеевич забрался уже метров на пять вверх, крепко-накрепко обхватил ствол и что-то орет. Медведь на самом деле слишком тяжел для покорения таких вершин, так что просто наворачивает круги вокруг дерева и иногда рычит, не рискуя лезть за добычей. Но директор рыбозавода об этом не знает. Он всхлипывает и клянется больше не пить спиртного, не нарушать законы, не причинять вреда природе и никогда, никогда больше не показываться на Камчатке. Примерно так, только в более эмоциональных выражениях.

— Кажется, клиент созрел, — усмехается Санек и тянется за ружьем, чтобы пугнуть медведя.

Глава 14

Через пару дней Семеныч приходит один на катере в лагерь Толика за очередной данью и не замечает, что впервые за лето браконьер встречает его с прямой спиной и ухмылкой на лице. Толик своим довольным видом чуть не срывает операцию по задержанию, но, к счастью, начальник местного отдела рыбоохраны слишком занят мысленными подсчетами, хватит ли теперь денег на кованую ограду на даче. Он привычно берет стопку купюр — и обомлевает, когда на берег из леса выходят его коллеги, в форме его же родной конторы, но те, кого он хотел бы видеть в последнюю очередь.

— Отдел собственной безопасности управления госконтроля, надзора и охраны водных биоресурсов Камчатского края. Стоять! — приказывает Семенычу подтянутый тридцатилетний брюнет с колючим взглядом.

За тем, как арестовывают бывшего руководителя, издаലെка наблюдает Саня.

— Жадность, Семеныч, она людей губит, — говорит он вслух без эмоций.

Когда ближе к вечеру Соловейчик снова оказывается в селе, ноги сами несут его к ларьку рыжей красотки. Вот и она: закрывает входную дверь явно в предвкушении приятного вечера. Волосы струятся локонами, платье, яркая помада... Но этот праздник женской красоты и обаяния не в Санину честь — Катин взгляд направлен куда-то сквозь него. Парень криво улыбается и смотрит, как прелестница уходит морочить голову кому-то еще.

Рыбозавод в спешном порядке прикрыли после скандала с нелегальной свалкой и в связи с уголовным делом о похищении и избиении местной жительницы. Потерпевшая, она же представительница коренных малочисленных народов Севера, она же шаманка местной общины коряков, она же — невеста Алексея Зиновьева-младшего, гуляет по берегу и проверяет, все ли готово принять первую партию туристов.

Участок на реке снова стал местом любительского лицензионного лова. Заборы и контейнеры увезли, а оставшиеся строения заколотили. По берегу бегают дети и собаки, тут и там горят костры, рыбаки поудачливей уже варят уху, другие еще следят за поплавками спиннингов.

Пару мест Ивнэ оплатила заранее: тут и площадка для мангала, и деревянные столы и стулья для гостей, а удочки пока лежат во времянке контролера участка.

Ее будущий муж и экскурсовод-массовик-затейник Лешка приезжает чуть позже: в наказание за недавнюю длительную отлучку матушка заставила его вычистить весь подпол перед загрузкой осеннего урожая. Он машет Ивнэ рукой, она улыбается ему в ответ и чувствует, как сердце пропускает пару ударов, а потом снова начинает стучать, быстро-быстро. Зиня подходит и крепко ее обнимает.

— Готова завтра пугать людей страшными историями о диком Севере? — подтрунивает он над ней.

— Они за тем сюда и едут — за новыми эмоциями, — кивает девушка.

— Интересно, как там тамагочи поживает? — внезапно говорит Лешка.

— Надеюсь, мы никогда его больше не увидим, — отвечает Ивнэ.

Она скучает по медвежонку, но знает, что так лучше для них всех, и особенно — для зверя, который за месяц так привык к людям, что больше их не боится.

Парочка в обнимку гуляет по берегу и тихо обсуждает, как будет завтра встречать и развлекать туристов.

До первого снега они успевают провести целых пять экскурсий, заработка хватит, чтобы оплатить просрочки по кредитам Ивнэ и даже отложить немного на организацию новых развлечений для приезжих.

За сотни километров от них «тамагочи», он же Везунчик, он же блудный сын медведицы, в шутку борется с братом и легко берет над ним верх. Медвежата шатаются по поляне и норовят то залезть на ближайšie деревья, то обследовать окрестные кусты. Мамаша дремлет, но даже сквозь сон следит за неугомонными детьми. После того как один из ее зверенышей потерялся, а потом нашелся, она увела свое семейство в глубь материка, подальше от этих странных двуногих с их шумной и опасной суетой.

Через год малыши вырастут, окрепнут и разбредутся в разные стороны. А пока она охраняет их и учит выживать в лесу. Совсем немного останется до белого холода и крепкого долгого сна. Спать в берлоге, вповалку с матушкой, братьями и сестрами, будет и Везунчик, а время, проведенное с людьми, он забудет. Только иногда ему будет грезиться кареглазая девушка с остройгой на берегу реки, но чем старше он будет становиться, тем тусклее и расплывчатее будут эти воспоминания. И в конце концов время унесет их, как бурная река — хрупкие пожелтевшие листья.

Дмитрий КАРШИН

СИРЕНЕВЫЕ ЗАНАВЕСКИ

* * *

На исходе зимы примерещилось море
С городком на окраине прошлого века,
Где когда-то жила, где двенадцати братьям
Стригла кудри и ужин к причалу носила,

Где, спускаясь с холма, улыбалась прохожим,
Почтальону, цветочнице, облаку в небе,
Тихой музыке в парке и лодкам в заливе.

Все равно, кем была. Воздух ясен и звонок.
Тени сонны, вода зелена под горою...

И шуршит ветерок рукавами рубахи,
И траву к мостовой пригибает все ниже.

* * *

Не важно теперь, в котором
Году темнота в квартире
Травой проросла и ветром.

В траве зажужжали пчелы,
В шкафу поселились лисы,
В часах — воробьи и совы.

Когда ты домой вернешься
И скажешь «привет» с порога,
К тебе обернется время
В уборе из серых перьев.

* * *

Мы живем по течению реки
Ниже города, ниже холма,
Ветра в поле, осины в лесу.

К перелеску привязана цепь
Старой лодки. Качает вода
Перелетные облака.

Днем и ночью идут корабли
Мимо острова, мимо тебя,
Колокольни на том берегу,

Разноцветные флаги горят,
Птицы вьются, играет оркестр,
Кто-то с палубы машет рукой...

Все равно — не увидеть лица.

* * *

Пусть окна глядят в переулок,
Похожий на старую книгу
С оторванной первой страницей,

Пусть в дом залетают сороки
И тени и, в темной гостиной
Вздыхая, шуршат рукавами.

А в спальне — тяжелые шторы
Подобраны на подоконник.

И тот, кто сидит у постели,
И снится, и книгу листает.

Окно

Говорят, что по-прежнему виден
Из окна моей комнаты берег,
Нацепивший выцветший свитер
Позапрошлогоднего снега.

И по снегу бредут вороны,
От торжественности печальны,
И у переправы паромной
Вечный сторож гремит ключами.

* * *

А по реке гуляли лилии
Под вальс районного оркестра,
А в окнах домика, где жили мы,
Сиреневые занавески.

И забудки в палисаднике,
И у порога на скамейке
Забит учебник математики,
Заложенный тетрадью в клетку.

И если обернуться к пристани —
Нет ни ее, ни парохода,
Лишь пляж с девчонками-мальчишками,
Неразличимыми на фото.

И солнце, и спина фотографа,
И облако над головою...
Давно подписано. Подколото.
Но все же — до сих пор живое.

Из детства

Торговала леденцами на речном вокзале
Незнакомая девица с карими глазами.
Я гулял у парапета
С матерью и теткой,
Прятал липкую конфету
В плюшевые шорты.

Все равно тебя забуду, стоит вспоминать ли
Мимолетную улыбку, голубое платье.
Но прошло почти полвека,
И не отвертеться —
Я все спрашиваю: «Где ты?..»
Девушка из детства...

* * *

У учительницы под юбкой
Ничего интересного — ноги.
Зря мне Сашка сказал — «погляди-ка»,
У меня такие же ноги.

Вот теперь я стою в коридоре,
Мне напишут в дневник — что, не знаю,
Может, просто дневник потеряю?
Сашке морду сегодня набью.

Вечера

Звенит о колечко на пальце игла,
Шуршит на коленях шитье,
И синего бархата теплая мгла
Лежит на плечах у нее.

Я книгу еще до конца не прочел,
Огонь керосинки дрожит,
С него, точно челка, слетают на стол
Теней золотые стрижи.

На сотой странице в округе туман,
Взошедший на берег из вод,
И слышно, как путник, сходящий с холма,
Забывшую песню поет...

В 1986-м

В полупустой автобус номер семь,
Забывтый у табачного ларька,
Заглядывает белая сирень
И музыка из старого ДК.

А нам с тобой по восемнадцать лет,
Не брошен дом, не начата война.
Когда водитель купит сигарет,
Мы замолчим у темного окна,

Разглядывая блески за стеклом,
Дома, заборы, тени, фонари...
Не начата война, не брошен дом.
Пожалуйста, еще раз повтори.

* * *

Пока ты спишь, прилив подходит ближе,
И что случится с нами — неизвестно,
Когда волна подхватит город, словно
Пустую лодку.

Когда луна перевернется в небе
И станет явью остров тростниковый
И мотылек, запутавшийся в нитях
Травы нездешней.

И черный пес спускается по склону
За много лет до нашего рожденья,
Пустого сада и медовых яблок,
Луны над крышей,

Пока ты спишь, пока играет мальчик
На дудочке своим холмам и пчелам,
Пока шуршит туман под старым вязом
Листою палой.

Константин КОРОЛЕВ

РАДИ ЭТОГО СТОИЛО ПРОГУЛЯТЬСЯ!

Р а с с к а з ы

Ситта

Улочка на глазах сужалась, и таксист отказался ехать дальше. Казалось, в Тарфае¹ улицы вообще создавались не для удобства, а для мучений. Высадившись из такси и выгрузив вещи, мы с Алексеем решили разузнать у местного юноши, как, не блуждая долго, попасть в гостиницу. Отрок выглядел непритязательно: бейсболка, спортивный костюм, рваные кроссовки, желтые зубы. Он вызвался проводить нас до места. По дороге предлагал антиквариат, хвастал, что он местный авторитет, а в конце променада попросил денег.

Леха знал по-арабски только одно слово: «ситта»². Его он и произнес, показал шесть пальцев, после чего, порывшись в кармане, извлек пятирублевую монетку и вручил юноше. Тот потребовал добавить.

Леха сказал:

— Прокурор добавит, — но дал еще рубль.

Иногда нам удавалось всучить местным в качестве платы российские монеты, которые здесь скорее сошли бы за сувениры.

Но наш проводник не отставал и требовал с нас пять евро.

В ответ мы с Алексеем встали плечом к плечу, растопырив руки и заняв всю ширину улочки, и с рыком «Ты чего, пацан?» стали надвигаться на него. Парень явно такого не ожидал и тут же испарился.

В гостинице мы заплатили хозяину, бросили вещи в номере и присели в холле за столик, поджидая нашего друга Синана. На полке резного шкафа обнаружили шахматы, и мы рубились в них минут сорок. Синан появился к обеду. За трапезой договорились о планах на ближайшие дни: сегодня идем на экскурсию в историческую часть города, именуемую мединой³, а завтра с утра выдвигаемся в пустыню — в поход с палаткой на пару суток.

¹ Тарфая — небольшой город на атлантическом побережье в Марокко.

² Шесть (араб.).

³ Медина (араб.) — буквально «город». В Северной Африке так называют старые городские кварталы, построенные, как правило, в IX–X вв.

Наша гуманитарная миссия торчала в Африке с декабря. Врачи одного крупного московского НИИ испытывали в западноафриканских госпиталях систему удаленной диагностики, а мы с местными коллегами-телевизионщиками занимались «набором картинки» для документального фильма, а также освещением этих событий по ТВ.

Ранним январским утром мы пересекли Стену — границу Марокко и непризнанной республики Западная Сахара. Наш путь лежал в Мавританию.

Сразу за Стеной начинался другой мир — мир пустыни, «открытого космоса» на берегу Атлантического океана. Мы ехали вдоль русла высохшей реки по выбеленному солнцем песку, слева и справа изредка пронеслась чахлая растительность.

Отъехав от границы примерно километр, водитель сделал регламентную остановку. Пока персонал нашей миссии бродил вокруг автобуса просто так, по делу или для селфи, в салон автобуса не спеша поднялся по ступенькам высокий человек в джинсах и пуловере. На голове у него был синий бурнус из тех, какие вам охотно продадут — втрдороба — на любом африканском базаре. У человека была длинная черная борода, блестящие черные глаза и аристократический прямой нос.

Вошедший плюхнулся на сиденье рядом со мной, протянул руку и скромно напомнил:

— Синан, ваш друг.

Дело в том, что я с ним познакомился еще в начале нашего вояжа. Он ехал с нами в поезде от терминала Каса-Порт⁴ до центра Касабланки и по пути дал нам с моим товарищем несколько весьма ценных советов. То, что теперь я встретил его в нашем автобусе, да еще и к западу от Стены, значило, что он будет сопровождать нашу группу в качестве куратора. Врачи и другие специалисты нашей миссии, увидев чернобородого, ничуть не удивились, как будто так и надо было.

По-английски Синан говорил неохотно. Испанский же у нас с ним был примерно на одном уровне, поэтому он частенько использовал меня как толмача. Говорил он вещи обыкновенные, но при этом награждал каждую деталь смешными, гиперболизированными эпитетами, и я, давась от смеха, переводил его речь соотечественникам, начиная каждый раз с обращения «товарищи!» и щедро сыпя словами-паразитами вроде «в общем-то» и «например».

Выглядел наш друг Синан молодо, но при этом частенько повторял: — *Entonces, estando en la altura de mis cuarento...*⁵

Допив кофе, мы дружно вышли на улицу и направились в центр города. Экскурсоводом был Синан. Наша компания, потолкавшись в узких улочках, вырвалась на площадь с красивыми узорчатыми воротами. За их арками шумел вещевого рынок, где продавались одежда и ткани неплохого

⁴ *Каса-Порт* — железнодорожный терминал, станция Марокканской национальной железной дороги в г. Касабланке.

⁵ И вот, с высоты моих сорока лет... (исп.)

качества, сувениры, бижутерия, зажигалки, журналы, часы и прочие мелочи — приметы недавнего колониального прошлого. Чуть дальше торговали фруктами и овощами под открытым небом. Мы купили несколько огромных мягких манго и пару грейпфрутов.

Когда мы шагнули в тень медины, атмосфера изменилась. Здесь пришельца обволакивали ароматы восточных специй и кофе, манил запах жареной рыбы, заставляла морщить нос вонь от разделяемого мяса и птицы... Каждому, кто хотя бы раз побывал на восточном рынке, знакома эта смесь. Кроме еды, здесь продавались кожаные куртки, тапки-бабуши, украшения и, конечно, джелябы⁶ на любой вкус и цвет.

Пример того, как следует торговаться на Востоке, подал нам наш друг Синан, зайдя в лавку с джелябами и сбив первоначальную бессовестную цену до умопомрачительно низкой. Мы с Лехой смотрели и учились: перенимали приемы и интонации. Посещение медины на глазах превращалось в увлекательный квест. Нам даже пришлось спеть хором в лавке музыкальных инструментов, и хозяин записал наше пение на смартфон, чтобы включать как рекламу. Это было затеяно ради того, чтобы Синан смог недорого приобрести местную флейту — гасбу.

Наш дальнейший путь лежал мимо снулых куриц, которых рубили тут же, при покупателе, мимо харчевен, где подавали мясо и вездесущий таджин⁷, мимо попрошаек и продавцов дрессированных животных. Свернув в очередной проулок, мы попали в древнее медресе, где в центре выложенного мозаичной плиткой зала бил фонтан, а стены украшал резной орнамент.

Побродив по старинному торговому лабиринту, мы остановились у лавки с сувенирами. Там царило оживление. Большая компания иностранных туристов окружила продавца, явно собираясь разжиться сувенирами.

— Чтобы научиться торговаться как подобает мужчинам, давайте, прежде чем купить товар, попробуем продать товар! — важно изрек Синан.

— Как у нас говорят, — сказал я, — на рынке два дурака: один дешево продает, другой дорого покупает, и каждый думает, что он умнее другого!

Отсмеявшись, Леха порылся в своей сумке, извлек грейпфрут и предложил молодой парочке японцев купить его. Японцы, кланяясь и не поднимая глаз, согласились. Они приобрели грейп за пять евро, не торгуясь, и тут же устроили с ним фотосессию. Синан захлопал в ладоши: урок торговли мой товарищ усвоил неплохо.

— А почему ты с них запросил пять евро? — поинтересовался я у Лехи.

— Так у нас же гопник, который до гостиницы провожал, столько просил. Похоже, тут все со всех берут пять евро, — простодушно объяснил Алексей.

⁶ Джеляба, джеллаба (араб.) — длинная одежда, платье или туника, которую носят мужчины и женщины в арабских странах Африки.

⁷ Таджин — здесь: блюдо из мяса и овощей, популярное в арабских странах.

Наш звездный рыночный час настал, когда я углядел металлический чайник с красивой чеканкой. Чаевничать мы любили, и он нам в поездке очень пригодился бы. Разливать из такого чай на биваке гораздо приятнее и удобнее, чем из котелка. Крышка чайника крепилась к нему подвижной петлей и, когда чайнику давали, выражаясь флотским языком, «дифферент на нос»⁸, не падала, а оставалась на месте.

В общем, нам позарез нужен был этот чайник.

Следуя первому правилу, изложенному Синаном, сначала следовало пройти мимо лавки, ничем не выдавая свою заинтересованность. Так мы и сделали. Синан притворился, что мы с ним незнакомы, и встал у витрины с джелябами. Тут же из-за вешалок с одеждой выглянула стройная девушка в длинном платье и завела с нашим другом оживленную беседу. Мы с Лехой поняли, что покупка чайника — это своего рода экзамен, где нам не будут ничего подсказывать.

Мы два раза продефилировали мимо туда-сюда, после чего остановились напротив прилавка с вождеденным чайником, но на сам чайник не смотрели, стараясь не выдать, что нас интересует именно он.

Алексей взял в руки металлическую сову и стал ее пристально изучать. Продавец приподнялся из-за прилавка:

— Салям алейкюм!

— Алейкюм ассалям, почтеннейший! — закатив глаза, произнес я как можно более елеино.

Продавец взглянул на меня как на идиота. Он, мягко говоря, казался не слишком приветливым. Из-под бурнуса смотрело недоброе лицо с угрюмыми черными глазами и шрамом непонятного происхождения, тянувшимся от виска к шее.

Откуда-то из недр лавки выпрыгнул юноша в спортивном костюме и кепке.

— Оба-на! Какие люди — и без охраны! — невольно выпалил по-русски Леха.

Это был уже знакомый нам местный гопник: именно его мы турнули утром у риада⁹, когда он кланчил пять евро.

При виде нас юноша несколько смутился, но тут же начал лопотать на ломаном английском, обращаясь к Алексею:

— Это очень древняя берберская сова! Стоит пятьдесят долларов...

Зная Лехину обычную прямолинейность, я испугался, как бы чего не вышло. Однако мой спутник, обнажив в улыбке крепкие зубы, перевернул сову и показал юнцу клеймо на лапе: «Made in China»¹⁰.

— Сова современная! — процедил Алексей по-русски. — А обманывать покупателей нехорошо.

Мы отошли от лавки, приняв максимально оскорбленный вид. Через семь шагов нас догнал юнец и, виновато глядя на песок под ногами, назвал новую цену — пятнадцать долларов.

⁸ *Дифферент на нос* (морск.) — продольный наклон судна, когда осадка носом больше, чем осадка кормой.

⁹ *Риад* — восточная гостиница, постоянный двор.

¹⁰ «Сделано в Китае» (англ.).

— Халас!¹¹ — отрезал я.

Юноша с совой вернулся в лавку, где ему тут же влетело от продавца со шрамом.

Минут через пять, выпив местного фруктового пойла в соседнем павильоне, мы снова подошли к лавке. Продавец со шрамом пинком выставил своего юного помощника вон, повернулся к нам и ощерился, изображая любезную улыбку. Я взял в руки один чайник, потом другой, потемнее и побольше... Повертел в руках, поставил на место... Наконец, посчитав, что пришло время для решительного торга, взял тот, который хотел купить, и поднял скучающий взор на продавца.

— Тысячу дирхамов! — сообщил тот, не переставая щериться.

Я тут же поставил чайник и сказал, что, после того как мы увидели, что сова произведена в Китае, мы не можем быть уверены, что чайник сделан здесь. А хочется на память купить что-нибудь местное... В общем, двести дирхамов.

Продавец заявил, что он, так и быть, готов продать чайник за семьсот пятьдесят пять дирхамов, хотя это будет ему, продавцу, в убыток.

— За сто пятьдесят мы готовы купить! — вмешался на английском Алексей.

Продавец с видом оскорбленного достоинства забрал чайник из моих рук и водворил его на пыльную полочку примерно на уровне моего плеча.

Леха, помня инструкции Синана, развернулся и дернул меня за рукав. Мы снова пошли к павильону с напитками, чтобы залить в себя по стакану выжатого при нас сока. Однако торговец соками, видя наш интерес, поднял цену и теперь показывал два пальца вместо одного.

— Убью! — тихо зарычал Леха по-русски.

Я хотел вмешаться, зная буйный нрав приятеля, но в этот момент кто-то дернул меня за рукав. Я обернулся. Лицо со шрамом совсем не хотело терять таких перспективных покупателей, как мы с Лехой. Продавец держал в руках чайник и калькулятор. Калькулятор он протягивал мне. На табло были цифры: «555». Я понял, что это цена за чайник.

— Не-не! — сказал я, одновременно ища глазами Алексея. — Почтенный, при всем уважении, ваша лавка ведь не единственная в медине!

Леха в это время, не прекращая улыбаться, ухватил за руку торговца соками и силой загнул ему средний палец обратно в кулак. Указательный палец смотрел в небо. Торговец кивнул и смиренно налил нам сока по дирхаму за стакан.

Продавец со шрамом тянул меня за рубашку в сторону своей лавки. Леха тем временем расплатился, взял оба наших наполненных стакана, и так мы проследовали к продавцу чайников и сов.

Мы сбивали цену. Мы взывали к небу, чтобы оно наказало жадного торговца. Мы брезгливо плевали под ноги и три раза демонстративно уходили. Каждый раз продавец выбегал из-за прилавка, догонял нас, доставал из складок джелябы калькулятор и набивал на табло все более низкую цену.

¹¹ Разговор окончен! (араб.)

Синан стоял неподалеку и в процесс не вмешивался.

Прошло минут сорок...

Вертя чайник в руке, я зачитывал продавцу речитативом «В лесу родилась елочка». Леха, который к этому времени завладел калькулятором, после каждого куплета набирал на нем число еще на пятьдесят дирхамов меньше.

Однако ниже двухсот дирхамов продавец цену сбивать не желал.

— Пойдем пройдемся до медресе и обратно, типа мы совсем уходим, — сказал мне Леха. — Сил уже нет бубнить! Пусть дядька немного подумает о своем поведении.

Около медресе были мясные ряды и еще одна лавка с сувенирами. На полке маячил точно такой же узорчатый чайник, как и у продавца со шрамом.

— Я зайду один, — сказал Леха.

— Ты же не знаешь ни арабского, ни испанского, — возразил я.

— Да и бог с ними! — отрезал Леха. — Стой снаружи и не мешай!

Я вздохнул и стал прислушиваться к диалогу в лавке.

— Салам алейкум! — приветливо протянул продавец.

— И вам не хворать! — по-русски буркнул Алексей и сразу взял в руки чайник.

— Наш мастер трудился над этой вещью целую неделю, — засуетился хозяин лавки. — Специально подбирал материалы, заказывал детали. И даже узоры сам придумал... С вас тысяча дирхамов.

Леха, конечно, не понимал ни слова. Он стоял спиной ко мне, лицом к продавцу и, судя по всему, сверлил того взглядом. И сопел.

— Гм... Ну да... Что поделаешь, разные вещи приходится продавать... — Продавец теперь как будто извинялся. — Э-э-э... Девятьсот дирхамов.

Леха, не произнося ни слова, только продолжая угрожающе сопеть, перевернул чайник и указал на доньшко.

— Да, действительно... Сделан в Китае. Наш мастер сделал этот чайник в Китае, он там учился ремеслу, — заверещал продавец. — Семьсот пятьдесят дирхамов. Ловко вы углядели! В наше время редко встретишь ценителя хороших вещей!

Леха сопел, топтался на месте и пристально смотрел на него.

Минут через пять, когда продавец, сбросив цену до двухсот пятидесяти дирхамов, разразился очередным монологом, Леха поднял над головой обе руки, показал шесть пальцев и многозначительно произнес:

— Ситта!

Продавец поперхнулся словами, уважительно посмотрел на него, кивнул, молча принял купюру в десять дирхамов и отсчитал четыре монетки сдачи. Леха улыбнулся, спрятал чайник в сумку и кивком позвал меня в лавку.

Продавец самолично налил нам чаю в маленькие стеклянные стопочки и предложил по леденцу. Мы сгрызли леденцы, выпили чай, выслушали от хозяина благодарность за то, что доставили ему удовольствие, и, найдя нашего друга Синана, отвалили по вечерней прохладе в отель.

Африканская рулетка

Артем хотел вытереть пот и поднес руку ко лбу. Тыльная сторона ладони ударилась о забрало шлема. Согласно инструкции, деминёру, который находится в минном коридоре, категорически запрещено поднимать прозрачный щиток, прикрывающий лицо. Артем остановился и помотал головой влево-вправо. Глаза невольно сфокусировались на носу. Мотнул головой еще раз — и картинка, которую он видел сквозь забрало, обрела нормальную резкость. Дышалось тяжело, как под конец пятикилометрового забега. Вода во фляге давно закончилась.

Оставался час до захода солнца. Потом в этих краях резко и непроглядно темнеет.

Вперед, насколько хватало глаз, тянулась песчаная взлетная полоса. Где она заканчивалась и начинался обычный для этой части Африки пустынный ландшафт, определить было невозможно.

Артем провел металлоискателем «Валлон» слева направо. Потом сместил прибор чуть вперед и пронес кольцо детектора справа налево в трех сантиметрах над песком. Таким образом он «прозвонил» участок взлетной полосы площадью метр на метр. Наклонился, подобрал лежавшую поперек пути круглую пластиковую штангу, на каждом торце которой было накручено по рулону киперной ленты. Размотал киперку и переместил штангу на метр вперед. Затем сделал шаг и остановился, касаясь ее мысками ботинок.

Слева и справа от него вдоль взлетной полосы змеились по песку две красно-белые ленты. Если приглядеться внимательнее, в каждом белом сегменте на киперке можно было разглядеть череп и надпись по-арабски: «Кэф!»¹² Киперной лентой деминёр обозначает коридор, который уже проверен и в котором могут спокойно перемещаться другие люди. Все, что лежит снаружи, за лентой, таит в себе смерть. Кстати, у каждого деминёра помимо лопатки, щупа и маркеров с собой еще и садовые ножницы — на случай встречи с дикорастущим кустарником.

Задачу Артема усложняло то, что работать надо было в синем броннике с защитой паха — «ракушкой» и в шлеме с забралом. Кроме того, на жаре очень хотелось пить, а командование в последние дни по неизвестной причине сократило дневную норму воды в полтора раза...

Я напросился с Артемом в коридор, клятвенно пообещав, что буду со своей репортажной камерой держаться в безопасных пределах и на почтительном расстоянии. Для получения официального разрешения на съемку требовалось пройти инструктаж у начальника аэропорта.

Начальником был полненький араб с пышными усами и хитрющей ухмылкой. От подчиненных он требовал, чтобы его именовали «командор». Он прибыл на служебном внедорожнике оливкового цвета и объяснил мне по-английски то, что я и так уже знал: ни под каким видом нельзя перешагивать границы безопасной зоны и выходить на

¹² Стой! (араб.)

неразминированный участок взлетно-посадочной полосы. Я послушно повторил все слово в слово, и командор, удовлетворившись этим и угостив меня конфетой, удалился. Конфета на жаре успела растаять, и я, не разворачивая обертку, прикопал ее в песке.

Буровить камерой Тёмину спину мне было ни к чему, а обойти его и снимать спереди не полагалось по протоколу безопасности. Хорошо, что накануне, в выходной, я провел пару часов на солнцепеке и запечатлел, как инструкторы объясняют и показывают на безопасном участке местности алгоритмы разминирования. Картинка для будущего документального фильма, в сущности, была уже набрана.

Мы с Артемом прошли всего ничего — метров сто пятьдесят. К счастью, эти полторы сотни метров были чистыми и от металла, и от возможных взрывных устройств.

Если металлодетектор среагировал на что-то, то после первичной идентификации неизвестного предмета деминёр оставляет на этом месте яркий, бросающийся в глаза маркер и отваливает по коридору к исходной точке. На исходной он создает следующий коридор, левее или правее. Таким образом, путаница и простой исключены. Потом к отмеченным местам должны прийти подрывники и всё взорвать.

С востока потянуло холодком. День догорал, и свет быстро уходил. Я выключил камеру и в три шага догнал Артема. Услышав звон рынды, продублированный тремя автомобильными гудками, — сигналы, возвещавшие окончание работ, — мы оба облегченно вздохнули. Тёма выключил и положил на песок «Валлон», снял с себя ранец и достал оттуда плоский камешек. Им он придавил к песку штангу с киперками, чтобы не сдуло ветром. Сложил металлодетектор и прицепил к оттяжкам своего ранца: привык, чтобы руки были свободными.

Мы решили пробежаться до лагеря наперегонки. Главное при беге трусцой в сумерках было не свалиться на финише в калибровочную яму, в которой деминёры перед выходом «в поле» настраивали свои «Валлоны».

Лагерь состоял из временных строений, в которых и ютились «разминёры», как они сами себя называли. Командование миссией и подрывники обитали далеко от места проведения работ. В подрывниках возникала необходимость, когда кто-нибудь из деминёров обнаруживал предмет, похожий на неразорвавшийся снаряд или мину. Но такое случалось редко.

Мы не успели пробежать и пары десятков метров, как у нас над головами раздался шум. На наших глазах на неразминированный участок поля, как призрак, приземлился одномоторный среднеплан серого цвета без опознавательных знаков. Это, очевидно, была либо вынужденная посадка, либо отработка алгоритма по выполнению такой посадки при отказе двигателя: рокота, какой издает движок, слышно не было.

Видимо, заподозрив, что здесь, на поле, что-то неладно, пилот выбрался из самолета и стал размахивать руками, призывая на помощь.

— Ну не идиот ли! — в сердцах сказал Тёма.

Самолет и пилот находились на «мертвой», неразминированной территории, далеко за пределами киперной ленты. Один неверный шаг — и...

— Стой! Don't move! — завопил Артем и вскинул над головой скрещенные руки. — Стой там, дурак! — Он обернулся ко мне: — Крикни по-ихнему, чтоб оставался на месте!

— Кэф! Кэф хуна... дурак! — проорал я, судорожно прикидывая, какой язык может понимать пилот.

Кричать «кэф хуна» в этой ситуации было дикостью. С такой просьбой обычно обращаются к шоферу автобуса или машины. «Кэф хуна» означает «остановите здесь». Мне часто приходилось ездить с водителем на съемки, и фраза сама всплыла у меня в голове в тот напряженный момент.

Пилот находился в двухстах метрах от нас. Он приложил ладони к ушам, показывая, что не слышит.

Артем снова поднял руки над головой и скрестил их. Потом показал пальцем на песок. Как мог, изобразил двумя руками взрыв.

Летчик недоуменно пожал плечами, достал из кабины колодки и поставил их под шасси. Потом закрыл сдвижную часть фонаря и... решительно направился в нашу сторону по неразминированному участку взлетно-посадочной полосы!

Мы с Артемом в два голоса кричали ему на разных языках, чтобы он не подходил. Но он упрямо пылил к нам, засунув руки в карманы. К тому времени, когда он подошел, мы успели охрипнуть.

Это был усатый араб лет тридцати в зеленой рубашке с эмблемой ВВС, пришпиленной к клапану кармана булавкой, в зеленых штанах и сандалиях на босу ногу. Он как ни в чем не бывало перешагнул через кеперку, поздоровался на хорошем испанском и осведомился, как у нас дела.

Я сказал, что аэродром заминирован. Он оглянулся и показал рукой на свои следы: мол, прошел же! Потом широко улыбнулся и спросил меня:

— К'тб б'ль араби?¹³

— Швайя-швайя¹⁴, — честно признался я.

Размахивая руками и показывая пальцем то на меня, то на Артема, пилот принялся на арабском объяснять, что ему надо. Я ничего не понял и попросил повторить на испанском. Летчик вздохнул, повторил на испанском и на всякий случай продублировал слова пантомимой. Он развел мои руки в стороны, показал на меня и сказал:

— El avion¹⁵.

Потом схватил меня за одну руку и стал толкать так, чтобы я двигался спиной назад. Стало понятно, что он просит нас дотолкать самолет до конца полосы.

Артем повернулся ко мне:

— Нам нельзя туда. И ему нельзя. Там могут быть мины! Переведи ты ему, пожалуйста!

Я перевел. Пилот задумался. Артем достал пластиковую бутылку с водой и предложил ему. Пилот взял бутылку, высоко поднял ее и, не касаясь губами горлышка, сделал пять огромных глотков. Вернул бутылку и в знак благодарности приложил ладонь к груди.

¹³ Говоришь по-арабски? (араб.)

¹⁴ Чуть-чуть (араб.).

¹⁵ Самолет (исп.).

Я еще раз повторил про мины. Араб поблагодарил, откланялся и вразвалочку направился по своим следам к самолету, напевая популярную песенку. Руки он опять держал в карманах. Мы проводили его взглядами, не зная, что предпринять.

Но это было еще не все.

Наш гость преодолел примерно половину пути, когда на заминированный участок поля преспокойно выехал лендровер начальника аэропорта. За рулем был сам командор. Машина неторопливо проплыла между заправочной колонкой и перронами и приблизилась к пилоту. Я не верил своим глазам. Начальник аэропорта выскочил из машины и поздоровался с летчиком за руку. Минут пять они болтали, после чего оба прыгнули в машину и покатали к самолету. В четыре руки они вытащили из-под шасси колодки и развернули самолет на сто восемьдесят градусов. Я напрыг зрение и разглядел марку: это была четырехместная «Соката Ралли», армейская версия.

Командор и пилот долго трясли друг другу руки, после чего лендровер проплыл по заминированной части аэродрома в сторону административных строений, а пилот забрался в кабину и запустил двигатель. Вскоре воздушное судно, пробежав по полосе, оторвалось от земли. Набрал высоту, оно прощально покачало крыльями. Через несколько минут самолет превратился в точку, а потом и совсем растворился в вечернем небе.

Солнце быстро закатывалось за горизонт, стало заметно холоднее.

— Надеюсь, этот парень все понял и больше на наш аэродром заходить не будет, — сказал я, чтобы прервать затянувшееся молчание.

— Как бы не так! — хмыкнул Артем. — Он чуть ли не каждый день сюда прилетает. Привозит контрабанду для командора.

Ради этого стоило прогуляться!

Населенный пункт, куда мы приехали, был беднее некуда. Связь ловилась еле-еле, интернет отсутствовал. Даже телевизора ни у кого не было. Центр поселка составляли кривоватые асимметричные строения, которые, впрочем, внутри выглядели более уютными, чем снаружи.

Над парикмахерской и двумя салонами красоты торчали самодельные таблички с незамысловатой рекламой. Над цирюльней нависал нарисованный баллончиком бородатый мужчина, похожий на мутировавшую в результате близкородственного скрещивания обезьяну. Над салонами красовались тяготеющие к абстракции портреты пухлых и губастых дам в платках.

Приставишь руку к глазам — и видишь, как сверкают верхушки белых минаретов с государственной эмблемой: на шпиле звезда, под ней полумесяц рогами вверх. Отнимешь руку от глаз — и добавляются свежие впечатления: сетки на окнах, покосившиеся дверные косяки в раскрашенных яркой краской жилищах. Кривые деревянные двери на засовах, навесные амбарные замки расписаны вязью. Местные сплошь в белых или голубых одеждах, которые они называют «хуба». Лица у тех,

кто постарше, закутаны яркими платками — бурнусами. Нестройные ряды одноэтажных домов песочного цвета с ромбическими узорами. Куча брошенных прямо на улице гниющих и ржавеющих машин. Рядом с их почерневшими остовами навален металлолом, который исполняет роль ограды.

Пассажирский автобус отсюда до ближайшего города ходил раз в три дня «по обещанию». Это было разноцветное нагромождение металлолома, собранное из самых разных, подвернувшихся кому-то под руку запчастей. Каждый раз оно под завязку, в несколько ярусов, наполнялось людьми и скарбом. Когда мы впервые подъезжали к селению, это ржавое авточудище как раз отчаливало, заметно кренясь на левый борт: некоторым пассажирам пришлось ехать снаружи на подножках.

За окраиной селения простиралась пустыня — песок да камни, чахлые растения и редкие кривые деревца. Жилища на окраине были убогие, разрушенные и обвалившиеся, с натянутыми везде бельевыми веревками, на которых сушилось разноцветное тряпье. В одном из таких зданий, практически примыкавшем к мусорной свалке, и разместились мы с Синаном. Даже когда мы находились под крышей, песок все равно скрипел у нас на зубах, набивался в волосы, делая голову и мысли тяжелыми, умножая усталость.

Наш друг и куратор Синан, которого местные сразу признали «суфием», развил бурную деятельность. В первые же дни пребывания в этом населенном пункте мы устроили что-то вроде полевой кухни, и она быстро стала центром притяжения всего местного «бомонда». Соорудили здоровенный навес, закрепив тент оттяжками, перенесли под него емкости с водой, мешки с провизией и баллоны с пропаном (по-местному — «цилиндры»), установили газовые плитки. Вокруг провианта и горелок тут же собрались местные хозяйюшки, которые за плату в виде еды и продуктов готовы были помочь с готовкой. Трехразовое питание для всего личного состава миссии, а также для местных было обеспечено в рекордно короткие сроки. Солдат и специалистов кормили получше, местных — похуже, но регулярно. Раз в неделю, когда продукты заканчивались, приезжал микроавтобус и оттуда выгружали мешки с картошкой, пакеты с мукой и прочий провиант.

Медики квартировали в местном «как бы госпитале», а прочий персонал — в обычно необитаемом полуразрушенном крепостном сооружении из рыжей глины, которое местные называли «кзар»¹⁶, а пришлые — «касба»¹⁷. Высокие пирамидальные постройки кзара не сохранились, однако стены были высотой шесть футов в самом высоком месте и фута два там, где глина искрошилась или зияли рукотворные проломы. Когда на землю падала ночь, уставшие за день специалисты собирались на песке в развалинах, где много лет уже никто не жил, разжигали костер и готовили кофе или традиционный сладкий чай с обязательным листиком мяты.

¹⁶ *Кзар, ксар* (араб.) — укрепленный, защищенный стеной поселок.

¹⁷ *Касба* (араб.) — крепость с башней.

Я проснулся, когда в наше с Синаном скромное гнездо пожаловал без стука координатор нашей маленькой гуманитарной миссии. Он осведомился, не собираемся ли мы сегодня переместиться «немного севернее» — в ближайший город, так как в этой местности интернет отсутствует, а ему, координатору, надо поддерживать связь с коллегами по электронной почте. Автобус, на котором местные обычно добираются до города, должен был прибыть еще вчера, однако по какой-то причине не прибыл.

Наш друг Синан был уже на ногах. Он предложил гостю кофе и кусок еще не зачерствевшего багета. Пока гость жевал и пил, Синан вежливо сообщил, что в город мы если и собираемся, то дня через два. Ведь в этом забытом богом селении мы остановились не по чьей-либо прихоти, а для ремонта внедорожника.

Гость поперхнулся кофе и сделал такое лицо, что Синан тут же уточнил:

— Но если случится что-то из ряда вон, то можно и сегодня...

Через полчаса после визита координатора в наше расположение пожаловал один из местных «табибов» — врачей, смуглый араб в выгоревшем на солнце пиджаке на два или три размера больше, чем требовалось. К моменту, когда он в шестой или седьмой раз вежливо покашлял и деликатно поскребся в дверь, я уже выпрыгнул из спальника и натягивал штаны, прыгая по комнате. Врача тоже интересовало, поедем ли мы сегодня «ближе к столице». Ему надо было «срочно осведомиться в мировой Сети по поводу очень важных новостей в мире медицины» (так и сказал). С интернетом в Мавритании были проблемы, и чем ближе к столице находился населенный пункт, тем больше была вероятность, что там можно найти интернет-кафе.

Синан и ему предложил кофе и обещал, что подумает.

Арабы братья Зархисы церемоний не разводили. Они ввалились в нашу «нору» в тот момент, когда Синан пытался раскопечгарить мою мультитопливную горелку. Кофе он успел заварить в джезве, и по помещению распространялся манящий аромат.

— Короче! — начал старший брат по имени Хикмат.

— Надо в город! — закончил второй брат, по имени Абду, и закурил сигарету.

Синан наполнил бумажный стакан свежесваренным кофе и протянул им. Братья поблагодарили, в два богатырских глотка уничтожили содержимое и вернули стакан обратно.

Хикмат был выше Абду и брил лицо. Ходил он в брюках и белой майке. Дома его ждали жена и трое детей. Абду носил усы, как и положено человеку, отслужившему в армии, одевался опрятно, хотя женат еще не был. Синан уговорил старшего нашей группы принять братьев на баланс в качестве ассистентов оператора, поручившись, что с ними не будет проблем. И действительно, оба вели себя как природные господа, и местное население их так и воспринимало. Дело в том, что выше по статусу в этой стране считаются те, у кого кожа более светлая, а происхождение — более арабское. К сожалению, рабство как явление все еще встречается в некоторых районах Западной Африки.

— Какое сегодня число? — спросил меня Синан, когда мы наконец уселись, скрестив ноги по-турецки, на пол перед низким столиком, чтобы позавтракать.

Я ответил.

— Придется брать этих господ и ехать! — сказал Синан.

Кофе у нас закончился, и мы принялись рыться в пакетах в поисках чего-нибудь на замену. Обнаружились сравнительно свежий длинный багет, местный зеленый чай в пакетиках, сахар в коробке, зелено-желтые квадратные упаковки мате, а также завернутые в вощеную бумагу стеклянная стопка и трубочка для питья последнего. Кроме того, нашлись две банки консервов с этикеткой «халяль»¹⁸ и сладкое на десерт.

Синан поставил на горелку металлический чайник и занялся распаковкой мате и пересыпанием сушеной зеленой травы в красную жестяную баночку, найденную в соседнем доме. Когда вода в чайнике еще не закипела, но уже стала шуметь, он зачерпнул ложечкой сахар из коробки и кинул в чайник. Вода побелела — значит, температура что надо. «Суфий» насыпал мате в стаканчик, заварил водой из чайника, опустил туда металлическую трубочку для питья, сделал глоток и передал стаканчик мне. Когда посудинка пустела, мы доливали в нее горячую воду.

Наконец, покончив с завтраком, мы выбрались из прохлады помещения в февральскую африканскую жару.

Под нашим служебным внедорожником «М 175» торчали две черные ноги в тапках. Ноги принадлежали водителю, который заодно выполнял функции механика. Около автомобиля стояли и курили местные старики в светлых джелябах и бурнусах. Совет старейшин выглядел озабоченным. Нам сообщили, что машина на ходу, но нужны запчасти, а найти их можно исключительно в городе.

Синан сказал, что поговорит с начальством и примет решение.

Видно было, что желающие ехать в город очень переживают: координатор, механик, братья Зархисы и доктор стояли поодаль под навесом, нервно дымили сигаретами и что-то оживленно обсуждали. Поскольку самым старшим среди присутствующих был Синан, а я числился приближенным к нему, то на него и на меня посматривали с надеждой.

Когда я выходил из импровизированной уборной, ко мне подошел «табиб» и, пряча ладони в карманах своего выцветшего пиджака, начал:

— Вы знаете... Вода тут не очень хорошего качества... Можно даже сказать, очень вредная! А вот в городе чистая вода. Там стоят установки для фильтрации, и от той воды плохих последствий для здоровья не будет. Кроме того, там есть «Макдональдс». Если мы поедем, вы сможете нормально пообедать. И мы сможем пойти туда вместе с вами, и все будут довольны...

Я покивал и поблагодарил за заботу о моем здоровье.

¹⁸ «Дозволяется исламом» (араб.).

— Послушайте, — сказал я Синану, — придется нам ехать в этот город, иначе они не отстанут!

— Вот и хорошо! — ответил мой спутник. — Берем канистру с водой и грузим в машину.

— В какую машину? — не понял я.

— В «кайзер», который стоит около парикмахерской! — ответил Синан.

«Кайзером» тут именовали наш «М 175». Впрочем, других машин в этом населенном пункте не наблюдалось, если не брать в расчет ржавяющий на улицах металлолом.

— Он же сломан! — Я удивленно поднял брови.

— Ну не так уж и сломан... — Синан соорудил такую хитрющую мину, как будто торговался на рынке: левая бровь выше правой, уголок рта иронично приподнят.

— Лады! — сказал я и взялся за ручку канистры с водой.

Синан схватился за вторую ручку, и мы, стараясь идти в ногу, поковыляли к машине.

Там уже стояли координатор, оба брата-араба, доктор в пиджаке и черный местный водитель.

Перед отъездом Синан велел подкрепиться по-взрослому, прихватить еду и небольшой тент, который все равно валялся без дела. Рюкзак с горелкой, нашими спальниками и котелком я тоже взял с собой. Потом мы с Абду и Хикматом потратили минут пятнадцать, собирая пустые пластиковые бутылки для воды. Мы их никогда не выбрасывали и всегда наполняли заново, отправляясь в дорогу. Воды много не бывает, особенно в пустыне.

Когда сборы закончились, мы загрузились в машину, водитель сел за руль, и наше путешествие началось. Несмотря на песок, который скрипел на зубах, как абразив, я был счастлив. На маршруте я всегда испытываю душевный подъем. Голову я замотал платком, оставив только глаза, которые были защищены очками. Запотевая, очки немного искажали пропорции предметов, но это никак не уменьшало мою радость от движения по пустыне. Несмотря на жару, пить мне пока не хотелось. Я уже привык к питьевому режиму и приучился не пить на марше. Все равно от воды толку не было: она быстро выходила с потом, почти не утоляя жажды.

Наша бензиновая колесница катила на северо-восток под голубым африканским небом. Было тесно, но учитывая то, что все друг друга более-менее знали, дискомфорта не чувствовалось. Машина подпрыгивала на камнях, пыль в кузове поднималась и оседала. Абду сидел на коленях у своего брата, и они умудрялись курить одну сигарету «Альгамбра» на двоих, не причиняя ожогов друг другу и окружающим.

Город сначала долго маячил на горизонте, а потом наконец стал приближаться. Экипаж нашей колесницы оживился, братья затянули песню своей любимой певицы Файруз. Песня была незамысловатая и очень красивая:

Х'ббейтак б'ль саиф,
Х'ббейтак б'ль щети,
Нат'ртак б'ль саиф,
Нат'ртак б'ль щети...

Перевод крутился вокруг измены любимой любимому — или наоборот, я не разобрал — и вокруг времен года. «Аль саиф» — по-арабски «лето», «аль щети» — «дожди», стало быть, «зима».

На одном из гребней наш внедорожник в очередной раз подпрыгнул и приземлился, после чего мотор неожиданно заглох. Пару метров машина прокатилась по инерции, а потом встала. Минут сорок механик пытался оживить двигатель, но тщетно.

У открытого капота собрался консилиум. Прошло еще полчаса, но, увы, и коллективные усилия не увенчались успехом.

Синан предложил раскинуть тент, прицепив его к крыше внедорожника, и подождать под ним, когда сядет солнце. Но команда была категорически против этой идеи. Все жаждали к закату оказаться в городе. Синан пожал плечами и велел готовиться к пешему переходу. До города было не очень далеко по меркам пассажира, но не так уж близко по меркам пешехода.

Я с сомнением посмотрел сначала на наш багаж — тент, канистры с водой и мой рюкзак с его содержимым, — потом на Синана.

— Долгая свадьба научит танцевать! — назидательно изрек Синан, поплотнее заматывая на голове синий бурнус так, чтобы рот и нос были закрыты.

Около часа мы толкали машину, чтобы не бросать ее совсем далеко от города. Кажется, мы не протолкали ее и ста метров, но уже дико устали. Воду из металлической канистры мы перелили в пластиковую «гармошку», которая увеличивалась в объеме, когда ее наполняли. «Гармошку» Синан определил в свой рюкзак, но нести его заставил Абду. Остальные канистры мы оставили в машине.

— Может, все-таки подождем, пока стемнеет? — предложил я. — Толкать будет легче...

На меня посмотрели как на умалишенного.

Мы еще немного протолкали машину по направлению к городу и остановились у присыпанного песком остова грузовика «Берлие». Грузовик был когда-то цвета лазури и в колониальные времена, наверное, намотал на спидометр не одну сотню миль. Теперь он грустно темнел облупившимся синим пятном на фоне желтого песка, являясь зато прекрасным ориентиром.

Мы накрыли нашу машину тентом, набрали из канистр в пластиковую тару и фляжки воды, подкрепили силы, перекусив и попив вдоволь, и пошли в сторону города. Нельзя сказать, что это была приятная прогулка: как раз наступило «время, когда на базаре становится многолюдно», то есть полдень. Солнце подогревало мне спину так, что казалось, будто я не шел, а лежал на раскаленной сковороде. В ботинки набились песок

и камешки. Хотелось пить, и, когда кто-то доставал бутылку, пил сам и предлагал остальным, я уже не пропускал свою очередь. В голове как будто ворочался маятник.

Песен уже никто не пел, однако разговоры были оживленные. Я вслушивался, но ничего не понимал.

— ...Они лучшими были, когда у них ребята выкладывались как следует. А сейчас у них всё так себе, ни туда ни сюда!

— Ага! А марроканцев в деле видел? Вот эти парни знают, чего хотят!

— Ты еще про ивуарских вспомни!

— Да убогие они, твои ивуарцы, реально!

Почти у самого города мы встретили пастуха с козами. Координатор дал ему немного местных денег — угий и велел пойти по нашим следам к тому месту, где скучали останки грузовика и наша брошенная колесница. Пастух согласился и отправился со стадом к машине — сторожить до завтра.

У Синана постоянно спрашивали, который час, и он каждый раз терпеливо отвечал. На финишной прямой Абду подвернул ногу, перелезая через большой камень, чтобы срезать путь, и мне пришлось подставить ему плечо. Когда он наваливался на меня корпусом, становилось еще жарче. Однако метров через двести он расходился и дальше двигался уже сам, немного прихрамывая.

В город мы вошли ближе к закату, с южной стороны. Я отчетливо ощущал на своем лице застывшие потеки соли. Солнце быстро садилось за горизонт, перекрашивая песок и городские постройки в красный цвет.

Светофоры в городе не работали. По обочинам дороги были вкопаны в песок покрышки для карьерных грузовиков, выкрашенные в белый цвет с красными полосами. Мы миновали безлюдный колледж, ряды одинаковых, кофейного цвета одноэтажных домов с внутренними двориками и вышли на относительно большую и ровную улицу.

Обычно в это время, по вечерней прохладе, из домов начинали потихоньку выползать жители, открывались пыльные жалюзи парикмахерских, аптек и закусочных. Однако в этот раз на улицах было пустынно. Я надеялся, что мы сейчас дойдем до какого-нибудь хостела, где по крайней мере можно умыться. Но мои спутники свернули с центральной «авеню» в переплетения переулков...

На узкой пустынной улочке все вдруг замерли, прислушиваясь, и стояли так, казалось, целую вечность. Наконец Синан и братья оживились, явно услышав что-то. Прислушался и я. Где-то недалеко, в каком-то здании по соседству, гудела толпа.

Мы пошли на гул и оказались возле закусочной. Кривая жестяная вывеска содержала не самый высокохудожественный рисунок: окорок, фрукты, огромная банка кока-колы с огромной же трубкой для питья. Гул исходил оттуда, из-за вывески.

Мы вошли под сень заведения. Там уже сидело человек пятнадцать различного возраста.

Абду, а за ним и все мы поздоровались, сказав: «Мир вам!» Последовали продолжительные приветствия и объятия.

Нас устроили на стульях и матрасах вокруг стоявшего на пластиковом столе телевизора. Я огляделся: две стены были выкрашены в розовый цвет, на их стыке с облупившимся потолком змеился серый кабель, прикрепленный несколькими слоями скотча. Наверное, скотч время от времени отклеивался и тогда сотрудники заведения добавляли новые слои. На пол были брошены ковры, матрасы, какие-то покрывала с яркими веселыми узорами — все вполне годились, чтобы на них сидеть. Кафе по местным меркам, скорее всего, считалось статусным, так как в нем имелся телевизор, и он даже показывал. Обычно в подобного рода заведениях даже стулья отсутствуют: люди сидят на полу или на корточках, и никто не жалуется.

Мимо посетителей в сторону кухни продефилировала тощая кошка. Из кухни пахло прогорклым маслом, однако там, как мне показалось, никого не осталось. Весь персонал, похоже, вышел в зал: две тетki в фартуках стояли у стенок и хихикали.

Здоровый детина в спортивном костюме — штаны и олимпийка, а на ногах шлепанцы, — очевидно, только что закончил настройку телевизора и положил пульт рядом на стол. По телевизору транслировался местный канал. Корпулентная барышня в платье с узорами в виде карточных мастей заканчивала новостной блок.

Я примостился на матрасике кислотного цвета и достал из рюкзака спальник. Было приятно прислониться усталой спиной к стене: мое лежбище находилось в уголке закуской. Хозяин заведения подал нам чай. Я поставил стакан с плавающим в нем листиком мяты на пол и попытался закутаться в спальник, не опрокинув при этом посудину. После дневного марша меня немного познабливало.

Вдруг шум и гул в кафе затихли, как будто кто-то выключил невидимый тумблер.

Я поднял глаза на телевизор.

На экране начинался тридцать первый розыгрыш Кубка африканских наций по футболу в Габоне...

Да, ради этого стоило прогуляться!

Сергей ВОЛКОВ

В ПОСЛЕДНЕМ РЯДУ

* * *

Как в последнем ряду кинотеатра,
Как на заднем сиденье такси —
Я теперь ради этого кадра
Все отдам, даже больше проси.

В панорамном сплошные новинки,
Ретрофильмы одни в «Спартаке»,
К волосам приставали снежинки,
И рука отдавалась руке.

И проходу беда не давала,
И тоска разливала вино
В нашей школе по классу провала,
В неоконченном, в общем, кино.

Как на Кировной мы целовались
Посреди черно-белой зимы,
И расстались потом, и остались,
И уже не прощаемся мы.

* * *

Острова растворяются в дымке,
Там, вдали, за последней волной
Недоборы мои, недоимки
Стали тонкой полоской одной.

Замерев на трагической ноте,
Обрывается чайкою крик,

Но шатается ночью в блокноте
Ветер с моря зачитанных книг.

И когда я однажды отчалою,
Ты останешься вдруг неправа,
И омоются поздней печалью,
Как соринка в глазу, острова.

* * *

А было то в Великих Луках,
Когда вокзальный спал буфет, —
На лавке я в похмельных муках
Томился и сходил на нет.
Под головой был толстый свитер —
Наследство деда и отца.
А поезда летели в Питер
Всю ночь до самого конца.
Но в дверь вошел Степанов Саша,
Имевший дело до меня:
«Не спи, Серега, радость наша,
Все отсырело — дай огня!»
Он был запойным и поэтом,
В любви несчастливым давно,
Но мне билет купил с рассветом
Из денег, бывших на вино,
Чтоб снова я прирос дорогой,
Садами белыми в цвету,
И ветром в тамбуре, и строгой
Звездой, набравшей высоту,
Чтобы навстречу из туманов
Летели черные поля...
Спи, как убитый, брат Степанов,
Прощай — вокруг твоя земля.

* * *

Не коснулся Онеги твоей и Оби,
Неприкамен тобой, неприволжен, —
Как не любишь меня, так и впредь не люби,
Только я тебе, Родина, должен:
Лишь под небом твоим не сносил головы,
Пил в парадной, курил у помойки
И бродил надо льдом коченевшей Невы,
И с друзьями прощался на Мойке.

* * *

С остановки трамвая ночного,
Если только не сбиться с пути,
До огней теплохода речного
Можно с камнем на шее дойти.
Или долго, классически просто,
Просто так простоять над рекой,
Если есть под рукой папироса
И гранит под другою рукой.
И душе было некуда деться,
И она по течению дней
Все плыла по-собачьи, по-детски,
И мосты расходились над ней.

* * *

Ничего, что ольха облетела
На пороге густеющих дней
И что было не каждому дело
До листвы, прошумевшей на ней.
Дал мне Бог непросохшее поле
И ладоней твоих забытье.
И душе пропадающей, Оля,
Дал я горькое имя твое.

Сергей ПОДГОРНОВ

ОПЯТА

Р а с с к а з

Деньги, деньги... Черт возьми, эта вечная нехватка денег! Из гостиницы придется прямо сейчас съехать. И сегодня же надо купить билеты на самолет. Почему мы не озаботились этим раньше? Я-то куда смотрел? Проморгал, как последний идиот. Перенестись из Владивостока в Сибирь — попробуйте, кто не пробовал. Да еще и летом, когда местные отпускники мечтают рвануть на запад, понежиться в Сочи или в Крыму. Билетов может и не быть...

Зачем мы здесь оказались? Что мы тут забыли? И наберем ли денег на обратную дорогу? В гостинице могли бы сделать скидку. Все равно в этом номере других постояльцев, кроме нас с женой, нет. Не номер, а палата в захудалой больнице: несколько коек в три ряда. И простыни сырые...

Вечер. Длинная, с облупившейся краской скамейка. За спиной — глухой деревянный забор. На нем вперемежку обрывки старых афиш и частные объявления. Кто-то хочет продать собаку. Нам не нужна собака.

Удалось ли взять билеты на самолет? Вся наличность у жены, и я хочу спросить, летим мы или нет. Но между нами, слева от меня, сидит незнакомый человек лет тридцати. Он из этих, *из новых*, и ко мне почти не обращается, а если и обращается, то подчеркнуто небрежно. Он разговаривает с Варей, я не вникаю о чем. Но не хотелось бы, чтобы он знал о наших денежных затруднениях, мне это будет неприятно.

Холодно. Очень холодно. Почему я в одной рубашке? Где моя куртка?..

Я просыпаюсь. Одеяло сползло с плеча. В приоткрытую створку окна втекает уличный воздух. Варя тихонько посапывает. Это она утянула одеяло к себе. Рассвет только-только начинает угадываться. Сколько времени? Подношу к глазам левую руку. В темноте на часах с трудом различаю: без десяти пять. Надо вставать, все равно больше не усну. Сегодня пятница? Да, пятница. День отработаю, впереди два выходных. Вот и хорошо.

Жена поднимается, когда я уже позавтракал. Если ей в первую смену, она уходит раньше, но лежит до последнего: любит поспать. Собирается торопливо, наспех красит губы. Разговоры у нас утром короткие.

— Ты теплицу открыл?

— Нет, прохладно. На улице плюс шесть.

— Уходить будешь — открой.

— Зачем? Днем жары не обещают, помидоры не сгорят.

— Второй день Тошки не вижу: куда запропастилась?

— Придет. Нагуляется и придет.

— Уже нагулялась. Со дня на день жди приплода.

Тошка — это наша рыжая мышеловка. Свои обязанности выполняет исправно, мышей в доме нет. Вот только котов любит до остервенения и никогда не бывает в простое: едва скинет очередных котят, как тут же нагуливает новых. Котят девать некуда, и мне приходится их топить. Процедура неприятная, после нее на целый день пропадает настроение.

Жена мельком оглядывает себя в зеркало у двери. Поспешный поцелуй.

— Я после работы в магазин заскочу.

— Купи плавленых сырков. Если рыбалка не сорвется — возьму с собой.

— Плохо, что у нас нет машины.

Это дежурный упрек в мой адрес. Когда-то мы даже ругались. Она настаивала на покупке, я говорил: согласен, но водить будешь ты. Она отвечала, что настоящий мужик машину водить обязан. Я возражал, что настоящий мужик проявляется в чем-то другом, а вовсе не в вождении.

— А у тебя сегодня что? — Это она уже спускаясь с крыльца.

— С утра на очистные, экзамены принимать. Потом — не знаю.

Она спешит к калитке с сумочкой и пакетом. Из пакета торчит вырезанный из картона ярко размалеванный паровозик с огромной трубой и рожидей, на рожиде округленные глаза и рот, растянутый в улыбке, — игровые комнаты в детском саду воспитатели оформляют сами. Я поначалу ей завидовал: это ж надо — до глубокой старости в игрушки играть! Потом, когда раз-другой услышал в мобильнике вопли и рев ее двухлетних подопечных, зависти поубавилось.

Однако и мне пора собираться. В комнате, на столике, обнаруживаю мобильник жены. Опять. В последние год-два Варя стала очень рассеянной. То мобильник дома забудет, то какие-нибудь рисунки и планы для работы. Я — ничуть не лучше. Но я, по крайней мере, каждый раз перед выходом проверяю, все ли необходимое положил в карманы.

Из дома отправляюсь в пять минут восьмого. До остановки у городской больницы, где меня подхватит дежурка, десять минут неспешного хода. Улица пока спит. Лишь торчащие из стен «триколоровские» тарелки смотрят мне вслед. За плотным и высоким дощатым забором слева сухо щелкают раскалываемые дрова. Кто колет — не видно, зато вздымается над забором огромная гора поленьев, и на нее летят все новые и новые. Это Витька Бескровный готовит товар к зиме на продажу, а для колки нанимает алкашей. Я шагаю мимо оград из штакетника, мимо цветущих

палисадников за ними, отмечаю крупные красные георгины, белые астры и еще черт знает какие цветы. Я иду той же дорогой, которой хожу по утрам шестнадцать лет подряд, с того момента как поступил на службу в Водоканал. Наша деревянная улочка за это время почти не изменилась, если не считать того, что некоторые дома — в основном изрядно одряхлевшие — обшили сайдингом и они чудесным образом помолодели. Я свой тоже обшил, предварительно утеплив стены снаружи листами пенопласта. Я иду и смотрю по сторонам, и мне это нисколько не надоедает. Более того: неизменность мне нравится! Когда-то удивляло, как люди могут работать на конвейере, годами повторяя одну и ту же операцию. Теперь бы и я, наверно, смог.

Дежурку мы обычно поджидаем втроем: Сергей Ледовский, Лешка Майер — оба слесари в бригаде аварийно-восстановительных работ — и я. Ребята уже на месте. Подхожу, здороваюсь, говорю:

— У меня сегодня плюс шесть.

— А у меня — плюс четыре! — смеется Лешка. — Ну и градусники теперь — у всякого своя температура!

— Нет, не так, — поправляет Сергей. — Возле каждого дома образуется своя погода: где жарче, где, наоборот, холоднее. Места у нас аномальные.

Мы говорим о том, что, пока земля сухая, неплохо бы выкопать картошку, но ботва еще зеленая, и поэтому рано.

Подкатывает «пазик». В салоне, как всегда, человек десять-пятнадцать. Передние сиденья облюбовали женщины, мы устраиваемся позади.

Сергей рассказывает фрезеровщику Толику Авилову:

— Валерка, брат, вчера за грибами ездил. За станцию Судженка. Жена строго-настрого наказала: груздей не бери, их уже девать некуда, только опята. А как не брать, если они под ногами хрустят? И все один к одному: чистые, крепкие, свежие! Махнул, говорит, рукой и начал резать. Ну и опят набрал, само собой.

Толик, щупленький мужичок с бородавкой на щеке, согласно кивает. В этом году грибов — урожай небывалый. Всяких. Белых высыпало столько, что из Томской области за ними наезжают. Наши, у кого есть транспорт, тоже не промах. Димка Уфимцев в прошлые выходные набрал шесть ведер. Если я и досадую, что у меня нет машины, то исключительно в такие вот моменты.

— Только дурак нынче останется без грибов, — заявляет Толик и спрашивает у меня: — Мефодьич, а ты в выходные на рыбалку надумал?

— Вроде бы, — пожимаю плечами. — Договаривались на воскресенье. Но как получится.

— С Потапычем и Веремеевым?

— С кем же еще?

У нас компания удильщиков: два пенсионера и я, молодой. Потапыч — тот не работает, дома сидит, а Веремеев по-прежнему водитель в дежурной бригаде. Смены у него часто выпадают на субботу и воскресенье, и тогда, к моему великому огорчению, рыбалка срывается. Или они с Потапычем едут вдвоем среди недели.

У Веремеева — «нива», а мы с Потапычем скидываемся на бензин. Выезжаем то на Яю, то за карасями на пруд, что рядом с поселком Новостройка. Не признаем никаких сетей, рыбачим на простые поплавковые удочки. Рыбку после поклевки приятно подсесть, выдернуть, трепещущую, из воды, поддержать в руках. В этом сладость нашей рыбалки. Улов, даже если очень повезет, не превышает трех-пяти килограммов.

Дежурка, забрав по пути еще нескольких ожидающих, вкатывается на территорию базы.

Мой кабинет в конторе на первом этаже. Табличка на двери гласит: «Заместитель генерального директора по ОТ и ПБ ООО «Строймонтаж» Плотников Николай Семенович. Экспедитор ОМТС ООО «Горячее водоснабжение» Травников Илья Константинович. Инженер по ОТ и ПБ ООО «Асинский водоканал» Набатников Борис Мефодьевич».

Я в этом списке — последний. И фактически занимаю кабинет один. Двое других здесь редкие гости. В моем ведении охрана труда и пожарная безопасность. Наша многоликая фирма слеплена из нескольких крошечных организаций, а верхнее руководство у них — общее. Это долго объяснять, да и неинтересно. Сейчас важнее то, что мы с Артемом Козубом, главным энергетиком, должны попасть на очистные сооружения. И чем раньше, тем лучше. А сооружения находятся за городом. И с транспортом у нас беда: «жигуленок» и «уазик» всем конторским нужны позарез, и одну, и вторую машину рвут друг у друга прямо с утра.

Пока я размышляю, как мы будем добираться, звонит Артем:

— Мефодьич, прокатимся на моей, я минут через десять буду.

Это лучший вариант! Я еще успею чашку кофе выпить. Набираю на втором этаже воду в кофейник, возвращаюсь, втыкаю вилку в розетку. Пока он, нагреваясь, свистит и шумит, подхожу к зеркалу. Зеркало висит на стене, слева у входа, и отражает все, что перед ним, честно и без прикрас: седина на висках и плешь до самой макушки. А еще глаза за очками — потухшие и усталые. Не красавец. Ну да что есть, то и есть.

Включаю компьютер. Открываю погоду. Прогнозы не обещают осадков до понедельника. В воскресенье легкая облачность. Неплохо. А то сидеть с удочкой под дождем или солнцем палящим — удовольствия мало.

Кофейник забулькал, отключился. Достаю из книжного шкафа банку кофе. На этикетке — ложка, вилка и нож. Сверху надпись: «Собери набор модных столовых приборов». Никогда раньше не брал и вот в первый раз купил такой кофе. Внутри, зарытая в гранулах, оказалась вилка. Зачем мне она здесь — ума не приложу. На всякий случай пусть лежит. К кофе два кусочка сахара. Я люблю пить вприкуску.

А вот и Артем.

— Не торопись, Мефодьич, успеем.

Предлагаю кофе. Он уходит в свой кабинет за кружкой. Возвращается. Наливает кипятка, размешивает ложечкой светло-коричневые крупинки и садится за второй, пустующий стол.

— После обеда мне нужно попасть на водозабор. Повезу человека из Энергосбыта.

— Зачем?

— С проверкой, — говорит он. — Не сидится им в кабинетах.

Я киваю. По-любому на очистных до одиннадцати управимся.

Через десять минут мы уже катим в его «опеле». Ход мягкий, работающего двигателя почти не слышно. Машину он приобрел недавно, в хорошем состоянии.

— Восемь лет ей, — охотно объясняет Артем. — И еще «ниву» прикупили, девяносто шестого года. Но «нива» в основном для отца. Он все жалуется, что ему плохо без машины.

— Откуда ж деньги?

— Я квартиру старую продал. Ту, которая на «Искре». Можно сказать, по дешевке — за миллион и пятьдесят тысяч. Хотели ипотеку частично погасить, потом с женой подумали: нет, машина нужнее. И отца — как обидеть? После всех этих покупок осталось тысяч сто, но и они разошлись. В «ниву» тысяч двадцать вложил. Отдавал на диагностику, сказали, мотор в порядке. А с остальным сам понемногу управляюсь.

Артем — сын моего одноклассника. Жена у Артема — Анжелка. А в электриках числится еще один Артем. Немыслимые имена в те годы, когда я подрастал. В нашем классе половина пацанов были Александрями и Сережами — характерная примета пятидесятых. Так что, когда мои одноклассники после школы обзавелись женами и стали появляться ребяташки, — косяком пошли Александровичи и Сергеевичи. Или, соответственно, Александровны и Сергеевны. Зато уж мое поколение имена своим чадам давало с фантазией. Среди тридцатилетних, поступающих на работу, я проводил инструктаж для одного Ксаверия, двух Ермолаев и трех Кристин. Не считая Денисов, Ксений, Анастасий и прочих.

Так вот — об Артеме. Он уже лет десять работает у нас на предприятии. Толковый парень. Недавно они с женой приобрели четырехкомнатную квартиру. А сейчас мы с ним — комиссия. Я буду принимать экзамены по охране труда, Артем — по электробезопасности.

Проехав по окраинным улочкам, а затем мимо угольной обогатительной фабрики и лесопосадок, мы выбираемся к огромному городскому кладбищу и катим по асфальту сквозь него. Я с неудовольствием вспоминаю, что почти все лето не был на могилах родителей. А на следующей неделе печальная дата: тридцать четыре года, как не стало отца. Травы там, конечно,росло по пояс.

Наши канализационные очистные сооружения — за городом. Место хорошее, лес вокруг. Я немного завидую тем, кто здесь работает. Вдали от городской спешки жизнь течет размеренно. А запах нечистот... Ко всему можно притерпеться.

Сторож открывает ворота. Мы, минуя группу рабочих человек в девять, подруливаем к одноэтажному корпусу.

Нас уже ждут. Энергомеханик Семен Безуглов здесь пока самый главный. Он сухой, смуглый, черноглазый, очень подвижный — похож на цыгана. И я подозреваю, что цыгане в его роду действительно были. Лысина не меньше моей. Ему чуть-чуть за пятьдесят. А начальник очистных Валентина в декретном отпуске.

— Артем Александрович, наконец-то! Заждались гостей! — мечется вокруг нас Семен.

Через минуту ведет в свой кабинет:

— Вот тут и расположимся.

Пока я достаю из папки бумагу и ручку, снимаю пиджак, а Артем придвигает стулья к столу, Безуглов успеваает выбежать из кабинета и вернуться обратно. Замерев на пороге, осторожно интересуется:

— Ну что, как поступим? Отпустим людей?

— Отпускай.

Экзамены мы с Артемом принимаем один раз в год, на очистных сооружениях и на водозаборе. На водозабор отправимся недельки через две. А здесь, если по списку, опросить надо около сорока человек — и дневную, и ночную смены. На самом же деле ночная смена давно топчется у проходной: поджидает дежурку, на которой подъедет дневная. И дневная тоже пройдет мимо этого кабинета по своим рабочим местам.

Наши экзамены — липа, фикция.

Однако двух овечек на заклатие нам все-таки приготовили. Это мастера смены. Им, как руководящему персоналу, экзамены полагается сдавать один раз в три года. Сейчас подошел очередной срок. Мастера, или, точнее сказать, мастерицы, каждая из которых отработала здесь свыше двух десятков лет, уселись напротив, смиренно и покорно ожидают своей участи.

— Готовились? — спрашиваю.

— Читали, — заверяют одна и другая, но неуверенно.

Начинает Артем. Его коронный вопрос: для чего служит заземление?

— Допустим, вам надо проверить работу насосной станции. Вы пришли и случайно прикоснулись к корпусу насоса. Если не будет заземления — ударит током или не ударит?

Путаясь, отвечают обе сразу. Кое-как с заземлением разобрались. Второй вопрос — про диэлектрические перчатки, резиновые коврики и прочие средства защиты. Помучив минут пятнадцать электробезопасностью, Артем передает обеих страдалец в мои лапы.

Мой конек — оказание первой помощи при поражении электрическим током.

— Представим ситуацию, — обращаюсь к Людмиле Ивановне, пухленькой блондинке лет сорока пяти, — ветром порвало провод, и он упал на человека. Кроме вас, поблизости никого нет. Ваши действия?

— Провод надо отбросить, — уверенно говорит она.

— А как?

— Взять сухую палку и подойти к пострадавшему.

— Каким образом?

— Гусиным шагом, не отрывая ног от земли.

— Почему именно так?

— Чтобы током не ударило.

— Дальше.

— Палкой отбрасываем провод с человека. Затем берем пострадавшего за край одежды или за ворот и оттаскиваем на восемь — десять метров от лежащего провода.

Она внимательно следит за моим лицом, пытаясь по реакции догадаться, правильно ли отвечает.

— Дальше что?

— Приступаем к оказанию первой помощи. Для начала определяем, есть пульс или нет...

— Где будете определять?

— На руке? — полувопросительно говорит она.

— На запястье или на сонной артерии, — подсказывает Галина Евгеньевна, вторая экзаменуемая.

— На запястье — нежелательно. По какой причине?

Обе молчат.

— На запястье пульс трудней обнаружить. Руки у многих, особенно у женщин, бывают полными. А сонная артерия на шее прощупывается хорошо. Итак, вы убедились, что пульс есть, пострадавший жив, но без сознания. Потом что?

— Надо перевернуть его на живот.

— Зачем?

— Чтобы не захлебнулся рвотными массами и чтобы не запал язык...

Так, понемножку, мы подбираемся к цели в каждом вопросе. Закончив с Людмилой Ивановной, берусь за Галину Евгеньевну. Та, не переставая терзать концы накинутого на плечи платка, с запинками отвечает. Попытав и ее, отпускаю обеих, и они облегченно выпархивают из кабинета.

А мы с Артемом придвигаем протокол с фамилиями работников и удостоверения — их тридцать девять. Все это надо заполнить.

— Мастерам — по четверке, остальным, кого сегодня не было, тройки! — категорично объявляет Артем.

Я согласен. Начинается муторная писанина. Управляемся только к десяти. Два протокола надо перенести в компьютер и распечатать. Но это будет уже в конторе.

Семен постоянно возле нас.

— А теперь пройдемте перекусить, — приглашает он.

Это традиция. Сколько существует — не знаю, но возникла еще до моего прихода.

Семен ведет нас в соседний кабинет. Стол уже накрыт. Горячие пельмени, салат из помидоров и огурцов, сыр, колбаса, бутерброды со шпротами и — запотевшая бутылка водки. За хозяйек — наши недавние студентки. Семен берется разливать. Сам он не пьет вообще, даже пива. Артему нельзя: за рулем. Остаюсь я и студентки. Им можно, они не на смене, после застолья отправятся домой. Мне тоже можно, если не увлечься.

Выпиваем по первой. Завязывается разговор о только что прошедших экзаменах. Женщины улыбаются — все позади.

Я вспоминаю, что раньше, когда организация была сильной, экзамены проводились по всем правилам, работники отвечали по билетам и

многие страшно волновались. На водозаборе одна берет билет, а сама ни жива ни мертва. Читает вопрос: «Половой удар». Мы: «Какой-какой?!» — «Половой...» Оказалось — тепловой. От страха буквы в глазах поплыли.

Сидящие за столом вежливо и чуть принужденно смеются. И тут до меня доходит, что про этот случай я рассказывал в прошлом году. А может, и раньше еще, и не один раз. Вот же какая неловкость, и все из-за памяти!

Заговорили о грибах — кто уже заготовил, а кто только собирается.

— Я три трехлитровых банки груздей намариновала, — певуче произносит Людмила Ивановна.

— А как их маринуют, — безучастный Артем неожиданно проявляет интерес, — чтобы хранились долго?

— Ты никак за грибами собрался? — спрашивает Семен.

— Завтра хочу съездить.

— Нет ничего проще. — Людмила Ивановна вытирает руки о салфетку. — Берете грузди, промываете, как обычно. Несколько часов держите в воде, а потом варите двадцать минут. После того как поварили, воду надо слить и залить свежую. Добавляете гвоздику и соль, доводите до кипения и варите те же двадцать минут. Потом раскладываете по банкам, а сверху — рассол, в котором варили. И не забудьте про уксус, а то испортятся. Закрываете крышками. Готово!

Артем слушает внимательно, изредка кивает головой.

— Зачем куда-то ехать? У нас опята — в двух шагах отсюда! — усмехается Семен. — Вышел за территорию — и режь сколько угодно.

С застольем пора заканчивать. Время к одиннадцати, но торопиться в контору резона нет. До обеденного перерыва всего лишь час: ни туда ни сюда.

И тут меня осеняет.

— А покажи-ка ты нам грибные места, — обращаюсь к Семену. — Где здесь опята?

— Зачем?

— Да вот, хочу убедиться, что их сколько угодно.

— Это запросто!

Артем удивлен, однако не спорит. Мы благодарим хозяек и поднимаемся из-за стола. Семен убегает в свой кабинет — переодеться. Через пять минут появляется. На нем куртка, пятнистые штаны и сапоги. Он протягивает нам целлофановые пакеты и ножи.

От водки настроение приподнятое. Выходим из конторы и направляемся в дальний конец очистных, к последнему отстойнику. А солнце-то припекает все сильнее. Сразу за отстойником, спускаясь к логу, начинается лес. Не сплошной. Сверху видны полянки, на той стороне лога лысый косогор. Смешно сказать: я лет десять не собирал грибов. Да каких там десять — больше! В последний раз это были тоже опята. Со знакомыми ездил. А почему не собираю? Один не рискую, в лесу из меня ориентировщик аховый, а с кем-нибудь не получается. Мои компаньоны по рыбалке никакие не грибники. Нет у них вот этого азарта: шастать по лесу с

корзинами. Я не большой гурман по этой части, но иногда, хоть и редко, накатит желание: поесть бы жареных грибов!

За очистными едва угадываемая в траве тропинка ведет вниз. Семен шагает быстро, я еле поспеваю. Артем отстал, моя затея, как видно, его не вдохновляет. Метров через двести наш провожатый останавливается, крутит головой и говорит:

— Вот отсюда начнем искать.

Все трое разбредаемся, не теряя друг друга из виду. Тут же, как по заказу, появляются комарики. Немного. Однако постоянное сопровождение теперь обеспечено. Я почти сразу нахожу пару груздей, срезаю. Но один и второй гнилые, и ножки изъедены червями. Места хоженные. По примятой траве заметно, что грибники здесь побывали, и не раз. Я оглядываюсь. Справа непролазные кусты. То здесь, то там поваленные деревья. Вот откуда в лесу столько поваленных деревьев? Нет бы старые толстые стволы, но ведь и тонких, молодых немало! Ощутимо пахнет прелью. Грибы есть, но плохие: источенные червями волнушки, таких же груздей штук семь... Наконец срезаю подосиновик с чистой и крепкой ножкой. А те, за какими пришли, почему-то не попадаются.

— Я прошлым летом сюда часто заглядывал, целый мешок опять натаскал. Думал, и сейчас их полно! — кричит, оправдываясь, Семен.

— Так ты еще здесь не был?

— В этом году — нет, все как-то не получается. Давайте перейдем в другое место.

Мы забираем влево, пересекаем поляну и опять углубляемся в лесок.

— Куда они делись? — озадачен наш провожатый. — Всегда ж тут росли!

Недоуменно пожав плечами, он ломится через кустарник, трещат ветки. Я начинаю подозревать, что мы вообще вряд ли что-нибудь сегодня отыщем, но убаюкиваю себя тем, что «вот и лесным воздухом подышал». И тут прямо перед собой вижу небольшой трухлявый пенек.

Пень как пень, но там, где в землю уходят мертвые корни, плотным воротником густая поросль молоденьких опят. Мгновенное изумление и следом — радость: есть, есть! Светлые шляпки, одна к одной, вот они где поджидали меня! Наклоняюсь и аккуратно срезаю первую добычу. Пакет наполняется приятной тяжестью. Семен с Артемом рыщут неподалеку. Метрах в двадцати выше — вторая находка. На этот раз выводок меньше и опята не такие молоденькие: юбочки прилипли к ножкам, сами ножки суше и темнее. Цвет шляпок как бы размытый. Но ничего, и такие сгодятся.

— Мефодьич, — кричит Семен, — иди сюда!

Иду на крик. Оба грибника старательно обрабатывают покрытое мхом поваленное дерево. Опята на нем не подряд, а сидят небольшими кучками. Обхожу дерево и вскоре натываюсь еще на один пенек с опятами, а чуть дальше — на другой. Здесь сосны. И когда я срезаю грибы, часть из них, выскользнув из рук, падает на землю. И я поднимаю упавшие вместе с длинными сухими иголками — вся земля вокруг устелена ими.

Мой пакет почти полон.

Время, однако, перевалило за двенадцать, пора возвращаться на базу. Артем великодушно отдает свою добычу Семену.

— Приезжайте еще, — приглашает Семен. — Может, в другой раз больше повезет.

Вновь дорога стелется под колеса. Солнце раздухарилось не на шутку. Я начинаю нервничать: сгорят мои помидоры в закрытой теплице!

— Не переживай, Мефодьич.

— Да припекает-то как!

— Можем завернуть к тебе, — предлагает Артем. — Откроешь теплицу, а заодно и грибы оставишь дома.

Мы так и делаем. Когда распахиваю дверь теплицы, изнутри ударяет таким жаром, что стекла очков моментально запотевают. Но помидоры целы, и это главное.

Возвращаемся в контору. В коридоре на Артема налетает Ксения из производственного отдела, юная и напористая:

— Ты едешь на водозабор?

— Да, к двум.

— А сейчас не едешь?

— Нет, не еду.

— А мы с Анной Григорьевной едем сейчас. Машину дают. Можем взять тебя с собой.

— Не надо меня брать. Валите со своей Анной Григорьевной.

— По шее получишь!

Вот чему бы научиться у нынешних молодых — раскованности, завидной непринужденности. Легко между собой общаются. Я таким тридцать лет назад не был.

Вынимаю из кожаной папки заполненные листки, бегло просматриваю. Сплошные «удовл.». На сегодня у меня особо срочных дел нет. А другие, какие есть, могут подождать до понедельника. Раздумываю, включать компьютер или нет; решаю, что не нужно, и достаю из стола блокнот. На обложке — море и берег. На берег, разбиваясь белыми брызгами, набегают волны. Это мой дневник. Дневничок. В нем я фиксирую все события, что происходят за день. Открываю на тридцать седьмой страничке, ставлю дату и день недели: «28.08.пт». И строчкой ниже записываю: «Принимали с Артемом экзамены на очистных. Потом нас угощали. Потом Безуглов проговорился, что грибы неподалеку есть. И я предложил сходить за грибами! И мы втроем пошли — Безуглов, Артем и я. Сходили удачно: набрал почти полный пакет опят».

Ставлю точку и перечитываю. Вроде все правильно, но как-то не так. Словно протокол заполнил. Сухо и неинтересно. Еще, наверно, что-нибудь добавить надо. Но возможно ли передать на бумаге ощущение покоя и тихой радости, когда я бродил по лесу? Как рассказать о екнувшем сердце, когда я увидел первый пенек с опятами? И всколыхнется ли что-нибудь в памяти, когда, может быть, через пару лет загляну в эту запись?

И тут входит Потапыч. Редкая неделя, чтобы он на базе не появлялся. А то и два-три раза. На работу из-за возраста никуда не берут, а в квартире сидеть измаялся, вот и тянет его сюда.

— Здорово, здорово! — благодушно щурится он. — Ты где пропал? Я уже всю контору успел обойти, и к Авилу заглянул, и в твою дверь два раза стучался. Носит, понимаешь, его!

Я захопываю блокнот.

— Экзамены с Артемом на очистных принимали. По электробезопасности и охране труда.

— У всех приняли? Никого отчислять не будете?

— Никого.

— Что вы за экзаменаторы, если никого не отчисляете? Халтурщики, а не экзаменаторы, вас самих гнать надо!

— Ладно тебе. Ты лучше скажи: на рыбалку едем?

В пруду, на который мы собираемся, клюют хорошие караси — нередко попадаются граммов по сто пятьдесят и двести. Но я хочу выловить щучку на спиннинг. В прошлый раз видел, как один паренек двух штук одну за другой выхватил. Загвоздка лишь в том, что машины нет — ни у меня, ни у Потапыча. Машина есть у Веремеева. С Веремеевым на связи Потапыч. Я разумно полагаю, что два пенсионера скорее договорятся.

— В эти выходные — нет.

Вот это сюрприз!

— Почему?

— Веремеев решил картошку копать.

— Что за спешка? Дождей не обещают, куда торопиться?

— Да ну его! Приспичило ни с того ни с сего.

Мы молчим. Я все еще осмысливаю неприятную новость.

— Чаю хочешь?

— Нет. Пей сам свою вареную воду.

В кабинет врывается начальник водозабора Ксендзов, он всегда норовит бегом. Ему до пенсии тоже недалеко, но до сих пор шустрый: летом педали крутит, зимой на лыжах бегаёт.

— Подпиши рукавицы!

И протягивает список получателей спецрукавиц на водозаборе в сентябре.

— Ты почему здесь, а не у себя? — говорю, пробежав глазами список. — Артем к тебе инспектора повез.

— Знаю. Без меня управятся. А, старый софист! — обращается он к Потапычу, словно только что заметив его. — Как тебе сегодня наша власть?

— Как и вчера, — мрачнеет Потапыч.

Он Ксендзова терпеть не может, тот постоянно над ним подсмеивается.

— А как было вчера?

— Так и было. Менять надо. Всех.

— Да ну, так уж и менять? А зачем?

— Воруют.

— О! А у нас когда-нибудь не воровали?

— Политиков ярких нет. Все серые.

— Ишь ты, как определил: «серые»! Тяжелый воз кто тащит? Серый коняга и тащит! А попробуй запряги павлина. Не серого. Он далеко увезет? Вспомни девяностые.

— Менять надо и судить. И шлепнуть десяток, — угрюмо гнет свое Потапыч. — Заворовались!

— А где других найдешь? Я этих других иногда в интернете наблюдаю: павлины — они и есть павлины. Нет, пусть все остается как есть, лишь бы хуже не стало.

— Вот-вот, обязательно станет!

— Если уж на то пошло, я бы тебя в президенты выбрал. Согласился бы?

— Запросто! Я знаю, что делать надо!

— Так чего тянешь? Давай!

Ксендзов убегает.

Кого из моих знакомых ни возьми — все готовы хоть сейчас управлять страной и у каждого список, кого посадить и расстрелять...

Поскольку сегодня пятница, то укороченный рабочий день — до четырех. Дежурка доставляет меня туда, откуда я отправлялся утром, — к горбольнице. Захожу в магазинчик и покупаю банку майонеза. Затем десять минут по родной Кирпичной, и я дома.

В почтовом ящике письмо из пенсионного фонда на мое имя. Вот те на! На кухне вскрываю конверт.

«Уважаемый Борис Мефодьевич! Управление Пенсионного фонда уведомляет, что в целях предварительной подготовки документов перед установлением пенсии Вы имеете право обратиться для проверки трудовой книжки и других документов, подтверждающих трудовой стаж и заработок. Для этого необходимо представить подлинники и копии: а) паспорта; б) страхового свидетельства; в) военного билета; г) трудовой книжки; д) документа об окончании учебного заведения. Заместитель начальника Управления Н. А. Арлакова».

Смотри-ка, как они за этим следят! Не забыли про меня.

Недавно, в конторе, захожу в кабинетик «киповца»¹ Володи — там у него приборы, которые отремонтировать надо, и разный другой хлам. А Володя сидит сосредоточенный, даже паяльник дымящийся в сторону отложил. Чем, спрашиваю, занят? Да вот, говорит, отсчитываю время до пенсии. Осталось девять лет двести сорок три дня одиннадцать часов и восемнадцать минут... А тут считай не считай — она, родимая, сама подкатывает. Через пять месяцев всего. Даже не верится. Ладно, документы собрать нетрудно. Матушка незадолго перед смертью говорила: столько прожила, а все как один день, даже не заметила. И я, сорокалетний немышленьш, про себя удивлялся: как это можно было не заметить восемьдесят прожитых лет? А теперь могу и себя спросить: заметил ли, как пролетели мои шестьдесят? Ведь как будто еще вчера студентом был...

¹ КИПиА — отдел контрольно-измерительных приборов и автоматики.

Пора приступать к тренировкам по приему поздравлений. Хотя вряд ли их будет много.

В холодильнике обнаруживаю жаровню с пловом, наполняю пластиковый контейнер и отправляю в микроволновку. Горячий плов обильно поливаю кетчупом. В одном из деревянных ящичков, где, накрытые платком, созревают помидоры, выбираю четыре красных. Нарезаю хлеб, достаю солонку, завариваю зеленый чай.

Приготовленный ужин переношу на журнальный столик, в комнату. Что там по телевизору? Начинаются новости, и, как обычно, — с Украины. Там все как прежде: боевые действия, обстрелы Донецка.

Поев, споласкиваю посуду и принимаюсь за обработку грибов.

В эмалированный таз набираю холодной воды и ставлю все на тот же столик. Приношу пакет с опятами и чашку для мусора. На экране — «Давай поженимся». Когда-то я эту передачу терпеть не мог, сразу переключался на другой канал: слишком много было желающих покрасоваться на всю страну, типов неприятных хватало. Но теперь думаю, я был неправ. Разве плохо, если два одиноких человека создадут семью, а молодые еще и детей родят? А кривляются — так это от неуверенности в себе, за пижонством виден мандраж... Что на этот раз? Нет, семья вряд ли получится. Какие-то они вообще неподходящие для этого дела — и невесты, и жених... Все равно досмотрю, кого этот жених выберет.

С сумкой продуктов возвращается жена.

— Грибы? Откуда? — с удивлением смотрит она.

— Купил около магазина.

— Дорогие?

— Семьсот рублей.

— Рехнулся?

— А что — можем себе позволить.

— Тебе деньги, я вижу, девать некуда.

Она переодевается в домашнее, не переставая ворчать. Опята ее не радуют. Пытаюсь отвлечь:

— Что так поздно?

— Собрание с родителями проводили, пришлось задержаться.

Я перед работой забыла тебе сказать.

— И не только это забыла.

— Ты про мобильник? Ну да, торопилась утром. А после собрания в «Магнит» зашла. Сырков купила, котлеты, творог, сметану, майонез...

— Я тоже майонез взял.

— Зачем?

— Я ж не знал, что ты в «Магнит» заходить будешь.

— Сейчас поужинаю и помогу с грибами. Такие деньги потратил!

Вдвоем дело идет быстрее.

— Что-то в них сора много, — подозрительно говорит Варя. — Иголки какие-то... На рынке чистые продают. Откуда грибы?

— Сам нарвал.

Не верит. Приходится обстоятельно рассказывать.

— Добытчик! — наконец-то смягчается жена. — Сейчас переберем, отварим, а потом я суп с грибами сделаю.

— Нет уж, лучше пожарить. — У меня к жареным опятам особое отношение. А почему особое — я ей рассказывал.

— Чем тебе суп не нравится?

— Нравится. Все равно пожарь!

Вроде и пакет невелик, а возимся полтора часа. Варя заполняет грибами большую кастрюлю, доликает воды и ставит на конфорку. Я иду в огород закрывать теплицу: ночами уже прохладно.

В десятом часу укладываюсь спать. Варя сидит за компьютером: планы на неделю вперед составляет. Для двухлеток! Воспитателей в детском саду замордовали планами и отчетами.

Я уже начинаю дремать, когда она спрашивает из другой комнаты:

— Тошка не появлялась?

— Нет, сегодня не видел.

— Куда пропала?..

Просыпаюсь, гляжу на часы: нет еще и пяти. Несколько минут нежусь в тепле под одеялом.

Все, пора вставать. Выполняю каждодневный утренний обряд: сильно растираю и мну ладонями виски, затем грудь в области сердца. После чего четырежды повторяю про себя: «С Богом!» — и скидываю ноги с дивана. Я с возрастом все строже слежу за разными приметам и следую небольшим, придуманным для себя ритуалам. Что это — старость? Наверно. У старости много обличий. А ведь еще несколько лет назад сильно удивился, когда на автобусной остановке ко мне обратился вихрастый паренек под хмельком: «Дед, закурить не найдется?» В первый раз называли дедом. Запомнилось. И когда мужчиной в первый раз называли, тоже помню: во Владивостоке. На первом курсе. Стою в гастрономе, в очереди. За мной занимает женщина с хозяйственной сумкой. Подходит еще кто-то, спрашивает: «Кто последний?» Женщина говорит: «Я». — «А вы за кем?» — «Да вот — за мужчиной». Я даже головой завертел: о ком это она?..

Остывшие за ночь грибы вылавливаю из кастрюли, прячу в пакет и убираю в морозилку. Затем поджариваю глазунью на сковородке. Четыре яйца — вполне достаточно. Готовое блюдо обильно поливаю кетчупом.

Завтракаю не торопясь. Жена в выходные любит поспать. Встанет в девятом часу, не раньше. День у меня сегодня ненапряженный. За картошку братья еще рановато: ботва зеленая, только-только возле ограды сохнуть принялась.

Как и предполагал, жена просыпается в половине девятого и сразу спешит привести себя в порядок: Полинка по скайпу вот-вот должна позвонить.

Я в это время сижу за компьютером. Посмотрел почту — нет ничего. Посмотрел экономические новости. Официальный курс евро на выходные — 75,40, доллара — 67,69 рублей. Это выше, чем вчера. Доллар растет — значит, цена на нефть опять рухнула. Мне стыдно, что огромная

страна, которая обязана быть богата не только ресурсами, до такой степени зависит от нефти и газа. Стыдно еще и потому, что других вариантов в обозримые годы не предвидится. Глянул на результат вчерашнего матча: «Урал» с «Тереком» натолкали друг другу по три мяча и разошлись с миром.

— Тошка не приходила?

— Нет.

— Я начинаю беспокоиться.

— Придет, никуда не денется.

— Ночью проснулась — какой-то шелест под потолком. Думала, мотылек. Свет включила, а это жучки. Те, что попали в пакет с грибами, разлетелись по дому.

А вот и характерный сигнал — Поинка звонит. Супруга бежит к компьютеру. Уступаю место.

Варина дочка Поинка живет в Сан-Франциско. Уехала туда всего лишь на год воспитателем детей в американской семье — была такая программа. И вот уже девять лет прошло. В Америке окончила курсы медсестер-стоматологов, работает в частной клинике. Вышла замуж за выходца из Гватемалы. Родила мальчишку. Шустрый пацан, ему сейчас три года. На Поинку абсолютно не похож: темненький, с черными блестящими глазами — папина рожица. Рядом с беляночкой Поинкой выглядит очень забавно, и ничего общего. Я даже сомневаюсь, что во время зачатия Поинка была рядом. После рождения младенца мы с бабушкой записали его имя на бумажку и первое время часто в нее заглядывали: Алексей Себастьян Карэра Полтавченко. Такой вот винегрет. Отец и свекровь называют его Себастьяном, а мы с Варей — Алешкой. И если в этот винегрет добавить еще отчество Эрвинович — совсем рехнуться можно! Любим мы его безмерно, наше русско-английско-испаноговорящее чудо! Бабка при виде внука тает настолько, что однажды стечет с кресла. Я думал, это только с ней такое. Но как-то после связи с Америкой, забыв поменять выражение на лице, подошел к зеркалу и оказался ничуть не лучше.

Появилось изображение. Алешка на полу в окружении игрушек машет нам рукой:

— Дедочка, смотри! Бабочка, смотри! Масына! — и указывает на яркий пластиковый самосвал. Явно новый, такого мы еще не видели.

Ребенок повернут на машинах. Книжки — про машины, игрушки — только машины. Все, что не машины, ему неинтересно. Я иногда, смеясь, говорю, что он не родился, а вырuling из материнского чрева.

Закадровый голос Поинки:

— Мама, здравствуй! Дядя Боря, здравствуйте. Как у вас дела?

— Все хорошо, — частит бабка, не отрывая глаз от Алешки. — Дядя Боря вчера грибов нарвал, опять. Ездил по работе за город — экзамены принимал, а потом в лесу нарвал грибов.

— Ничего себе! — вежливо удивляется Поинка.

И я понимаю, что это ей несколько не интересно. Даже если бы я нарвал не грибов, а, скажем, пучок малолетних детишек — реакция была бы той же самой. А бабка не замечает, бабка с упоением разглядывает внука.

— Я сейчас уборкой займусь, а завтра банки с помидорами начну закатывать, — докладывает она. — У зимы рот большой.

— А что с грибами делать будете?

— Пока ничего. Потом, может быть, грибной суп сварю.

— Лучше пожарить, — поправляю я.

— Суп! — твердо говорит жена.

— А мы завтра собираемся съездить на море, уломала я Эрвина.

Поваляемся на пляже. И Алешку берем.

Наша американка отстает от нас — по времени — на четырнадцать часов. У них еще вечер вчерашнего дня.

— А не холодно возле моря? — тревожится бабка. — Смотрите, ребенка можете застудить!

— Мам, ну что ты как маленькая.

— Все едете?

— Нет, только мы с Эрвином и Алешкой. Дилия (свекровь) завтра работает, а Антонио (младший брат Эрвина) с женой идут в гости.

— И в воду полезете?

— Конечно.

— Будьте внимательней, далеко не заплывайте!

— Мам, ты опять?

Алешка, завывая, возит самосвал по полу.

— Алешенька, Алешенька! — надрывается бабка. — Прочитай нам стишок!

— Ж-ж-ж! — гудит Алешенька, ползая на коленках.

— Алешенька, расскажи: «Уронили мишку на пол...» Ну расскажи!

— Ж-ж-ж!

— Дед послушать хочет. Расскажи деду!

— Би-би-и...

— Ладно, привет Эрвину. — Я поднимаюсь.

— Передам.

Я выхожу из комнаты, и Варя тут же приглушает звук — начинается то, что я называю «девичьими секретами».

Пока мать с дочкой шушукаются, я устраиваюсь в маленькой спальне, включаю телевизор и, отыскав канал «Охота и рыбалка», смотрю, как двое братьев, сидя в лодочке, выуживают из-под обрывистого берега щучек и попутно объясняют, как они это делают. Я разглядываю разноцветные виброхвосты и думаю о том, что надо бы купить парочку таких же. В телевизоре сгущается вечер, вода в речке темнеет. Братья говорят друг другу, что на сегодня хватит, и прощаются со зрителями. Потом весь экран занимает толстый бородатый мужик с ружьем и предлагает отправиться на охоту. Следом камера показывает заснеженный лес, в котором водятся разные зверушки.

Однако до охоты дело не доходит, потому что в спальне появляется жена.

У Вари есть удивительная особенность: все свои эмоции она просто-душно выкладывает на лице. Беглого взгляда достаточно, чтобы понять, что женушка потрясена.

- Что случилось? — задаю естественный вопрос.
- Ты даже не представляешь, что она сотворила!
- Ну?
- Решила стать суррогатной матерью. Она носит чужого ребенка.
- Что за ерунда? — вырывается у меня.
- В марте ей рожать.
- Погоди, как это — рожать?
- А вот так! У них, говорит, это в порядке вещей. Пожилая пара решила завести ребенка. Моя дуреха за все получит тридцать тысяч долларов и плюс медицинское обслуживание на время беременности за их счет. Она хочет потратить деньги на учебу и с кредитом расплатиться.
- Что за пара?
- Он — профессор, преподает в Сингапуре. Жене вынашивать возраст не позволяет...
- И решили воспользоваться Полинкиным пузом? Хотя почему и нет — все равно не занято...
- Перестань издеваться! Будь она твоя дочь, тебе было бы не до смеха. Я ей сказала: дура, что ты творишь! Горько потом пожалеешь, делай аборт, пока не поздно. Нет, я ей еще мозги вправлю!
- А этот, муженек-то ее, он что?
- Согласился.
- Ну да, ну да: ни рыба ни мясо. Слушай, может, Полинке его тоже как-нибудь приспособить? Сдать, например, на органы? Дополнительная живая копейка в доме. Толку от него все равно нет.
- Смотри, не проговорись никому об этом!
- Что так?
- Стыдно.

Весь день Варя как потерянная — моет пол и роняет ведро, натывается на стулья, отвечает невпопад. Начинает чистить картошку и выговаривает мне, что ножи тупые. Точу ножи, укрываюсь в спальенке и снова включаю телевизор.

На одном из каналов — свежие новости. В арабской стране люди в черном, вооруженные автоматами, гонят на расстрел группу мужчин. Те, кого собираются казнить, вовсе не походят на узников, которые много дней провели в застенках. На всех легкомысленные шорты или светлые брюки, а также летние рубашки, цветастые майки и — шлепанцы. Эти шлепанцы никак не вяжутся с тем страшным, что должно произойти. Я догадываюсь, что еще за пару-тройку часов до съемки несчастные находились у себя дома — занимались повседневными делами, а то и просто попивали кофе под тенистым тентом прямо во дворе. И тут явились эти черные и забрали их. Понятно, что за теми, кому предстоит умереть, нет никакой вины. Я смотрю на них — всех заставляют лечь на землю в ряд, и сознание не хочет мириться с тем, что человека можно убить *просто так*, словно курицу, которая необходима для супа. Сцену расстрела, щадя зрителей, не показывают.

Ближе к вечеру Варя затевает стряпать оладьи и отправляет меня в магазин:

— Возьми сметаны. И кефира купи.

С заднего крыльца магазина продавщица Катя принимает товар: печенье и конфеты. Пока она там покрикивает на водителя, который ставит коробки не туда, куда нужно, образовалась небольшая очередь из четырех человек. Я последний в этой очереди, за спиной плечистого парня с короткой стрижкой и нежной розовой шеей. В ушах у парня темными красными капельками поблескивают сережки.

— Куда ты ящик приткнул? Зефир вот сюда, на эту полку! — доносится властный Катин голос.

Я разглядываю того, кто впереди меня. Накачанные руки, крепкая шея и — сережки. Пазл не складывается, одно другому не соответствует...

Поедаем с кефиром горячие пышные оладьи, но без всякого аппетита. Варя вздыхает и хмурится.

Ночью я просыпаюсь. Жена рядом плачет тихо и обиженно, как ребенок. Тело ее мелко вздрагивает.

— Ты чего? — спрашиваю.

Варя молчит.

— Не заболела?

— Как она могла! Как она могла... Зачем я отпустила ее в эту Америку!

— Заткнись, — говорю ей.

Она замирает. Даже как будто дышать перестает. Я редко говорю ей грубости.

— Заткнись, — повторяю зло. — И не лезь к ним.

И, помолчав, добавляю:

— Что мы с тобой, два старых огрызка, можем понять в нынешней жизни...

Мы с Варей — осколки разбитых семей. У нее первый брак распался, у меня — даже два. У нее дочь в Америке, у меня сын во Владивостоке. И в том, что наши дети теперь далеко от нас, винить остается только себя. Что-то мы в детях своих упустили. Я не думал, что так случится, и с молодых лет был настроен от начала и до конца прожить с одной женщиной, чтобы дети знали не «дядю», не «тетю», а кровных родителей. Но как получилось, так уж получилось. Ждать теперь нечего, и надеяться не на кого, и держаться нам остается только друг за друга.

В воскресенье я собираюсь в банк, надо снять немного денег. Варя моет помидоры и выжаривает банки — литровые и пол-литровые. Мне велено попутно купить сливочного масла.

— Возьми мобильник, если что-нибудь еще вспомню — позвоню.

В маленьком вестибюле Сбербанка из двух банкоматов один не работает. Ко второму очередь из десяти человек. У экрана мнется дедок. Он, вероятней всего, только начинает пользоваться пластиковой карточкой, поэтому волнуется, при наборе путает цифры и, как всякий неуверенный в себе человек, ругает бестолковую технику. Очередь терпеливо ждет. Наконец деньги получены, многие облегченно вздыхают, и тут дедок достает еще одну пластиковую карточку...

Из банка я выхожу взмыленный: вентиляции в вестибюле нет и духота такая, что рубашка прилипла к мокрой спине. Но прежде чем отправиться на оптовку, заглядываю в рыбацкий магазин, приобретаю пару виброхвостов и четыре маленьких карабина — впрок.

Оптовка — это много мелких павильончиков под одной крышей. В двух я затариваюсь: триста грамм сливочного масла, килограмм яблок.

На выходе из оптовки останавливает звонок мобильного:

— Купи желатина три пачки для консервирования и перца — горошком.

Возвращаюсь в один из павильонов.

— Перец только душистый, — предупреждает крупная продавщица в фирменном халате. За прилавком тесно, и она трется об него животом.

У меня появляются сомнения.

— А он для консервирования годится?

— Конечно! Почему бы он не годился?

Дома весь стол на кухне заставлен банками с разрезанными помидорами. В кастрюле на конфорке булькает то, чем их начнут заливать.

— Про желатин не забыл?

— Нет.

— Перец взял?

— И о перце не забыл.

Переодеваюсь и иду в огород. Из двух леек начинаю поливать помидоры в теплице. Купленный в начале июня чудо-шланг, который при заполнении водой должен удлиняться, уже через месяц дал течь сразу в нескольких местах. Так что приходится, как и раньше, браться за лейки. Главное — есть из-за чего: вон сколько плодов на кустах краснеет! Бегаю до крана, что выведен из подполья на улицу, наполняю лейки — и обратно. Работа не в тягость. В августе и сентябре мы объедаемся свежими помидорами. Тот, кто выращивал их сам, знает: свои помидоры не идут ни в какое сравнение с магазинными. Свои — мясистые, без всякой химии, надкусишь — так и тают во рту.

А тут Варя недавно обмолвилась, что одна нянечка в детском саду рассказала ей, как делать из помидоров томатный сок. Надо попробовать.

— Боря, — зовет Варя, выглянув в огород. — Боря!

И лицо, и голос у нее при этом... Я понимаю: произошло что-то нехорошее.

— Боря, иди сюда... Тошка умерла.

Вот тебе раз!

Бросаю лейки и бегу во двор. В закутке между баней и стайкой, возле угольного ящика, раскинув передние лапы, словно пытаюсь уцепиться за доски настила, лежит рыжая Тошка.

— Я случайно сюда заглянула и нашла.

Мы, подавленные, стоим над ней.

— В чем причина? — пытаюсь понять я. — Вроде и не болела.

— Не знаю. Я еще три дня назад заметила: она какая-то вялая.

А потом — исчезла.

— Говорят, кошки предчувствуют смерть. И уходят.

— Ведь не старая еще. Сколько ей, лет шесть?

— Ну да.

Я с лопатой иду на улицу. Здесь, между изгородью и толстой березой, места как раз достаточно. Копаю яму, но корни дерева мешают. Кое-как делаю углубление. Затем возвращаюсь во двор, беру несколько старых газет и заворачиваю в них окоченевшее тельце. Лапы так и остаются раскинутыми. Живот непомерно большой.

Я укладываю Тошку в ямку, присыпаю землей и прихлопываю сверху. А неродившихся котят она похоронила в себе. У каждой жизни свой срок — и у людей, и у животных. Еще раз оглядываю крошечную могилу. Пусть душа нашей любимицы бродит рядом с домом.

Чтобы отвлечься от унылых мыслей, возвращаюсь к помидорам. Я поливаю их раз в неделю, но основательно, помидоры требуют много воды. И я лью ее столько, что почва вокруг корней превращается в грязь. Настроение, однако, совсем не то, с каким я взялся за поливку: смерть Тошки не выходит из головы.

Меня любят коты и кошки. Может, они думают, что я их породы? В те часы, которые я просиживал за компьютером, им нравилось уstraиваться у меня на коленях. И Тошке, и Тимке — он был до нее. Котов и кошек у нас в разное время проживало несколько. Одних я помню, других не очень, а иные забылись напрочь. Но удивительно: ни одно из этих существ не доставляло хлопот в последние свои дни. Ни одно! Предчувствуя кончину, они уходили, прятались от людских глаз. Что это — деликатность? Однако есть ли у кошек такое понятие, как деликатность? Я не знаю ответа.

— Иди обедать! — кричит Варя.

Захожу в дом. Готовые банки с помидорами составлены в углу вниз крышками.

Пролетает еще одна неделя.

Веремеев выкопал картошку, и, похоже, в воскресенье я смогу опробовать виброхвосты. В субботу я все приготовил. Однако вечером звонок на мобильник: Потапыч.

— Значит, так: рыбалка на завтра отменяется.

Опять сюрприз!

— Почему?

— Веремееву надо внучку с утра в Кемерово отвезти. Дочь хотела сама забрать, но не сможет.

— А в другой день отвезти нельзя?

— Нет. Приспичило именно в воскресенье!

С досады выпиваю две кружки приготовленной для поездки минералки.

Мы с Варей вспоминаем Тошку.

— Съела что-нибудь, — делюсь догадкой.

— Скорей всего, один из котят в животе умер и началось общее отравление.

— Котенок-убийца, — бормочу я. — Трудно было предположить.

Спать укладываюсь рано. Жена выстукивает недельные планы на компьютере.

В воскресенье Варя собирается к десяти часам на платный урок к преподавательнице английского. Один час — триста рублей. Русская теща хочет напрямую поговорить с зятем. Догадываюсь, что она выскажет ему про суррогатное материнство своей Полинки. Одно плохо: усвоение чужого языка — дело непростое, и не все получится передать словами далекому американцу.

После английского она заглянет к подруге Татьяне — та недавно вернулась из Краснодарского края, в первый раз там побывала. Сын с невесткой и двумя ребяташками в прошлом году перебрались поближе к морю и фруктам, и Татьяна ездила посмотреть, как они устроились.

— Может, и ты со мной?

— Нет уж, общайтесь одни.

Чего я им мешать буду?

Супруга уходит, а я заваливаюсь на диван, устраиваюсь поудобней и раскрываю «Мертвые души». Гоголь для меня — самый дорогой писатель!

Сколько после этой поэмы появилось книг о России — не счесть. Но лучше, чем у Гоголя, ни у кого не сказано. Тысячу раз перечитывал. И не только характеры увлекают, не только огромные просторы, которые явственно ощущаются на страницах великой книги, а еще и дорога — как ее понимает Гоголь. Есть в его рассуждениях о дороге манящая, цепляющая за сердце тоска по тому, что ожидает впереди. В этой тоске — и разочарование, и надежды. Все сразу. Трясется, катит в коляске Чичиков. Грязь, ухабы, жиденькая растительность по обочинам. Глядеть вроде не на что, однако же — глаз бы не отрывал! Знал наш классик толк в дороге!

Вот и я в былые годы собирался в путь легко и быстро. Меня тоже увлекала дорога. И чем на большее расстояние рассчитывал отправиться, тем лучше. А чтобы добавить пространствам изюминки и остроты, нередко менял километры на мили. Только люди, не бывавшие в морях, полагают, что там сплошное однообразие: вода и вода. Вроде как дороги у Гоголя — грязь и ухабы. Наивные люди! Пусть они попробуют доказать это кому-нибудь, кто ходил на промысел на рыболовецких судах, — такой человек лишь рассмеется от подобной глупости! На воду тоже можно смотреть часами. Охотское море, Японское море... И потом, каждое траление всегда загадка: а ну-ка, ну-ка — сколько на этот раз поднимем рыбы? А уж если донным тралом пройти по грунту, тут и вовсе глаза разбежались — из расшворенного кутца² шлепались на палубу камбала, треска, крабы, палтус, креветки... Чего только не было!

Работа в море — самый яркий кусок моей жизни...

А затем возвращение через полстраны в родной город. И несколько непростых лет на стекольном заводе. Он в лихие времена умирал на моих глазах.

² Кутец — рыболовецкая сеть в виде мешка.

И вот уже шестнадцать годков я на Водоканале.

Я пришел сюда с испутившего дух завода. Пришел, когда Водоканал был в самой силе, когда устроиться в его штат было не легче, чем поступить в престижный институт.

Такое чудо среди общего развала имело объяснение: директор, мужичок-кулачок, сам досконально знал производство и сумел подобрать толковых специалистов. В середине девяностых он за долги тех, кто потреблял воду, натащил на базу уйму техники, не вкладывая своих ни копейки. Глядя на машинный парк Водоканала, директора других предприятий чернели от зависти! Работы выполнялось много, зарплату поднимали дважды в год, люди за место держались будь здоров! Взаимодействие между службами было отлажено, как в идеальном механизме. И это при том, что директор — «генерал», как его называли, — не мог грамотно вывести на бумаге двух слов подряд.

Но долгое руководство одним предприятием развращает. Началась путаница между карманами — своим и Водоканала. С каждым годом «генеральские» аппетиты росли. Помощники тоже не терялись. Напрасно он считал себя несменяемым и износоустойчивым. Подкараулив нужный момент, его выкинуло ближнее окружение: они хапали меньше, а хотели больше. А их, нерасчетливых мелких грызунов, тут же подмяли под себя настоящие волки. Когда «генерал» сидел в своем кабинете, эти волки только крутились поблизости, но с его исчезновением — обстрипали все на раз-два.

Как за короткий срок можно развалить крепкое предприятие, мне объяснять теперь не надо. Начались массовые сокращения, распродажа техники. Покатилась вниз дисциплина, специалисты разбежались.

Я один из немногих, переживших величие и закат конторы. Мне жаль сегодня тех, кто приходит к нам устраиваться. Все равно что матросами на тонущее суденышко. Но вариантов в нашем городке негусто. Теперешние хозяева наперебой досасывают из Водоканала последние соки. Спецдежды наши работники не видели уже шесть лет, а также мыла, порошка для стирки и много чего еще. Экзамены по охране труда я провожу формально. Цинично пытаться людей на предмет того, что им положено иметь и чего они не имеют. Благо, что производство у нас не очень опасное: за шестнадцать лет моей работы — три или четыре мелких травмы (тьфу-тьфу-тьфу!).

Жадность сегодняшних боссов такова, что бывший «генерал» со своими замашками выглядит щенком. А запахнет жареным — тогда местного разлива капиталисты попросту свалят отсюда. Известно даже куда: в Болгарию, там у них и недвижимость прикуплена. В будущем эти «хозяева» сделаются добропорядочными европейскими гражданами, начнут исправно платить налоги, а дети их получают отличное образование. И если новые европейцы когда-нибудь вспомнят о своем городе, о разбитом производстве, то не иначе как с брезгливостью. В одной журнальной статейке я вычитал, что человек, как правило, презирает тех, кого обобрал. Я бы тоже, наверно, презирал, если бы умел хапать.

Ну ладно, эти — откровенные жулики. А чиновники наши — они лучше, что ли? Ничуть не бывало! Это она, чиновничья рать, создает многочисленные препоны тем, кто еще продолжает работать. Это под ее аппетиты вынуждены подстраиваться все остальные.

Бумаги, бумаги, тонны бумаг с печатями и подписями, каждая цену имеет. Преодолеть бюрократию можно только «дав», «заплатив», «подмазав». Меня смущает рассуждение, что приписывают Гоголю, о дураках (по поводу дорог все верно), потому что я за свою жизнь никогда не встречал ни одного, даже самого мелкого, самого ничтожного чиновника, который «надурил» бы себе во вред — все только на пользу. Какая-то сомнительная дурость получается.

Хотя, может, я и сгущаю? Россия большая, может, в других местах по-другому? Пусть тогда мои умствования относятся исключительно к одному городу и к одному Водоканалу, на котором работаю...

И тут я обнаруживаю, что уже давно не слежу за текстом. Что едет Чичиков по России без меня, а я в мыслях — не понять где. Эк меня занесло! Далеко заводят дороги, раскинутые Николаем Васильевичем!

Поднимаюсь с дивана и иду топить баню. Ведрами натаскиваю воды, забиваю дровами топку. Железная печка раскаляется, огонь гудит. Жена приходит домой, когда баня почти готова. Варя в хорошем настроении, глаза блестят.

— Татьяна винца от сына привезла. Ихнего, домашнего. Ну так мы его и распробовали!

— И как?

— Хорошо, но мало.

Напевая, Варя включает конфорки, водружает на них две кастрюли и начинает готовить ужин.

— Как она съездила, что там у Никиты?

— Там все замечательно!

И Варя подробно рассказывает о доме в небольшом уютном поселке, о яблонях в саду и о том, что море всего в четырех километрах.

— Никита настаивает, чтобы мать к нему совсем переехала.

— А что Татьяна?

— Пока раздумывает.

Первым мыться иду я. Когда-то без веника не обходился. Бывало, так напарисься, что пот, как горох, с тебя скатывается. Сейчас — нет, опасаюсь за сердце.

День клонится к вечеру, вот и время ужина подоспело.

— Грибной суп и картошка с мясом, — объявляет супруга.

О-па! Я ожидал другого.

— Я суп не буду.

— Почему?

— Не хочу. Я жареных грибов поел бы.

— Ну знаешь, отдельно для тебя готовить не собираюсь!

— Не готовь. Никто и не просит.

Жена демонстративно, до краев, наполняет свою тарелку супом. Я накладываю себе картошки, наливаю в кружку кефира. Ужинаем молча.

После ужина я в комнате включаю телевизор и сажусь на диван. Жена на кухне моет посуду. Через некоторое время входит, устраивается в кресле. Мы по-прежнему не разговариваем. Наконец она произносит:

— У Татьяны кошка скоро должна окотиться. Я сказала, чтобы для нас одного оставили.

И я понимаю, что паршивое настроение у меня не столько из-за сорвавшейся опять рыбалки, сколько из-за Тошки.

— Согласен. Но надо взять мальчика.

— Почему?

— Надоело котят топить. Не по мне это.

— Коты мышей не ловят.

— И не надо. Куплю пару мышеловок.

— Зачем тогда кот?

— Чтобы было с кем поговорить.

Жена дуется. Мы опять молча сидим перед телевизором.

— Ты завтра с утра? — спрашиваю я.

— С обеда, — сухо отвечает она. — Пойдешь на дежурку — разбуди, мне еще планы дописывать надо.

Варя поднимается и уходит в маленькую комнату. Вскоре я слышу, как она начинает бубнить незнакомые слова. Мне, что ли, начать учить английский? Может, на нем мы лучше пойдем друг друга?

Такие вот пироги. Я уже давно догадался, как остывают чувства. Это когда даже ссоры становятся вялыми.

Утром во время умывания обнаруживаю на правом ухе, сверху, пару темных волосков. Выдергиваю пинцетом. Не то чтобы очень слежу за внешностью, но терпеть не могу, когда на ушах вырастают волосы.

Свераясь с письмом из пенсионного фонда, собираю документы в пакет.

В дежурке Толик рассказывает:

— А я ведь вчера с другом на рыбалке был. На Яе. Понесли нас черти аж за Медведчиково, к мосту.

— Это ж сколько километров от города? — спрашивает Сергей.

— Почти шестьдесят.

— И как?

— Да-а... Время только зря ухлопали. За весь день десятка полтора придурочных ельцов зацепилось. Давление в атмосфере, наверно, туда-сюда бегало, а им это надо? На обратном пути у обочины тормознули — решили грибов набрать. И тут облом: пара гнилых волнушек, и ничего больше.

— Надо было дальше в лес проехать, возле дорог уже все вытоптано, — подсказывает Сергей.

Вот оно как! А все-таки жаль, что вчера у нас сорвалась рыбалка. Другого случая в этом году может и не представиться...

В кабинете первым делом берусь за протокол с экзаменов на очистных. Прошедшая неделя была заполнена поездками, беготней, и я

откладывал. Надо набрать протокол на компьютере и распечатать. Возжусь до обеда.

На полчаса меня отрывает Потапыч. Он появляется в кабинете, подвигает стул к моему столу и садится.

— А! — говорю. — Рыболов! Ты откуда?

— Из поликлиники. На укол ходил.

— Чай будешь?

— А кофе есть?

— Есть. В шкафчике.

Потапыч на четыре года старше меня. До апреля работал у нас начальником участка. Про него и сейчас говорят «башковитый». На любом предприятии люди различаются по способностям, есть среди них умельцы, на которых в основном дело держится. Потапыч из таких. Самые сложные задания поручали ему, все знали: выполнит в лучшем виде, не подведет. У него и народ на участке был под стать: спецы, один к одному, хоть и пенсионеры. А весной сократили. Всех. Потапыч не хотел уходить, соглашался остаться даже рабочим в бригаде. Но и в этом отказали. А теперь те, кто его увольнял, нисколько не стыдятся, обращаются к нему за советами.

— Чем в выходные занимался?

— Ничем. — Он потягивает кофе. — С пятого этажа выглядывал да два раза выходил гулять.

— Правильно. Это самые важные занятия для пенсионера. А еще — диван давить!

Он вдруг взрывается:

— Купил бы ты машину! Ездили бы на рыбалку и ни от кого не зависели!

О-па! Мало мне упреков жены.

— А сам почему не купишь?

— Я к машинам равнодушный.

— Вот и я такой.

Он так же неожиданно сникает и молча отхлебывает кофе.

Интересуюсь:

— Картошку на поле копать собираешься?

— Скоро начну.

— Дочки-то приедут помогать?

— Куда там! Одному придется. Моя к ним вчера отправилась — обе-ды готовить. Они, видишь ли, не успевают.

У Потапыча две дочери, сорока и тридцати четырех лет. Обе давно обосновались в Кемерове. Старшая — главный бухгалтер в крупной фирме, вторая — преподаватель в университете. Купили в складчину трехкомнатную квартиру, живут вдвоем. Обе никогда не были замужем, детей нет. Потапыч внуков уже не ждет.

В обед кипятком заливаю лапшу в пластиковой коробке. Название забавляет: «бизнес-ланч». Пытаюсь представить, как два бизнесмена, заключив сделку миллионов этак на несколько, затем жрут из мисок это варево.

После обеда поднимаюсь на второй этаж — там у нас ксерокс — и снимаю копии с документов. Вот военный билет, где я, двадцатидвухлетний, на маленькой фотокарточке, волосы до плеч — как только вклеили откровенно пижонский снимок в строгую книжницу? Вот трудовая книжка. Здесь прежде всего сердцу дороги записи, связанные с Владивостоком, — от инженера Дальтехрыбпрома до инженера-конструктора первой категории в секторе распорных средств отдела траловых орудий лова НПО промысловства. Вычерчивание траловых досок на ватмане, командировки на промысловых судах в море. И — траления, траления... Есть вопрос, на который последние двадцать восемь лет я никак не могу дать однозначного ответа: правильно ли поступил, что вернулся в Асинск? Иногда мне кажется, что это было самое лучшее решение, иногда думаю, что попросту закопал себя здесь. Теперь, однако, такие мысли приходят все реже. Жизнь заново не переиграешь. Завтра постараюсь вырваться в пенсионный фонд.

В третьем часу, как обычно, открывается дверь и входит уборщица Надежда Петровна со шваброй в руках. У нас в конторе порядок наводят две уборщицы, обе пенсионерки. Варя устает от работы с ребятишками, мечтает устроиться уборщицей. Но эти должности сейчас престижны. На несколько минут оставляю кабинет и из коридора слушаю, как Надежда Петровна делится со мной, что на следующей неделе уходит в отпуск. А отпуск ей нужен для того, чтобы спокойно выкопать картошку и наготовить банок с помидорами и лечо.

— Помидоры у меня нынче — страсть какие хорошие! — чуть ли не поет она. — А вот огурцы хуже. Прямо не знаю, что с ними: погода стоит, а они — сохнут...

Вечером, после дежурки, вспоминаю, что мы с женой не разговариваем, и иду домой с тяжелым сердцем. Не могу я ссориться, процедура замирения потом — для меня мучительна. И ведь из-за чего повздорили — попробуй объясни. Не из-за грибов же, в самом деле. Что мне эти жареные грибы, мог бы и грибного супа поесть. Просто накопилось разное.

Гоню от себя мрачные мысли.

Варя появится только в половине восьмого, у меня два часа в запасе. Надо что-нибудь придумать, найти какие-нибудь извинительные слова.

Поднимаюсь на крыльцо, открываю дверь ключом и через веранду, разувшись, попадаю на кухню.

И, войдя, замираю от неожиданности.

Что это? Ни с чем не сравнимый запах жареных грибов! Волнующий, моментально узнаваемый запах! Да вот же они — на конфорке.

Но и это не все! Варя приготовила их не в новой тефлоновой сковородке, а в *той самой*, хотя мы ею давно не пользуемся. Эта старая сковорода много лет хранится в крытом дворе на одной из полок шкафа среди прочей утвари, почти вышедшей из употребления.

Я, переодевшись и умыв руки, торопливо собираю ужин. Включаю кофейник, нарезаю хлеб. Подогретую сковородку с грибами ставлю на стол.

А память торопится в прошлое.

После школы мы с другом, две безрассудные головы, упорхнули на самолете за тридевять земель поступать на престижную специальность. Город, избранный нами, карабкался вверх на сопки, а у подножия ворочалось Японское море. К причалам боками прижимались суда, над ними с воплями носились чайки. Ветер, налетавший на берег, приносил волнующий запах водорослей и неведомых стран. В понятиях моей матушки этот восточный город был настолько далек, что невозможно представить. Она очень надеялась, что на экзаменах мне поставят двойку и я вернусь обратно. Приемная комиссия судила строго. Я прошел жесткий отбор, когда из десяти человек принимали только одного. И был зачислен на первый курс! И весь мир тут же лег у моих ног: он прямо жаждал служить новому победителю!

Но пока я был сильно занят. Страшно занят. Мне было не до того, чтобы наклониться и поднять его. У меня за каких-нибудь пару недель появилась масса друзей. Пирушки, споры, изучение новых мест — все это не оставляло свободного времени. А еще куда важнее оказалось в субботу вечером скатиться в нижний холл общаги, где с девяти часов начинались танцульки, и потискать при выключенном свете очередную девочку. Так что мир мог и подождать.

И вот после первой, зимней сессии я прилетел на каникулы. Добрался до дома поздним вечером и после сумбурной встречи с охами и восклицаниями матушки, со сдержанными вопросами отца завалился спать. А утром, когда проснулся, услышал, что на кухне на плите что-то скворчит и по дому разносится волнующий запах жареных грибов. Первым делом решил: померещилось, галлюцинация. Но — нет. Матушка, моя добрая матушка! Она осенью отварила и закатала в банки грибы, и они хранились в подполье до моего приезда. Была первая половина февраля, за окном кувыркалась метель, а меня на завтрак ждали опять. И я, подвинув большую чугунную сковородку, уплетал их за обе щеки. Тогда я думал, что это — так, маленький приятный эпизод, который быстро забудется. Однако ошибся. Ничто из того, что согревает душу, пусть это и было много лет назад, не забывается...

Варя сказала однажды по какому-то поводу: даже когда ничего уже нет, все равно что-то да остается.

А пока я, склонившись над сковородой, подцепляю на вилку жареные опять и неторопливо жую, мысли понемногу возвращаются в сегодняшшний день. Я думаю о том, что осень — вот она, что скоро начну приходить с работы в сумерках, снова топить печку и следить за тем, как на землю падает снег.

Но сейчас еще тепло. Лето не успело далеко отодвинуться. Оно в целом было неплохое. Я полагаю, через неделю можно копать картошку.

Виктор ОТКИДЫЧЕВ

ЭТО КАК ПОСМОТРЕТЬ...

Бывальщины

Сморгонский студент

Говорят, что в белорусском городе Сморгони была когда-то единственная на всю Российской империю школа по обучению медведей цирковому искусству — «Сморгонская медвежья академия». Отсюда, мол, и взялось выражение «сморгонский студент». Так впоследствии именовали с трудом обучаемых школяров, что никоим образом не умаляло достоинств медведей.

Случай, о котором пойдет речь, произошел с ученым медведем тоже на белорусской земле, вскоре после войны. Страна только начала заживать страшные раны, народ устал от боли и горя, и поэтому артистов любых мастей в городах и весях принимали на ура. Они помогали забыть ужасы войны.

Передвижной цирк держал путь из одного городишка в другой. Гвоздем программы этого цирка был номер, в котором медведь изображал свинопаса и при помощи огромной бутафорской дубины загонял хрюшек якобы в хлев.

То ли запах медоносных луговых трав, то ли еще что настроило косолапого на лирический лад, и на одном из привалов медведь дал тягу. И не успел он далеко убежать, как — надо же, повезло! — по дороге ему попалась пасека деда Стася. Мишка в считанные минуты разворотил несколько ульев, но меда в них не оказалось: пасечник только что выкачал его и подвесил в кадке на дерево. Косолапый унюхал дедову схоронку и вознамерился на это дерево забраться. Увидев злоумышленника, дед Стась не растерялся, схватил ружье, заряженное крупной солью для отпугивания желающих полакомиться медком деревенских пацанов, и пальнул из двух стволов по непрошеному гостю.

Медведь взревел, скорее от испуга, чем от боли, и бросился наутек. Удирать пришлось через владения местного священника. На беду,

именно в это время попадья пыталась загнать свинью с поросятами в хлев. В косолапом сразу же проснулся артист: схватив огромную оглоблю, сморгонский студент бросился исполнять свой коронный номер — загонять свиней.

Взору местных жителей предстала такая картина: по васильковому полю со стороны церкви в деревню на раздутых юбках-парусах с истошным визгом неслась попадья, за нею, с таким же визгом, — вся ее свиная рать, а за ними, с огромной оглоблей в лапах, — медведь!

Подоспевшие артисты цирка утомнили своего «коллегу» и продолжили путь, пригласив жителей деревни, которые помогали им укрощать разошедшегося топтыгина, на представление в ближайший городок.

На следующий день во время циркового представления зрители с недоумением смотрели на группу людей, явно односельчан, которые при исполнении медведем номера «Косолапый свинопас» хохотали до истерики и выкрикивали: «Попадья! Попадья не хватает!»

Пророчество бабушки Каси

Эта история произошла в августе 1975 года в белорусской деревне Счасновичи. Заканчивался наш с женой медовый месяц, и по пути из Кавминвод в Ленинград, где я учился в военной академии, мы завернули на родину моей молодой супруги. По такому случаю ее родители закатали повторный свадебный пир — с пожеланиями лучшей жизни и криками «Горько!».

Дом был полон гостей. Основную массу приглашенных я видел впервые и, выйдя во двор перекурить, присоединился к группе молодых парней, где тон задавал Миша, старший брат моей жены, — с ним я познакомился утром, в Барановичах. Миша служил прапорщиком в военном оркестре. Он, по рассказам жены, с детства был юморист, а уж на «свадебном» пиру буквально из штанов выпрыгивал, чтобы быть центром внимания. Шутки сыпались из него, как из рога изобилия.

И тут в поле зрения Миши попала его родная бабушка, которая только что вернулась из церкви после обедни. Бабушке Касе лет было уже за сотню, но свой возраст она довольно наивно скрывала. Внучек Миша сразу взял быка за рога:

— Баба Кася, а сколько же тебе лет?

— Да, Мишенька, внучек, еще, поди, и восьмидесяти нету.

— Как нету восьмидесяти? Да деду Илье, когда он помер, было за восемьдесят, а он-то был на десяток лет моложе тебя, да и помер уже давненько!

— Да не знаю я, Мишенька, внучек, эти года, метрики-то остались в Польше еще до войны, когда нас назад в Россию забрали.

— А что еще осталось в Польше? — наседал Миша.

— Да все, Мишенька: и хозяйство, и деньги...

— А деньги, бабуль, поди, в кубышке закопала?

— Да нет, внучек, в польском банке остались.

— И много там осталось? — допытывался дотошный внук.

— Да не помню уже, это ж еще приданое мое, где-то сто или двести золотых царских червонцев!

Внучку Мишеньке как будто горячий утюг пониже спины приложили, он буквально взвился.

— Баб Кась, так это ж, — он даже поперхнулся от возбуждения, — это ж какая куча золотища! Это где же ты столько взяла его?

— Так мы ж до революции очень богато жили, наш дом был самый большой в округе. У нас на постое стоял царь, когда на маневрах был.

— Это какой царь, Николай Второй? — Миша, как всякий военный, даже если он и музыкант, любил штабную точность.

— Да нет, Александр, я ж ему в девушках еще прислуживала!

— Постой, постой, баба Кася, «царю Александру», «на маневрах», «в девушках»... Это ж сколько тебе лет тогда получается? — не унимался внучек, возвращаясь к началу разговора.

— Так я ж тебе и говорю, все в метриках было написано, а метрики в костеле остались!

Мише как масла на раскаленную сковородку плеснули:

— Баба Кася, я что-то не пойму, какому богу ты молишься? Когда вы были под Польшей — ты в костел ходила. А сейчас в церкви молишься?

— Мишенька, внучек, так Бог ведь один, что в костеле, что в церкви!

И тут Миша, выпятив грудь, важно заявил:

— Нет, бабуля, у нас другой бог! У нас бог — Ленин!

Надо напомнить, что происходило это в далеком семьдесят пятом году, и Миша не кривил душой — имя Ленина было святым и никто, даже великая прорицательница Ванга, не предрекал, что лик вождя пролетариата когда-либо померкнет.

— Нет, Мишенька, внучек, Ленин у вас не бог еще. Вы его еще сбросите на землю, топтать будете и плевать, а потом поднимете, очистите, и вот тогда он станет богом!..

Первая часть пророчества бабушки Каси, урожденной панны Василевской, сбылась, осталось дожидаться, когда же сбудется вторая часть пророчества...

«Взятие Кенигсберга»

— Николаич, давай бери посуду, обмыть такое дело не грех. — Руслан со знанием дела плеснул по стаканам.

— Что, престольный праздник? — спросил Николай Николаевич, пожилой коллега Руслана.

— Ну, престольный не престольный, а объект-то сдали!

— Видишь ли, я сейчас только по престольным, только по соточке и только коньячок!

— А я что наливаю? «Кенигсберг», пять звездочек, недурной напиток!

— Ну, я напиток с таким названием лет пятьдесят, если не больше, назад пробовал!

— Да ну, тогда такого коньяка и в помине не было!

— Да это, мой дорогой, как посмотреть, как посмотреть!

— Микола, ты что там вошкаешься? Башка раскаливается после вчерашнего, день проходит зря, а сколько их, таких дней, осталось? Не успеешь оглянуться — в армию загребут, там не опохмелишься! — разразился тирадой словоохотливый Василь, умеющий найти выход из любой ситуации.

— У нас конкретное предложение, — вклинился Петро, второй из неразлучной тройцы драчунов и дебоширов — компании, без которой ни одна каша в деревне не сварится. — По «рыжему» — и к бабе Березе!

«Рыжими» в то время называли рублевые купюры за их цвет.

— Где ты только этих «рыжих» возьмешь? Праздник вывернул карманы у всех, — резонно заметил Николай.

— Да дома каждому хорошенько пошукать, глядишь — и найдется что-нибудь! Давай, Микола, с тебя начнем, твоя хата рядом, — предложил Василь.

— Да кто ж против?

Осмотр хаты должного результата не принес: «рыжие» нигде не валялись и ими, как показалось Николаю, даже и не пахло в родной избе. Парень потянул с полочки шкатулку с отцовскими наградами — отец войну закончил в звании старшины и в должности командира взвода разведки в Кенигсберге, — вытряхнул содержимое старого кисета. По столу покатились, отсоединившись от орденской планки, медаль серебристого цвета. Николай взял медаль. «За взятие Кенигсберга».

— Ты смотри! Если ей спилить ушко, то вылитый рубль юбилейный получится!

Разухабистая компания эту идею приняла на ура, и уже через несколько минут медаль «За взятие Кенигсберга» от юбилейного рубля мог отличить только человек с очень хорошим зрением и знанием истории. Баба же Береза (Береза — кличка, с детских лет накрепко прилипшая к бабке, чье настоящее имя никто уже толком и не помнил, но чье мастерство в области самоговарения ценила вся деревня) такими качествами не обладала, да к тому же в свои восемьдесят с копейками видела неважно, пусть и в очках. Поэтому друзья в успехе операции, которую они окрестили «Взятие Кенигсберга», были уверены абсолютно.

Войдя во двор бабы Березы, Петро крикнул:

— Есть кто живой?

Дверь сарая скрипнула, и из нее высунулась бабкина голова:

— Чево хотели-то?

— Да бутылочку самогоночки, бабуль, — ответил Николай.

— Рупь бутылочка стоит!

— Да какой разговор, — непринужденно изрек Николай и, вытащив из кармана обработанную медаль, протянул ее бабке.

- А ет што за рупь?
- Юбилейный, баба Береза!

Надо сказать, что юбилейные рубли появились в Союзе только год назад, в ознаменование двадцатилетия Победы. Было их несколько разновидностей, и потому подслеповатая баба Береза подвоха не заметила. Заполучив бутылочку самогона, друзья в тот же миг упорхнули.

Под восторженные реплики об удачно проведенной операции «Взятие Кенигсберга» бутылка была мгновенно осушена. Это только раззадорило молодых повес. Решено было продолжить начатое дело.

Василь с Петром, обшарив домашние укромные уголки, внесли в общую копилку еще пару-тройку рублей, и веселая компания ввалилась в магазинчик. Хватило на две бутылки дешевого вина и несколько карAMEЛЕК. Пристроившись за столиком в дальнем углу магазинчика, троица возобновила шумное празднование успешного завершения операции.

В это время дверь со скрипом отворилась и в магазин вошла баба Береза.

— С праздниками прошедшими, бабуля! — добродушно поздоровалась продавщица. — Вы что-то купить хотели?

- Да вот, Настенька, сахарку дай мне на рупь.

Бабка протянула продавщице заработанную несколькими часами ранее монету.

- Баба Береза, а что это за денежка?

- Да это ж рупь юбилейнай!

— Какой «рупь», баба Береза! Это медаль, «За взятие Кенигсберга» называется. Откуда она у тебя?

— Да ребята расплатились, — бабка повернула голову, — да вот эти же ребята и расплатились ею со мной!

Парни, которых уже солидно развезло, запоздало сообразили, что дело швах, и рванули на выход, но баба Береза оказалась у двери быстрее хмельной компании. Схватив стоявшую у печки кочергу, бабка с лихостью заправского рубаки так отходила ею по чему ни попадя троицу, дружно застрявшую в дверях, что на улицу парни вывалились как после настоящего штурма крепости!..

На зализывание ран ушла оставшаяся часть так удачно начавшегося дня, и, еле волоча ноги, любители острых ощущений разбрелись по домам.

Для Николая это, однако, было еще не концом праздника. Баба Береза уже успела посетить его родителей и донести до их ушей «вести с фронта», попутно обменяв медаль на полноценный рубль, так что непутевого отпрыска ожидала увесистая оплеуха с сопроводительным резюме: «Это тебе за взятие Кенигсберга!»

— Вот такой «Кенигсберг», Руслан, я пробовал! Отменный коньячок! На всю жизнь запомнил, — закончил свою историю о волшебном напитке старый мастер.

«Буратино»

Замполит отдельного батальона перевел дух у двери начальника политотдела: «Зачем это я ему понадобился? Вроде бы проколов в батальоне не было последнее время?» Постучал в дверь.

— Войдите!

— Товарищ полковник, старший лейтенант...

— Вольно, вольно, присаживайся, Анатолий Иванович. Не буду тебя пытаться насчет состояния дел, поскольку ты мне понадобился совершенно по другому вопросу. Ты в курсе, что в дивизию на следующей неделе комиссия из Москвы прилетает? Вот, вот, наша задача не только хорошо сдать проверку, но и проявить наше традиционное сибирское гостеприимство. Короче — берешь мой узик, едешь в город на ВИНАП. Водитель — опытный прапорщик, знает, куда ехать. Ты молодой, энергичный, с людьми контакт находишь быстро. На ВИНАПе начали производство пепси-колы, в Союзе только у нас и в Новороссийске делают эту диковинную гадость, в Москве ее не достать, поэтому, я думаю, презент наш очень будет кстати.

— Понял, товарищ полковник!

— Ну тогда вперед!

ВИНАП, так сокращенно назывался новосибирский завод по производству вин, напитков и пива, выпускал большой ассортимент продукции, в том числе и лимонад под названием «Буратино». По иронии судьбы спирт-ректификат, которым снабдил начальник политотдела молодого замполита для налаживания отношений с работниками заводского отдела сбыта, был налит в бутылки из-под «Буратино».

Контакт с нужным отделом был установлен сразу же: девчонки буквально млели от обаятельного и остроумного старшего лейтенанта, но дальше этого дело не продвигалось.

— Да поймите, товарищ старший лейтенант, мы сами пепси по праздникам только и видим! Всё уже на складе, да даже и не на складе, а еще в цехе расписано: что, куда и сколько! Вы попробуйте с начальником цеха поговорить.

С начальником цеха контакт был найден после двух приемов внутрь божественного напитка из бутылочки с этикеткой «Буратино».

— Мужики, я вам честно скажу, я тут не при делах. Моя задача — организация работ, а всем заправляет американец, он и главный технолог, и директор этого производства, только он может пару-тройку ящиков использовать по своему усмотрению. Да, кстати, вот и он идет! Зовут его Джон, он довольно сносно болтает по-русски.

— Давай зови его сюда!

Джон, повернувшись на оклик начальника цеха, с добродушной улыбкой направился в его сторону, однако, увидев рядом с ним двух военных, как-то притормозил. То ли рассказы о Союзе с его «ужасными чекистами» всплыли в памяти американца, то ли у себя на родине он

привык остерегаться военных — во всяком случае, остальную часть пути он проделал по инерции, неуверенной походкой.

Узнав истинную причину обращения к нему, Джон буквально вздохнул с облегчением и проблему решил в считанные секунды, начертав на бумажке резолюцию: «Отпустить со склада столько-то ящиков пепси-колы по оптовой цене».

Начальник цеха отправился оформлять документы, а довольные достигнутым результатом военные любезнейшим образом пригласили Джона в машину — отметить удачно завершённое дело.

Джон, увидев в руках прапорщика бутылку с наклейкой «Буратино», буквально просиял:

— О, «Буратино»!

— Буратино, буратино! Давай, Джон, за дружбу между народами!

Поперхнувшись при первом же глотке, Джон хрипло изрек:

— Это — не «Буратино»!

— Буратино, ещё какой буратино, да ты давай закусывай, а то сам одереveneешь!

Под занавес дружеского застолья изрядно осоловевший американец, рассказав все о своей жене, теще, детях и собаке, сообщил удивленным военным, что пепси-колу он на дух не переносит и пьёт её только из чувства патриотизма, а его любимым напитком является «Буратино», и вся его семья тоже в восторге от этого напитка, и что когда он едет в отпуск в Штаты, то в подарок везет полный чемодан «Буратино»!..

Начальник политотдела, увидев результат вояжа на винзавод, расплылся в улыбке:

— Ну молодец, Анатолий Иванович, оправдал мои надежды! Есть чем удивить гостей! Да ты возьми себе-то несколько бутылок!

— Спасибо, товарищ полковник! Но только с сегодняшнего дня моим любимым напитком стал «Буратино»!

Полковник удивленно поднял брови: «Как это?»

Слегка ерничая, старший лейтенант пояснил:

— А чем я хуже американца?

— Ну, ну! — только и смог вымолвить начальник политотдела.

Считать надо

Генерал был старым служакой. Он прошел весь путь от солдатской шинели до генеральских лампасов сам, без протекций, устав считал основой всей своей жизни и нигде, ни в чем и никогда не давал поблажек себе и своим подчиненным. За долгие годы службы за ним прочно закрепилась репутация солдафона. Генерал крайне отрицательно относился к офицерам, которые по каким-либо причинам пользовались помощью солдат даже в таких случаях, как переезд на новую квартиру или к другому месту службы.

— Сами, сами, товарищи офицеры, собрались, дружно погрузили и отправили! И никаких солдат!

И вот надо же было такому случиться, что Марье Николаевне, жене генерала, надоело на каждый звонок телефона бегать в домашний кабинет мужа, где, кроме нужного ей городского телефона, стояло еще три — другого назначения, ей неведомого да и неинтересного.

— Василий Петрович, ну проведи параллельный телефон в мою спальню, чтобы я могла спокойно говорить по своим делам и не мешать тебе и твоей службе! — неоднократно просила она.

Генерал соглашался, что надо, но, во-первых, уже возраст был не тот, чтобы ползать на карачках с проводами, а во-вторых — он ничегошеньки не соображал в этом деле. То есть для выполнения просьбы супруги надо было хочешь не хочешь привлекать солдата-связиста. Генерал как мог тянул с решением этого вопроса, но перечить домашнему старшине оказался не в силах и в конце концов скрепя сердце дал команду прислать домой специалиста.

Солдатик прибыл незамедлительно. Генерал чувствовал себя не в своей тарелке и пытался как можно скорее покончить с неприятным для него делом:

— Давай, рядовой, быстро сделал — и в казарму!

Из спальни вышла Марья Николаевна. При взгляде на солдатика ее сердце дрогнуло. Он поразительно напомнил ей младшего сына Алексея, когда тот, еще курсантом, приезжал в отчий дом на каникулы, а сейчас и старший, и младший к родителям заглядывали редко: свои семьи, свои заботы, своя служба. А когда она узнала, что солдата зовут Лешей, то совсем растаяла. Видимо, и солдатика Марья Николаевна напомнила о родном доме. Он буквально из кожи лез, чтобы выполнить все ее пожелания. А их было немало:

— Вот здесь проводочки спрятать, вот здесь розеточку установить, выключатель для ночного режима вот сюда, телефончик сюда...

Пока связист работал, генерал нервно ходил по коридору, постоянно заглядывая в спальню жены, и всем своим видом демонстрировал желание побыстрее разделаться с этим безобразием.

Наконец солдатик произнес:

— Всё, работает как часы... — и только приготовился завершить фразу стандартным «Разрешите идти, товарищ генерал?», как вмешалась Марья Николаевна:

— Не всё, Лешенька, мыть руки и на кухню, пить чай!

Генерал чуть не задохнулся от возмущения, но перечить мягкой силе не мог — по-видимому, в домашней иерархии стоял значительно ниже супруги.

Марья Николаевна разлила чай по чашкам. На столе уже красовалась вазочка с печеньем, розеточка с вареньем, конфеты...

Солдатик блаженно тянул чай и то ли в самом деле не замечал желания генерала как можно быстрее выпроводить его из дома, то ли делал вид, что ничего не понимает.

Для генерала подобная ситуация была равносильна панибратству, которого он никогда в отношении начальства, а тем более подчиненных не допускал. Генерал продолжал нервно мерить шагами коридор и, проходя мимо кухни, бросал на «вопиющую» сцену гневные взоры, но это не помогало.

Марья Николаевна постоянно подливала Леше чаек, подробно расспрашивая его о доме, о службе, о планах на будущее...

Наконец Леша, вытерев пот со лба, произнес:

— Спасибо, Мария Николаевна, но мне уже пора!

У генерала будто камень с плеч свалился. «Наконец-то!» И все же он решил напоследок выказать, больше перед женой, свое радушие и гостеприимство:

— Пей, пей! Варенье бери!

— Да спасибо, товарищ генерал! Я уже три чашки выпил!

— Врешь, пять!!!

Солдатика как ветром сдуло!

Считать выпитое никогда не вредно...

«Катюша»

Дверь в комнату общежития со стуком распахнулась.

— Ни хрена себе! Что я вижу? Три холостяка в субботний вечер лежат и смотрят в потолок! Это что за безобразие?

— Володя, это не безобразие, — приподнявшись на кровати, философски изрек Серега, — это разбалансировка между запросами и зарплатой, в результате которой у всех троих, что очень интересно, в бюджете возникла большая прореха, не позволяющая...

— Стоп, стоп, — прервал монолог приятеля Володя, — я хочу поднять вам настроение! Я сегодня проводил семью к теще на лето, и заначка, которую я копил полгода, позволяет мне это сделать! Возражения есть?

Возражений не нашлось, и через несколько минут компания с шумом вывалилась из общаги.

— Так куда? На Невский?

— Ну, Вовик, ты дилетант! — с видом умудренного опытом знатока вечернего Питера заявил Виктор. — В субботу вечером только по великому везению можно попасть в какой-нибудь ресторан на Невском — ведь не думаешь же ты, что весь Питер сегодня сидит на мели?

— Ну и что прикажете делать, милостивый государь?

— А ничего, начинать надо от печки! Первый попавшийся на пути ресторан, затем второй и так далее, в конце концов где-нибудь да сядем. Проверенная тактика!

Первым попавшимся был, естественно, ресторан «Выборгский», в ста метрах от общаги. По словам старожиллов, ресторан этот вместе с одноименной гостиницей построили финны и передали в дар городу с одним условием: в субботу и воскресенье в гостинице и ресторане приоритет отдавать туристам из Финляндии. В ту пору на выходные в Ленинград

сплошным потоком шли туристические автобусы из соседней страны. То ли там был сухой закон, то ли еще что, но финны в субботу и воскресенье надирались по самое не могу, чтобы хватило до следующего вояжа в Питер.

— Нет мест, нет мест, — грудью закрыл вход дюжий швейцар, — все финнами занято!

— Михеич, ты что, родной, добра не помнишь, своих забижаешь? — пошел в наступление Виктор.

— Да я точно говорю, всё забито под завязку!

— Как «всё», — не унимался Виктор, — да я отсюда вижу: вон два каких-то военных за целым столом сидят! Это что за барство в нашем соцгосударстве?

Михеич важно надул щеки:

— Ну ты не сравнивай себя с ними. Вас я как облупленных знаю: напьетесь как поросята и то концерт какой-нибудь устроите, то драку. А это культурная нация, немцы!

— Да ладно тебе, пойдй поговори с камрадами, они еще рады будут с коллегами по оружию посидеть!

В советское время в наших военных академиях обучались офицеры стран Варшавского договора. Эти ребята оказались из ГДР, учились в Академии связи имени Буденного, расположенной в Гражданском районе, который в народе тоже называли ГДР.

— Проходите, только без фокусов, — продолжал важничать Михеич, но он уже был «за кадром».

— Привет, братья по оружию! Эй, гарсон, — ерничал Виктор, — еще парочку стульев!

Окинул взором сервировку стола: возле каждого немца стояло по мизерному графинчику, такой же крохотной рюмочке и по тарелке с жиденькой закуской.

— Да, и накрой побыстрее: парочку-тройку графинов водочки, нарезочку мясную и рыбную. Поесть что-нибудь из готового найдется? Эскалоп? Тащи эскалопы, четыре, нет, лучше шесть: камрады, я вижу, тоже голодные. Да быстренько, что-то аппетит у меня разыгрался!.. Да! Рюмки только нормальные принеси, камрадам тоже! Не спорить со мной, товарищи гауптманы! Никакие отговорки не помогут! Как, кстати, вас зовут? По-русски-то говорим? Ах, уже год здесь учитесь? Фридрих, а вас — Генрих? Просто чудненько, для простоты восприятия — Федя и Гена! Ну, прозит, ребята, за братство по оружию! По полной, по полной!

...Где-то минут через сорок бравые, чисто выбритые и отглаженные гауптманы мирно дремали, уткнувшись лицами в салаты.

— Так, Серега, Вовик, Валера, надо отгрузить камрадов к месту постоянной дислокации!

Подхватив под руки дюжих немцев, компания потащила их к выходу. Михеич отвернулся, сделав вид, что не замечает происходящего.

— Такси, такси! — замахал руками Виктор.

Авто с зеленым огоньком остановилось.

— Дружище, отвезешь этих ребят в ГДР, в общагу Буденновки!

Фридрих в это время сделал попытку заранее рассчитаться. Из его кармана вывалился пухлый бумажник. Таксист покосился на бумажник.

— Да, и не подумай взять копейку с них, — предостерег водителя Виктор. — Вот тебе талон.

Виктор вынул из кармана упаковку с отрывными талонами по пятьдесят копеек для проезда на такси. Эти талоны ему достались совершенно случайно: подарила девушка. Об их существовании он ранее и не догадывался. Рассчитываясь ими, Виктор обратил внимание на реакцию таксистов — те в буквальном смысле слова переходили на армейскую лексику: «так точно», «никак нет», «есть» и так далее. Скорее всего, талоны были привилегией высокопоставленных сотрудников таксомоторного управления. В этот раз история повторилась с точностью до запятой.

— Все понял, доставлю в лучшем виде, можете не сомневаться!

— Счастливо, Федя, счастливо, Гена! Вперед! А нам пора обратно, у нас еще весь вечер впереди!

Проходя мимо Михеича, Виктор не преминул уколоть его:

— Ну что, борода? Кто из нас поросята?

— А пошли вы... Все военные на один манер!

— То-то же, и не смей плохо говорить о советском офицере, разжалуем в дворники! Гарсон! Тащи еще пару лафитничков! А кто у нас тут соседи? Финны? Что, вы знаете меня? Откуда? Ах, две недели назад в «Метрополе» учил вас петь «Катюшу»? Ну тогда, — Виктор залез на стул и взмахнул руками, — запевай!

И из раскрытых окон ресторана во всю мощь легких нескольких десятков финских любителей песни грянула «Катюша».

Владимир БЕРЯЗЕВ

ЧЕРТА ЗАБВЕНЬЯ

Шестилетняя Дора во храме

Черпает воду святую крещенскую
Щедрым ковшом,
Ток изливая — светло и вещественно,
С верой о том,
Что все порожнее духом наполнится
Вплоть до краев...
Льется водица, поет колоколенка,
Сердце поет.

А прихожане идут непрерывною
Цепь-чередой
За неизбывною, за богодивною
Влагой-водой.
Светится девицы лик в озарении
Блага-труда.
Неупиваема чаша дарения —
Жертвой свята.

Ангельский возраст за детство отчалит ли,
Кровь забурлит,
Будет напиток любовей-печалей
В теле разлит.
Женской красою напоена допьяна,
Вспомнишь ли ты
Те непорочного светоподобия
Взоры-черты?

Миг, когда всех одаряла беспошлинно
 Влагой небес,
 Миг, когда образ величия Божьего
 В Слове воскрес,
 Миг, когда с верою святоотеческой
 Став на постой,
 Вдруг возсия над главою младенческой
 Нимб золотой.

Песенка

Пой, золотой мой, и пей, не робей!
 Катит свой шарик жук-скарабей.

Неупиваем омут скорбей.
 Пей со смирением, пой, не робей!

В храме ли Божьем иль средь зыбей
 Позже не сможешь — пой, не робей!

Жребий уж брошен, так не слабей,
 Пей, мой хороший, и пой, не робей!

Что ж, коли после — осот да репей?..
 В тлен-сердцевину осину забей!..

Письмо с передовой

Подступает распутица.
 Всё! — поплыл чернозем.
 То — войне не попутчица,
 А засада во всем.

Фронт погружен по самое
 Ё-моё, не могу.
 Я ж за этой засадою
 Сам себя стерегу.

Сторожу в одиночестве
 Блиндажа тишину.
 Талых вод заморочество
 Окружает войну.

Свечки алое перышко
Треплет дых сквозняка.
А лопатка саперная
Не при деле пока.

Связи нити порушены.
Батарей молчат.
Эсэмэски Марусины
Где-то ищут мой чат.

Смерть прошла по касательной,
Никого не взяла...
Напишу обязательно,
Как позволят дела,

Как уймется распутица,
Как утихнут бои,
Как нахлынут и сбудутся
Эсэмэски твои,

Как проклятое месиво
Станет пашней опять —
В том черемухи месяце,
В белом платье до пят.

* * *

И сядет переплавлять и очищать серебро...
Книга Пророка Малахии

— *А как вы определяете момент, когда металл достиг нужной чистоты?*
— *О, это просто. Как только я вижу в нем свое отражение.*

Из притчи

Мой друг, художник по металлу,
Позвал меня, сказав: «Добро,
Придешь, мы в тигле поначалу
С тобой очистим серебро.
А там помыслим: крест ли, перстень
Отлить на радость и красу.
Ты сочинишь сонет иль песню,
Храня созвучье на весу».

Я — в мастерской. В горниле жара
Уже оплыл серебряный лом,
Уже, родная и чужая,
Звень не упомнит о былом.
Вот-вот сольются воедино
Металла старые куски,
Близка плавления середина,
И сроки новые близки...
Сгорают примеси до шлака,
Как накипь страсти и тщеты,
Постичь границу зла и блага
Сквозь полымя дерзаешь ты.
Миг чистоты... В огне нетленном
Есть сокровенное знатьё —
Узреть в расплаве обновленном
Вдруг отражение свое!

P. S.
Не так ли в горне покаянья,
В сем очистительном огне
И правде Божьего сиянья,
Прозрачная — во белом дне —
Как капля на ладони клена,
Душа — зеркальная роса! —
И лучезарно, и влюбленно
В себе являет небеса?!

* * *

А тело летело до самого синего моря,
Не зная Хатыни, не ведая голодомора,

Не ведая пакта от Молотова — Риббентропа,
Не ведая факта о том, что свободна Европа,

О том, что Европа свободна от новых Пришествий,
От милых пришельцев нашествий и от сумасшествий,

Поскольку ещё не родился Мессия из клона
И не осыпаются звезды на нас с небосклона.

А тело летело над Сирией в пламенном свете,
Над медиамиром летело подобно комете,

И рухнуло тело в воронку, что вырыли люди,
И долго горело — кровавым обрубком на блюде,

Чтоб выжгло границы для новых задач и сражений,
Для зон зараженья, для плазменных преобразений.

* * *

Стремглав над самую водою
Мелькают парами стрижи.
А наше счастье молодое
Дрожит над пропастью во ржи.

Стрижи открытым зевом ловят
Туман мошки и комара.
Полету их не прекословят
Холоднокрылые ветра.

По воле воздуха и дара
И мы скользим над гладью вод —
Стрижей возлюбленная пара,
Двух душ стремительный полет.

Уже заря изнемогает,
Уж слышен звон иных высот...
И набегает, набегает
Чертой забвенья — горизонт.

Борис АЛМАЗОВ

ИТАЛЬЯНСКАЯ ФАМИЛИЯ

Судьбоносная встреча

То, что я не забыл этот случай, не удивительно. Это была самая первая награда в моей жизни. Я все помню до мельчайших подробностей, словно это произошло вчера, а ведь было мне тогда всего пять лет.

Мы жили на Ржевке — сорок лет назад это была отдаленная и грязная окраина Ленинграда. С одной стороны нашего четырехэтажного дома — самого высокого дома в округе — тянулся глухой забор военного городка. С другой — были химические заводы, которые выпускали такой вонючий и ядовитый дым, что не только гулять во дворе не хотелось, но даже в нашей огромной коммуналке, где и без того запахов хватало, дышать было нечем.

«Он погибает без воздуха! Он погибает!» — говорила мама моей бабушке. Я не считал, что погибаю, но с удовольствием смотрел, как бабушка надевает панамку, кладет в сумочку два бутерброда и берет старый зонтик с костяной ручкой. Это означало, что мы с ней на целый день отправляемся в замечательные места — в Таврический сад, в Летний сад или совсем за тридевять земель, в ЦПКиО!

В парках я копался со сверстниками в песочнице, бегал по аллеям, а бабушка, сидя на скамеечке, беседовала с такими же старушками в панамках, матерчатых туфлях, длинных юбках и теплых кофточках.

Иногда мы ходили в молочную столовую, где ели простоквашу из пузатеньких баночек. Она мне нравилась, но я стыдился, что бабушка всегда заворачивала недоеденную мною вафлю или коржик в салфетку и брала с собой «на потом».

Но больше всего мы любили слушать военные духовые оркестры, что по праздникам и в воскресные дни играли в раковинах открытых эстрад на Елагином острове. У бабушки в маленькой записной книжечке была выписана программа этих бесплатных концертов на весь месяц, и мы старались не пропустить ни одного. Мы приезжали на трамвае задолго до начала концерта. Усаживались на длинные белые скамейки с литыми боковинами и гнутыми спинками перед разинутой полусферой эстрады. И в предвкушении жадно рассматривали пузатые барабаны, торжественно поблескивающую латунь и серебро духовых инструментов, которые музыканты извлекали из строгих черных футляров. Оркестранты в отутюженных военных мундирах ходили по сцене, двигали пюпитры, перелистывали ноты, негромко переговаривались, иногда пробовали проиграть какую-то фразу из еще не родившейся музыки...

Наконец выходил деловитый подтянутый капельмейстер, и скамейки вспыхивали короткими аплодисментами. Парой чаек взмывали над оркестром его руки в белых перчатках, и сердце мое замирало от восторга. При звуках вальса бабушка чуть заметно покачивала в такт головой, и было легко представить ее молодой красавицей в огромной шляпе с вуалью или совсем юной гимназисткой, кружащейся на серебряных «снегурках» по льду катка. Когда играли марш «Прощание славянки», бабушка плакала, вытирая слезы кружевным платочком. Папа, дядя и дедушка под этот марш уходили на фронт и не вернулись...

Мне очень нравились военные марши. Особенно «Памяти “Варяга”»! Такая музыка рождала во мне твердую уверенность, что я вырасту, непременно стану сильным и смелым, как герои «Варяга», и смогу защитить всех! А мама и бабушка будут мною гордиться!

Когда играли «Сказки венского леса» Штрауса, мне чудились волшебные рощи с кружевной листвой старых деревьев, пугливые олени с добрыми глазами, кони с лебедиными шеями и стаи прекрасных белых птиц, плывущих над осенними полями в голубой вышине. Я воображал чудесные озера с прозрачной водой, гнущийся под ветром камыш, вековые сосны на морском берегу... Все, чего я никогда не видел, только слышал про это по радио да знал по картинкам в книжках.

Как мне хотелось попасть в тот волшебный мир! Музыка на время переносила меня в страну, которая длинно и притягательно называлась «Когда я вырасту большой!»

И вот однажды, когда мы торопились с бабушкой на концерт оркестра Балтийского флота и очень беспокоились, чтобы наше удовольствие не сорвал собиравшийся дождик, у эстрады встретили огромную толпу пионеров. На сцене, вместо обожаемых мною моряков и сверкающих инструментов, стоял накрытый красной скатертью стол. За ним сидели какие-то тетеньки, а с краю — единственный дяденька. Он был одет в странную куртку из какой-то непромокаемой ткани и пупырчатую кепку.

Дядька сидел нахолившись, засунув руки глубоко в карманы коричневых брюк с большими отворотами и покачивая закинутой на ногу ногой в крепком ботинке с круглым носом. Мужчина заметно скучал, глядя куда-то вдаль поверх голов бесновавшихся пионеров. Кажется, он даже что-то насвистывал, сложив длинные губы трубочкой под щеточкой усов.

Тетенька в черном костюме и пионерском галстуке что-то суматошно выкрикивала сорванным голосом. В ответ пионеры с воем вздымали руки, трясли ими в нетерпении, вскакивали с мест, топтали ногами... Гвалт стоял ужасный!

Бабушка, крепко держа меня за руку, подошла к эстраде, чтобы спросить, будет ли концерт. Так я оказался совсем близко от дяденьки в кепке. Сверкая шляпками гвоздей на подошве, его ботинок качался чуть ли не у меня над головой.

Дядька иронично взглянул на меня, как на муравья, с высоты, вдруг насупил и надулся. Я понял, что он дразнится: была у меня такая привычка смотреть исподлобья. Так, чтобы не видела бабушка, я показал ему язык. Человек развеселился. Его круглые, чуть отвислые щеки поехали в стороны, и он мне подмигнул. Подмигивать я умел и не замедлил с ответом. Чтобы произвести впечатление, я скосил глаза к носу и отчаянно надул щеки. Дяденька вытащил руки из карманов и показал, как он восхищен моим искусством. Я загордился!

В этот момент тетенька в красном галстуке повернулась к нам и, поблескивая очками, прокричала:

— А теперь назовите три произведения советских писателей о животных!

При этом она выразительно посмотрела на дяденьку, с которым я перемигивался. Пионеры взвыли. Я подумал и тоже поднял руку.

— Думаем! Думаем хорошенько! — поддавала азарта тетенька.

— А вот тут товарищ что-то хочет сказать! — кивнул на меня дяденька.

— Он не первый, не первый руку поднял! — заорали пионеры. — Так нечестно!

В нашем дворе было много таких мальчишек. Они не принимали меня в свои игры, дразнили, а при случае колотили! И вот теперь такие же безжалостные ребята не дают мне показать этому хорошему человеку, что я не лыком шит, тоже знаю много книжек, в том числе про животных!

— Уступим товарищу! — поднял руку дяденька и встал. — Уступим! Он же маленький!

— Я не маленький! — выкрикнул я. — Мне уже пять лет!

Бабушка смеялась и дергала меня за руку.

— Извини, солидный возраст, — ухмыльнулся дяденька. — Так что ты хотел сказать?

Пионеры притихли.

— Я знаю три произведения советских авторов: про золотую рыбку, про золотого петушка и «Сверчок»!

— Неправильно! — заорали пионеры.

Бабушка, смеясь, пыталась меня увести.

— Нет, позвольте, — сказал дяденька, грузно опускаясь на краю сцены на корточки. — Кто сказал, что золотая рыбка не животное?! Дайте товарищу договорить. А кто про золотую рыбку написал и про золотого петушка, знаешь?

— Знаю! Пушкин. Александр Сергеевич! Его убили на дуэли из пистолета.

— Неправильно! — бесились пионеры. — Он при царе жил! Неправильно!

— Ну и что, что при царе, — сказал я. — Такие хорошие стихи!

— Вот именно! — поддержал меня дяденька. — Совершенно советские стихи!

— А про сверчка я вообще наизусть знаю! — взбодрился я.

— Замечательно! — Дяденька легко наклонился ко мне и вытянул меня на сцену. — Ух ты! Вес петуха-подростка! Читай!

— «Папа работал! Шуметь запрещал!
Вдруг под диваном сверчок затрещал!..»

— Замечательно! — похвалил дяденька и первым захлопал в ладоши, когда я громко дочитал стихотворение до конца. — Просто Качалов! Просто «Дай, Джим, на счастье лапу...». Тоже, кстати, про животных! Нет, тут нужна первая премия! За художественное чтение и за патриотическое мировоззрение! Знание литературы само собой!

Он стал рыться на столе, где лежали всякие книги.

— Вот беда! Ни одной моей не осталось! Знал бы, из дома прихватил! Эти тебе не по возрасту... «Овод» рановато! Без этого шедевра, — сказал он, откладывая что-то в сторону, — ты будешь жить гораздо счастливее и много дольше... Так!

Он растерянно шарил по столу. Тетеньки, как могли, помогали ему, тоже суетились. Пионеры орала, а я смиренно ждал премию. Я не знал, что это такое!

— А как ты сюда попал? — спросил дяденька, чтобы я не стоял истуканом.

— Мы с бабушкой пришли слушать военный оркестр.

— Ах, военный!

Человек хлопнул себя по лбу. Он сунул руку в карман своей необыкновенной куртки, состоящей из одних карманов, и вытащил оттуда маленькую книжечку в бумажной обложке.

— Вот! — протянул он книжицу мне. — «Рассказы о Суворове». Знаешь, кто такой Суворов?

— Знает, знает! — торопливо подсказала бабушка. Она крепко держала меня за щиколотки.

— Знаю! — согласился я. — Это великий русский полководец.

— Замечательно! Вот тебе книга про великого русского полководца Александра Суворова из библиотеки журнала «Советский воин». Ты советский воин?

— Да! — охотно подтвердил я. — Я — советский воин!

— Поздравляю тебя, советский воин, с первой премией! Ты замечательно отвечал на вопросы литературной викторины! Расти большим и счастливым!

— Вы подпишете? — сунулась к нему тетенька с авторучкой.

— Я же не Суворов, — заупрямился дяденька. — Как я за него буду подписывать? Еще раз поздравляю! — Тут моя рука утонула в его теплой ладони. — Поаплодируем товарищу!

Я возвращался со сцены под барабанный грохот аплодисментов, провожаемый завистливыми взглядами пионеров.

— Кто это? — спросила бабушка дежурного пионера, показывая глазами на дяденьку, подарившего мне книжку.

— Ха! — сказал высокомерно пионер с красной повязкой на рукаве. — Это же Виталий Бианки!

— Интересно! — прокомментировала бабушка. — Какая фамилия итальянская!

Чувствовалось, что фамилия ей ничего не говорит.

Почему я не начал писать в школе

Буквально на следующий день мы отправились в библиотеку и взяли почитать целую пачку книг Виталия Валентиновича. Он обрушился на меня всей мощью своего писательского таланта. В нашей тесной комнатке зашумели леса, закурились туманами болота, раскинулись снега полярных зим, засновали куницы и белки, засвистели крылья диких гусей. Огромный мир живой неповторимой природы раскрыл передо мною свои милосердные объятия. Птицы, звери и даже рыбы заговорили со мной. В их речах сквозь интонации силы, понимания и доброты зазвучал голос самого Бианки.

Бабушка полагала, что, если научить меня грамоте до школы, мне будет скучно на уроках и я стану лениться. Поэтому мне оставалось только умучивать бабушку до полубоморочного состояния, заставляя в сотый раз перечитывать «Нечаянные встречи», или «Мышонка Пика», или «Лесные были и небылицы». Я стал прилежным слушателем «Вестей из леса» по радио, потому что это тоже

был Бианки. День, в который я безошибочно отличил следы собаки от следов кошки на первом снегу, стал днем моего торжества и уверенности в собственных силах.

Когда я наконец пошел в школу и научился читать и писать, решил стать писателем Бианки. Я сэкономил денег на четыре тетрадки. Каждую из них, в подражание «Лесной газете», озаглавил «Весна», «Лето», «Осень» и «Зима» и старательно вывел целую строчку, разумеется о жизни в донской казачьей станице, куда мы ездили летом: «Наша станица стоит на высокой горе». На этом силы закончились, и я побежал показывать работу бабушке.

— Замечательно! — похвалила она. — Ни одной кляксы и даже ни одной буквы не пропустил. Молодец! Только наша станица не на высокой горе, а в балочке, в затишке от ветров...

И я ужаснулся тому, что написал неправду! Я обманул читателей!..

Наверно, поэтому мое «писательство» тогда дальше первой строчки не пошло. Мне вдруг открылась главная истина: прежде чем начать писать, нужно прожить большую жизнь, многое увидеть, запомнить. Причем увидеть так, как не видел никто до тебя. Нужно многому научиться, многое обдумать, постигнуть и только тогда браться за перо.

В моей литературной деятельности наступил длительный перерыв. Больше двух десятков лет я учился, работал, овладевая самыми разными профессиями в самых разных местах страны, и не вспоминал, что когда-то собирался стать «Виталием Бианки». Только взрослым человеком решился сесть за рукопись, твердо зная, что если этого не скажу я, то не скажет никто.

Я никогда не был учеником Бианки, и с того памятного случая в детстве с ним никогда не пересекался. Но мне нравились его книги, стало быть, он меня учил. Может быть, поэтому первая моя книга была посвящена самым прекрасным животным — лошадям!

Сегодня, оглядываясь на прошлое, я могу утверждать: книги Бианки стали моим первым букварем в мире прозы. Человек не учится у букваря всю жизнь, но для него это первая и самая главная книга. Кто знает, как бы сложилась моя судьба, не повстречай я в раннем детстве веселого доброго человека в странной куртке и пупырчатой кепке с теплыми и добрыми руками...

История Виталия Бианки

Вопреки «итальянскому» звучанию фамилии Бианки, к Италии предки Виталия Валентиновича отношение имели весьма отдаленное. Род Бианки появился в России в начале XIX века. Одна ветвь рода имела швейцарские корни, другая — немецкие. Прадед Виталия был известным оперным певцом. Перед турне по Италии, по рекомендации своего импресарио, он поменял немецкую фамилию Вайс (нем. weiß — белый) на Бианки (итал. bianco тоже означает «белый»).

Мамой Виталия Бианки была Клара Эмма Матильда (в девичестве Бланк). В России ее называли Кларой Андреевной. Дед писателя со стороны матери Иоганн Бланк содержал гостиницу в Петербурге и ресторан в Берлине.

Отец Виталия Бианки Валентин Львович закончил Медико-хирургическую академию. В 1885 году он уехал в Тверскую губернию, где служил земским врачом. Однако все свободное время посвящал изучению природы, в частности

птиц. Его научные работы были оценены по достоинству, и Валентину Львовичу предложили стать ассистентом кафедры зоологии и сравнительной анатомии в Военно-медицинской академии. В 1887-м он получил должность ученого хранителя в энтомологическом отделении Зоологического музея. Позже Валентин Бианки стал заведующим орнитологическим отделением Зоологического музея. Его избрали действительным членом Петроградского общества естествоиспытателей и Русского энтомологического общества, почетным членом Германского орнитологического общества. Он был секретарем Полярной комиссии и участвовал в различных экспедициях. Например, в камчатской экспедиции исследовал окрестности Петропавловска-Камчатского, долину реки Камчатки от Усть-Камчатска до Козыревска и подножие Ключевского вулкана.

Валентин Львович даже свой дом превратил в подобие зоопарка. Почти в каждой комнате находились клетки с птицами, коробки для ящериц и черепах, террариумы со змеями. Как-то полгода у них на даче жил лосенок.

Увлечение отца дикой природой оказало сильное влияние на детей. Виталий был более других увлечен лесом и охотой, а гимназическими науками и посещениями занятий интересовался постольку поскольку. Гимназический курс юный Виталий Бианки окончил в 21 год и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петроградского университета.

Учиться в вузе ему выпало недолго. Шел 1915 год. Российская интеллигенция жила в предчувствии «невиданных мятежей» и революционных перемен. Сын своей эпохи студент Бианки стал членом боевой дружины эсеров.

В начале второго курса обучения он не то был призван, не то добровольно пошел в армию. Так молодой человек оказался в артиллерийском училище, после окончания которого в звании прапорщика был направлен на службу в Царское Село, в запасную тяжелую артиллерийскую бригаду.

В обязанности военных входила в том числе охрана Александровского дворца, где располагалась царская резиденция. Время от времени Виталию Бианки даже удавалось перекинуться несколькими словами с царевнами. Но вскоре его батарея была переведена на Волгу, и начались странствия. Как вспоминал сам Бианки: «Я уехал из Петрограда в начале 1918-го и отсутствовал четыре года. Побывал на Волге, на Урале, в Омске, в Томске, пересек Казахстан от Аральского моря через степи до Атбасара, Кокчетавы и Петропавловска, затем долго жил в Бийске, а летом ездил в горный Алтай».

В конспективном изложении звучит элегично. На самом деле по всей России полыхала Гражданская война, которая крутила в своем кровавом водовороте и Бианки.

В Бийске весной 1919-го его мобилизовали в армию Колчака. Он скрыл свое офицерское звание и служил рядовым писарем в парке полевого артиллерийского дивизиона в Барнауле. Когда летом 1919 года часть была перебросена на фронт в Оренбургскую губернию, его посчитали подозрительным и перевели в пехоту. После того как он и еще несколько сослуживцев дезертировали из колчаковской армии, Бианки решил сменить фамилию. Он перевел ее на русский язык и несколько лет был Беяниным. Двойная фамилия Бианки-Беянин осталась в его паспорте навсегда.

В Бийске в 1921 году его в первый раз арестовали. Правда, вскоре выпустили. Потом последовал новый арест. Продержали в тюрьме три недели. Когда в сентябре 1922 года он узнал о готовящемся третьем аресте, то решил

не искушать судьбу. Вместе с женой и маленькой дочерью уехал из Бийска в Петроград.

Жить Бианки в Петрограде было негде и не на что. Отец Бианки умер в 1920 году. Помог старший брат Лев. Он устроил Виталия в Саблино на загородной экскурсионной базе университета. Виталий Валентинович поставил крест на научной карьере и перебивался случайными заработками, пописывая статьи и рассказы в журналы.

Бианки чувствовал недостаток образования и страстно желал учиться. В студии детских писателей при библиотеке детской литературы Педагогического института он познакомился с Самуилом Маршаком. По признанию Бианки, «положа руку на сердце: испытываю к Маршаку такое же чувство благодарности, как к своему учителю чистописания в приготовительном классе гимназии».

В 1923 году в журнале «Воробей» был опубликован первый детский рассказ Бианки «Путешествие красноголового воробья». А вскоре в издательстве «Радуга» вышла его первая книжка рассказов «Чей нос лучше?».

Летом 1924 года Бианки начал вести в том же журнале раздел о природе «Лесная газета». Из него выросла одноименная главная книга Бианки, которую он собирал и переделывал всю жизнь.

Он поступил в Институт истории искусств, находившийся напротив западных дверей Исаакиевского собора в семейном доме Зубовых. Но завершить обучение не удалось: в 1925 году его арестовали по обвинению в участии в подпольной организации и сослали на три года в Уральск. Только в 1928 году Бианки вернулся в Ленинград. Это произошло благодаря ходатайству Максима Горького, дружившего с всемогущим тогда руководителем ОГПУ Генрихом Ягодой.

Повести и рассказы Виталия Бианки были в 1930-х годах очень популярны. Однако популярность не спасла писателя от очередного ареста. В ноябре 1932 года он был арестован, но вскоре освобожден «за отсутствием улик». Следующий арест пришелся на март 1935 года. Бианки было объявлено, что он как «сын личного дворянина, бывший эсер, активный участник вооруженного восстания против советской власти» приговаривается к высылке на пять лет в Актюбинскую область. Лишь благодаря заступничеству жены Максима Горького Екатерины Пешковой приговор отменили.

С 1921 по 1935 год Виталий Бианки арестовывался шесть раз. Какова была жизнь под постоянным страхом ареста, высылки и расстрела?! Как тут не сойти с ума? В конце концов все завершилось благополучно, но аресты и ссылки здоровье не укрепляют. В то время возникли хронические болезни, преследовавшие писателя всю оставшуюся жизнь.

Во время Отечественной войны Виталий Бианки из-за болезни сердца был признан негодным к воинской службе. Удалось эвакуироваться в Пермь (тогда город Молотов). После войны сначала оказался в Москве, но потом вернулся в Ленинград.

В последние годы жизни писатель тяжело болел. В 1949 году он перенес инфаркт, затем два инсульта. Почти не мог ходить из-за сильных болей в ногах. Скончался 10 июня 1959 года.

Бианки написал около трехсот произведений для детей. Общий тираж его книг на сегодняшний день составляет сорок миллионов экземпляров.

Были и небыли

Удивительное дело, но Бианки (не только Виталий Валентинович) сопровождали меня всю жизнь. Больше с того раза я В. В. Бианки не видел — писатель умер в 1959 году, — но я слушал его выступления по радио, читал его книги и книги о нем... Однако были и иные, как в названии книги Виталия Валентиновича, «нечаянные встречи».

В студенческие годы я познакомился и, несмотря на разницу в возрасте более четырех десятков лет, подружился с ленинградским художником Минеем Ильичом Куксом. Он иллюстрировал произведения В. В. Бианки и был с ним хорошо знаком.

Их первая встреча состоялась, когда Миней Ильич принес писателю показать свои рисунки. Кукса рекомендовали Виталию Валентиновичу как художника, графика-анималиста. Издатели руководствовались тем, что Кукс — сибиряк, знаток природы и охоты, много рисовал животных.

Бианки тогда болел и попросил рисунки оставить, чтобы он их мог рассмотреть. Когда Кукс пришел во второй раз, то увидел свои рисунки, развешанные по стенам.

— А я по вашим рисункам рассказ сочинил, — приветствовал его Виталий Валентинович.

Так родилась книжка «Егоркины заботы» и установились приятельские отношения между иллюстратором и писателем.

Вспоминая Бианки, Миней Ильич рассказал мне малоизвестную «лесную бль». Виталий Валентинович чрезвычайно крепко выпивал. Что только не предпринимали родные и близкие, чтобы избавить его от пагубной страсти, ничего не помогало. Основоположник нового направления в детской литературе, знаменитый создатель «Лесной газеты» и сотен прекрасных произведений о природе ежедневно бывал «выпивши». Это не могло не сказываться на его больном сердце и усугубляло прочие хронические заболевания. Наконец Виталия Валентиновича вывезли в один из живописнейших уединенных уголков Ленинградской области, бесспорным достоинством которого, кроме свежего воздуха и чарующей природы, была значительная удаленность от магазинов, торгующих водкой.

Целую неделю Бианки томился, тосковал и был не способен ничего на трезвую голову написать. Затем все разительным образом переменялось. Писатель-натуралист стал совершать ежедневные прогулки по окрестным лесам, и прекрасное расположение духа к нему вернулось. Однако родственники с ужасом заметили, что Бианки отправляется на прогулку трезвым, а возвращается из объятий девственной природы сильно навеселе, если не сказать больше.

Эти прогулки происходили перед обедом и длились не более часа. Ближайший магазин, где было можно разжиться бутылкой, находился в десяти километрах. Самогонки никто из поселян не гнал. Тем не менее под пленительную сень деревьев натуралист удалялся тверезым, а возвращался пьянехоньким. Стали возникать многообразные версии, объясняющие лесное чудо, среди коих мистические отвергли сразу. Две оставшиеся существовали довольно долго, хотя обе хромали и страдали натяжками.

Первая предполагала, что знаток природы обнаружил в природе нечто, успешно заменившее алкоголь. Версия входила в противоречие с тем, что подобное лесное чудо было неизвестно другим знатокам местного леса. Никаких

сообщений об «алкогольном корне» или ином заменяющем спиртное растении летописи до нас не донесли. Тем не менее от Бианки по возвращении с лесных прогулок разило дешевой фабричной водкой.

Вторая версия была не менее чудесной. Предполагалось, что знаменитый следопыт надбыбал в лесу забытую немцами или партизанами бочку со спиртом. Эта версия опровергалась тем, что в окрестных лесах немцы не шастали, а весь спирт, ежели он и бывал в здешних местах, партизаны употребили бы еще в период военных действий. Самым главным аргументом, сокрушающим изысканную версию с бочкой, являлось убеждение, что знаменитый создатель «Лесных былей и небылиц», а также «Приключений мышонка Пика» в этом случае оставался бы у нее до тех пор, пока емкость не опустела.

Больше месяца загадка природы будоражило воображение жителей и литературной общественности, а разгадка лежала буквально рядом. К Виталию Валентиновичу в место его пребывания в Ленинградской области, в Лебяжье, приехал Миней Ильич Кукс, иллюстрировавший очередную книгу Бианки. Виталий Валентинович перед обедом увлек художника-иллюстратора в лес на прогулку, предусмотрительно захватив с собой два соленых огурца. Не отошли они от жилья и полкилометра, как писатель остановился у дерева, сунул руку в дупло и извлек оттуда нераспечатанную бутылку водки и стакан.

Водка была употреблена, пустая тара возвращена в дупло, а в стакан положены деньги на следующую выпивку с учетом премиальных, которые оставлял себе местный почтальон. Он курсировал на велосипеде между населенными пунктами района, а заодно подрабатывал для писателя спиртоношей. Вышло почти как с фразой из знаменитого школьного сочинения: «Дубровский имел сношения с Машей через дупло».

Ленинград и эстетика

Санкт-Петербург во времена Бианки и в пору моей молодости Ленинград — город удивительный. При всей его величине и многолюдности здесь все всех знают и если не знакомы, то «пересекались». Например, Институт истории искусств (Исаакиевская площадь, 5) в 1962 году был объединен с Театральным институтом, в те годы именовавшимся Ленинградским институтом театра музыки и кинематографии (Моховая, 34). Мой театроведческий факультет разместился именно на Исаакиевской, 5. Глядя тогда на колонны Исаакия, вид на которые заполнял собой все огромные окна, я и не подозревал, что точно так же смотрел на них за сорок лет до меня Виталий Валентинович Бианки.

Вскоре произошло другое судьбоносное для меня «пересечение». В июле 1968 года я окончил вечернее отделение театроведческого факультета, защитил диплом и, как предполагал, стал безработным. По диплому я должен был стать, например, заведующим литературной частью театра, но театров мало, а выпускников много.

Однако, памятуя пословицу «Была бы шея — хомут найдется», не огорчался. За шесть лет студенчества на вечернем отделении я перепробовал столько работ, что был уверен — без куска хлеба не останусь. Иное дело, что по советским законам меня, безработного, могли счесть тунеядцем. Как Иосифа Бродского.

Однако мой ангел-хранитель — учительница литературы и писатель Инна Владимировна Прусакова узнала, что в средней школе, где работает ее знакомая,

директриса мечтает завести новый предмет — эстетику, поскольку жаждет славы.

— Ты сможешь обеспечить ей славу?

— Абизательна!

Не знаю, какой смысл вкладывала моя начальница в понятие «эстетика», но когда я принялся в старших классах декламировать то, что знал из институтского курса, то скоро понял: ни о какой «эстетике» в школе в академическом понимании речи быть не может. Для того чтобы пускаться в философские рассуждения в этой области, нужна подготовленная аудитория. То есть публика, знакомая с произведениями искусства, музыкой, театром, литературой. Ничего этого у несчастных детей, отчаянно размышляющих на тему «Откуда эта эстетика взялась и на что она нам сдалась?», нет. Поэтому, не рискуя стать персонажем фрески «Франциск Ассизский, проповедующий птицам»¹, я сообразил начать вспашку тяжелой нивы просвещения с другого конца. То есть, «владея всей культурой человечества в целом» (что подтверждалось дипломом с правом все это преподавать!), придумал программу подготовки детей к последовательному знакомству с искусством. В учениках до четвертого класса включительно по два учебных часа в неделю я пробуждал любовь к культуре и воспитывал то, чего нет в учебном плане, — ассоциативное мышление, без коего восприятие искусства невозможно. Вместо скучного «пересказа по картинке» мы играли импровизированные пьесы, рисовали, слушали музыку, пели, размышляли и рассуждали, обсуждая прочитанное, и даже сочиняли стихи. В ответ мне понимающе улыбался Бианки. Результаты не заставили себя ждать:

«Бедный ты, мышонок Пик, —
Все тебя обижают!
Хоть ты ростом невелик,
Я тебя люблю и очень уважаю!»
Витя Буров, 1 «А», 1969 г.

«Тихо падает снег. Я гляжу в окошко.
По двору тянется след — это бежала кошка.
Кошка быстро бежала домой,
Потому что кошкам холодно зимой!»
Вера Лященко, 2 «А», 1970 г.

Во всем этом виноват В. В. Бианки! Его рассказы, пробужденные им чувства в детях! Главное — никаких конкурсов! Никакого лидерства и распределения результатов, никакого первого места! Нарисовал картинку — молодец! Сочинил стихотворение — прекрасно! Все творцы, все гении! Каждый старается в меру своих сил и таланта — честь ему и хвала! Сами, между собой, в разговорах после урока решат, чья картинка «красивее» и какое стихотворение «складнее». Поощрения, хотя бы слово похвалы, доставались всем. Никто не был забыт и обойден. Нелюбимых детей нет! Дураков тоже нет! Есть больные или запущенные, но это хотя бы отчасти поправимо.

Для школьников с пятого по седьмой класс (ознакомительно, но не поверхностно) я вел историю русского искусства: живопись, ваение, зодчество,

¹ Фреска на входной стене верхней церкви Сан-Франческо в Ассизи, 1297—1300 гг., работы Джотто ди Бондоне (1266—1337).

музыка и искусство. Занятия шли параллельно с уроками литературы, рисования и пения.

В 8–10-х классах был введен предмет «мировое искусство». Вот тут (после семи лет обучения) очень осторожно, чтобы не отбить интерес, можно порассуждать в том числе и об эстетике...

Детей я люблю. Это главное качество учителя. Если его нет, человек либо сбежит, либо с ума сойдет. Я чувствовал, что нахожусь на своем месте. Потому проработал школьным, хотя и не совсем обычным, учителем без малого 20 лет.

Дважды в неделю шел с ребяташками в Русский музей или Эрмитаж, добывал автобус и возил их в Новгород, Выборг, Псков и Пушкинские Горы... А однажды в жуткие морозы поперлись со старшеклассниками в поход в Подпорожье — изучать деревянное зодчество.

Мне нравилась такая жизнь. Однако директриса, принимая меня на работу, щуя глаза бывшей красавицы и покачивая прической «консервная банка в гнезде», многозначительно предупредила: «У нас не простые дети! У нас дети из кооперативных домов!»

С детьми все было в порядке. Дети как дети! А вот директриса, побывавшая у меня на первом уроке и заявившая покровительственно: «Очень эмоционально!» — через полугодие уже говорила с раздражением: «Вы, с этой вашей эстетикой, висите надо мною как *Домоклаев меч!*»

Мне нравилось «висеть» в школе даже как «Домоклаев меч». К ребятам я привязался, да и они ко мне. Чтобы не вылететь «под панфары», нужно было добывать славу, о которой мечтала моя начальница.

Славу так славу! Я разработал соответствующую учебную программу (уж не помню, как она тогда называлась) и, как молодой, инициативный и перспективный, поехал в Москву, где утвердил эксперимент в Министерстве образования СССР. Сходил в педагогический институт, заручился поддержкой доцентов и профессоров. Об этой инициативе начали писать в газетах, и, обретшая славу как покровительница талантливой молодежи, директриса была вынуждена меня терпеть. Кроме того, поскольку я обеспечил себе пиар (я уже потом выучил это слово), в других школах района меня ждали с распростертыми объятиями. Потому я жил, служил и не тужил... Однако перестал вмещаться в уроки и внеклассные занятия.

В ходе преподавания новых предметов ребяташкам нравилось не только слушать и отвечать заданное на дом, но и рассуждать. Не об искусстве или школьных предметах... О вечном: о жизни, счастье, о том, как жить и каким быть. С детьми ведь не принято разговаривать по-взрослому. Сюсюкают, ругают либо поучают, думая, что воспитывают...

И я начал писать веселые статьи в замечательную ленинградскую детскую газету «Ленинские искры». Опыт работы в многотиражке у меня имелся, и журналистским ремеслом я владел. Мои статьи стали публиковаться чуть ли не в каждом номере, объединяясь в циклы «Что такое хорошо», «Ежели Вы вежливы» и другие...

В ответ на них стали пачками приходиться от детей письма, где говорилось, что ребяташки мои «фельетоны» ждут, читают и, что меня повергло в изумление, даже ставят по ним школьные спектакли! Я радовался.

А при чем тут Бианки? При том, что возглавляла газету «Ленинские искры» и приложение к ней — замечательный журнал «Искорка» — Валентина

Львовна Бианки! Не знаю степени ее родства с Виталием Валентиновичем, но она происходила именно из этого потрясающего клана петербургско-ленинградской интеллигенции!

Ленинградские дамы, Бианки и «Ленинские искры»

К шестидесятым годам прошлого века уже умерло революционно-партийное обращение «товарищ», но еще не нахлынуло бездушное гендерное обращение «мужчина» или «женщина»: «Мужчина, не дышите пивом». Или в переполненном трамвае: «Женщина, отодвинется кое-как — мне под вами не разогнуться». Это не питерское, это откуда-то из, мягко скажем, одесских дворов... В Ленинграде господствовало застрявшее с дореволюционных времен обращение «дама».

— Дама! Получите кило картошки.

— Дама! Уберите за вашей собакой. Всю парадную (подъезд — это московское) загадили.

Такое обращение исключительно точно подходило к ленинградкам, безотносительно к возрасту и социальному положению. В Ленинграде особенно прекрасно выглядели шляпки всех фасонов. Традиция их ношения, возрождаясь в наше безумное время, сразу выделяет даму из бесполой татуированной толпы «молодежи и подростков», как их некогда именовал «дорогой Никита Сергеевич» (Хрущев).

Не нужно думать, что дама есть нечто кисейное, немощное и безвольное. Пышущие здоровьем спортсменки после тренировок переодевались в приличную для Питера одежду (пусть самую непритязательную, из того, что предлагала фабрика массового пошива «Большевичка») и волшебным образом преображались в ленинградских дам. Это ведь не столько стиль в одежде, сколько поведение, женственная пластика, воспитанность и чувство собственного достоинства.

Валентина Львовна Бианки наглядно являла собою образ ленинградской дамы. Красивая, монументальная, улыбочиво-доброжелательная. Это не исключало при необходимости резкости — в границах, которые может себе позволить воспитанный человек. Она была человеком прямым и бескомпромиссным. Не терпела лодырей и дураков. В порыве гнева могла и накричать.

Твердой рукой, профессионально и умело руководила она «Ленинскими искрами», что было непросто. Основанная в 1924 году первая детская газета, распространявшаяся по всему Советскому Союзу, включала в себя целый мир методически обоснованного детского воспитания, которое не ограничивалось выпуском периодического печатного издания. Среди журналистов Санкт-Петербурга до сих пор в ходу шутка: русская литература вышла из гоголевской «Шинели», а питерская журналистика — из «Ленинских искр». При газете действовал старейший в Ленинграде, основанный в 1920-х годах кружок юных поэтов.

Газета с помощью президента Академии наук СССР А. П. Карпинского еще в 1930 году стала зачинателем предметных школьных олимпиад. Так называемое Всесоюзное тимуровское движение, «Красные следопыты» и многие другие проекты по воспитанию юных советских граждан — инициатива «Ленинских искр».

В 1932 году читатели «Ленинских искр» собрали средства на строительство самолета. Позднее имя газеты было присвоено трактору (1970) и океанскому сухогрузу (1974), на которые юные читатели газеты собирали металлолом.

Умелой рукой Валентины Львовны обязательная пионерско-барабанная идеологическая часть была строго дозирована, а литературно-художественная и научно-просветительская весьма продуманна и высочайшего качества!

В разное время среди авторов газеты отметились писатели и поэты Аркадий Гайдар, Максим Горький, Александр Куприн, Михаил Зощенко, Лев Кассиль, Борис Житков, Корней Чуковский, Сергей Михалков, Виталий Бианки, Ольга Берггольц, Самуил Маршак, Леонид Пантелеев, Вадим Шефнер и др. Своими впечатлениями на ее страницах делился известный дрессировщик Владимир Дуров. Знаменитый биолог Николай Иванович Вавилов публиковал в «Ленинских искрах» статьи о своих путешествиях по всему миру.

В редакции газеты на встречах с «деткорами» из самых разных уголков СССР побывали фактически все знаменитости тех лет. Например, Юрий Сенкевич — сразу после путешествия на «Ра», космонавты Алексей Леонов и Георгий Гречко. По заданию газеты я брал интервью у полярника Алексея Федоровича Трешникова и корабелов атомохода «Арктика»...

В СССР считалось, что каждый пионер должен выписывать пионерскую газету, комсомольцы, соответственно, «Комсомольскую правду» (в Ленинграде еще местную «Смену»), коммунисты, разумеется, «Правду», а беспартийные и члены профсоюзов — «Труд» и «Известия».

В Ленинграде пионеры, в том числе и я в пионерском возрасте, выписывали «Ленинские искры» не по обязанности — газета была очень интересной. Особенно читателям нравились печатавшиеся в ней повести с продолжением: Н. Внукова про индейцев «Слушайте песню орлиных перьев», Джанни Родари «Путешествие Голубой стрелы» и многие другие... В среду и субботу в доме на нашей лестнице хлопали двери — ребятишки заглядывали в почтовые ящики на дверях, ждали газету!

Разумеется, такая «планета», как «Ленинские искры», не могла существовать усилиями одного человека. Замечательный коллектив редакции работал как сплоченный экипаж корабля. Каждый член этой команды достоин отдельного рассказа. Ответственным секретарем служил Вольт Николаевич Сулов. Он был настоящий «детский человек» и легко овладевал вниманием любой детской или студенческой аудитории. «Молодая смена» уже через пятнадцать минут после начала мероприятия под его дирижированием хохотала, пела и плясала. В роли гнома-волшебника газеты работал Н. И. Садовый, он же «капитан Врунгель». Благодаря его таланту, мастерству и усердию четвертая полоса газеты расцветала чертежами самоделок, загадками, шарадами, ребусами, занимательными историями...

В узкой длинной комнате работали художники Шабанов, Ясинский и др. Тут же, по ходу верстки газеты, рисовали тончайшие (перо-тушь) иллюстрации, веселые рисунки и карикатуры.

Сравнительно большим и традиционно женским по составу был отдел пионерской работы и писем. Письма приходили ежедневно мешками и на каждое отвечали...

Каких-то «корпоративов» и прочих посиделок не припомню. Может, они и были. Но я приносил свои статьи и очерки редактору «Искорки» Юре Аршинникову и раз в месяц встраивался в небольшую очередь в кассу за гонораром.

«Путевка» в журналисты и писатели

В кабинете Валентины Львовны Бианки я не был ни разу. Она перехватывала меня в коридоре, брала за руку своими мягкими ладонями, с нескрываемым удовольствием смотрела в глаза, улыбалась... и молчала! Я не знал, куда деваться! Выпростать руку из ее дружеского рукопожатия было как-то неловко, о чем говорить — неизвестно, а стоять намертво «заякоренным» — неудобно. Возникла большая и тяжелая, как рельс, пауза. Наконец Валентина Львовна произносила:

— Боречка... Позвольте мне вас так называть. — Опять пауза. — Мне очень нравится все, что вы делаете. — Пауза, взгляд глаза в глаза. — Вы очень талантливый человек! — Пауза.

— Спасибо, — бормотал я, понимая, что руку из рукопожатия не добыть.

— Боречка! Вы ведь не в Союзе журналистов? Почему?

— В Союз принимают только тех, кто в штате.

— Это в вашем случае ошибка! Надо исправлять! Идите к Зиночке (секретарю), она поможет вам составить заявление и отнесет его в Союз.

Союз журналистов — объединение творческое. Став его членом, в случае потери работы я не буду считаться тунеядцем, и мои литературные опусы получат некое административное «окормление». Но я не верил, что заявлению дадут ход. Говорили, что для вступления требуется проработать в штате печатного издания три года... Такого стажа у меня не было.

К моему удивлению, месяца через два меня вызвали в «Домжур» на Невском. Я сидел в приемной перед актовым залом и размышлял, что, чем бы проходившее за закрытыми дверями заседание ни закончилось, спустись на первый этаж в ресторан и замечательно пообедаю. Это отчасти скрасит отказ...

Однако, когда двери зала распахнулись, оттуда в негустой толпе вышла Валентина Львовна и протянула мне руку: «Поздравляю. Единогласно!» В ответ на мое благодарное лепетание она процитировала четверостишие «К истории» (1965) советского поэта и переводчика Льва Озерова:

Пренебрегая словесами,
Жизнь убеждает нас опять:
Талантам надо помогать,
Бездарности пробьются сами!..

Этому полученному мной завету я следую всю жизнь.

Присутствовавшая на том собрании секретарь Валентины Львовны рассказывала, что, когда стопка заявлений отвергнутых кандидатов, в основном так называемых рабкоров, значительно выросла, взгляд председательствующего задержался на моем листочке.

— Вот, товарищи, «Ленинские искры» рекомендуют принять Б. А. Алмазова. Он учитель... Но он же не в штате?

— А публикуется больше, чем штатники! — перебила его Валентина Львовна.

— Ну и сколько у него публикаций?

— Двести! — Председатель так и сел, а Валентина Львовна продолжила контрольным выстрелом в лоб: — В год!

Так мой карман стало согревать толстенькое, в кожаной обложке, удостоверение Союза журналистов. Оно придало мне уверенности в себе. До сего

дня с гордостью пишу во всех анкетах: «Член Союза журналистов СССР с 1974 г.».

Откровенно говоря, удостоверение не пригодилось мне ни разу. Однажды я его постирал в стиральной машине, в другой раз его украли вместе с пиджаком... Пришлось заменять.

Как-то в командировке в местном райкоме партии собрались читать «закрытое письмо ЦК». Я было «навострил лыжи» на выход.

— Ну как же?! — прихватил меня за рукав секретарь райкома. — Не уходите.

— Но я беспартийный!

— Ну и что! Вы журналист и наш гость...

На советских чиновников журналистское «членство» действовало, как дудка факира на кобру. Откуда они про него узнавали? Я никогда свой членский билет не демонстрировал. Наверное, побаивались. Вдруг чего не то напишет. При советской власти любое упоминание в прессе могло отозваться по-разному, как в песне «Шумел, горел пожар московский...»:

Судьба играет человеком,
Она изменчива всегда,
То вознесет его высоко,
То бросит в бездну без стыда...

Примерно через год я вновь попался в коридоре Валентине Львовне. Она опять ласковой, но мертвой хваткой взяла меня за руку.

— Боречка, это ничего, что я вас так называю? — Пауза. — Боречка, а ведь вы умнее тех замечательных статей, что нам пишете! — Пауза (интересно, это комплимент или упрек?). — Боречка, напишите нам повесть с продолжением. Для детей. Все равно о чем, но интересно. Я знаю, у вас получится...

По молодости свои очерки, статьи и рассказы я сначала «вышагивал», после чего садился и записывал. Как правило, без особенной правки. И в этом случае, отшагав по улицам и переулкам Ленинграда несколько десятков километров, я «наваял» свою первую повесть «Самый красивый конь». Удивительно, но она остается самой известной из моих на сегодняшний день 86 книг. До сих пор, по прошествии почти 60 лет, ее нет-нет да переиздадут или переведут.

А ведь заказ на повесть, которая изменила всю мою жизнь, я получил от Валентины Львовны. Человека с судьбоносной для меня фамилией Бианки. С ее легкой руки я официально стал журналистом, а затем плавно, без малейших собственных усилий, вступил в Союз писателей СССР. Это было пределом мечтаний многих пишущих современников и официально утвердило меня в писателях. Согласитесь, у А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и даже Л. Н. Толстого такого удостоверения не было. Они действовали, строго говоря, в ранге «самодельных авторов»... Но это уже совсем другая история.

Народные мемуары

Полина КОНДРАТЕНКО

ГЕРМАНИЯ 2020-х В ЭПИЗОДАХ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТКИ ПО ОБМЕНУ

Пролог

Наступил 2020-й год. Просто сдвинул красное окошко календаря и пришел. А оказалось, что он наступил на горло моей «песне», сбил весь привычный жизненный уклад и вытряхнул из головы обычные надежды и ожидания. С марта по июнь мы — лингвисты-аспиранты первого года обучения — сидели на удаленке, изредка зажигая свет в окошках наскучивших видеочатов, в которые переселились все занятия. На фоне всеобщей паники по поводу ежедневной статистики заболеваемости и летальных случаев, закрытых границ и человеческой уязвимости первый год аспирантуры казался последним годом жизни всего мира. Каково же было мое удивление, когда в июле пришло письмо с результатами немецкого конкурса стипендий для молодых исследователей (я подавала на участие в нем еще в январе). Письмо, во-первых, обещало мне эту стипендию выдать, а во-вторых, рекомендовало в ближайшее время отправиться в консульство ФРГ, подать документы на визу и внимательно перечитать актуальные правила въезда в страны Шенгенского соглашения.

Предполагалось, что четыре месяца, с октября 2020-го по февраль 2021-го, я буду работать над диссертацией в университете Грайфсвальда. В этой северной точке на карте Германии мне уже случалось бывать. Память тут же нарисовала шпиль кафедрального собора над заросшей камышами рекой, вспомнилась кирпичная готика, бьющая ключом студенческая жизнь. Не всегда было понятно, это город-университет или университет-город? Теперь разыгравшееся воображение подкинуло кадры оживленных дискуссий на аспирантских семинарах и показало высокие стопки книг в библиотеке. Не все разделят эту радость, но специалисты по иностранным языкам меня поймут — свежую литературу о языке на этом самом языке у нас найти не так-то просто. Заодно, думалось мне, можно будет наконец-то посетить соседние федеральные земли. Тут мысль услужливо добавляла в список музеи, соборы, театры, кафе и зеленые квадраты городских карт — места для задумчивых прогулок по парковым дорожкам и наблюдений за падением краснеющих листьев...

Оставалось только понять, как добраться до Грайфсвальда. Раньше в те места ходили экспрессы из Берлина. Садись на главном вокзале и через три часа ты уже на месте. Но теперь до Берлина из России не долетишь — с начала

пандемии коронавируса отменили практически все рейсы. Расписание сохранило только два рейса Москва — Франкфурт по четвергам и субботам. Франкфурт-на-Майне, само собой. Есть еще Франкфурт-на-Одере, и от него до Грайфсвальда чуть дальше, чем от Берлина, но мечтать вредно. Придется ночью лететь из Петербурга в Москву, там пересаживаться на один из рейсов до Франкfurта, а из Франкfurта восемь часов пилить на север. С тремя пересадками.

Визовые вопросы разрешились на удивление быстро. По меркам ковидного времени месяц, который ушел на обработку моих документов, не срок. Собрав чемодан, прощаюсь с родными и друзьями. И, естественно, обещаю писать. Им — потому что время беспокойное. Себе — потому что время интересное.

Франкфурт — Грайфсвальд. Бог и шайтан

Шел уже битый час пути. Холмы сгладились и стали равнинами, смесь южных акцентов прониклась берлинским у-ютом (от слова *gut*, произносимого в окрестностях Шпрее не иначе как *jut*). Отсутствие обеда обернулось тоской по ужину, поезда сменились... другими поездами. «Степной волк» Германа Гессе, сунутый в рюкзак из лучших побуждений, читается однобоко, то левым, то правым оком. После первой бессонной ночи в самолете не получается открыть на текст оба глаза сразу. Всё как в сказке Валентина Катаева: либо тебе дудочка, либо кувшинчик. А тут еще вторая бессонная ночь (на этот раз в поезде). Строки автора пересобираются на ходу и, смешавшись, обесмысливаются.

На подъезде к Ангермюнде — неприветливой на вид станции, живущей под девизом «Сильный? Справишься с пересадкой за четыре минуты?» — в вагон с шумом вваливается компания мальчишек лет девяти. Они липнут к интерактивному табло, обсуждают остановки, садятся за столик, пшикают газировкой...

Я клюю носом над тетрадью, набрасывая на листе гофрированный хобот безымянного сбежавшего слона. Гессе сегодня пошел если не лесом, то точно далеко и мимо, а засыпать с карандашом опасно. Все помнят бородатый анекдот: «Какой спорт вы считаете самым опасным? — Шахматы. Уснул и упал глазом на ферзя...» На мое счастье, за соседним столиком завязывается интересный разговор.

— Ангермюнде — это имя или фамилия?

— Имя.

— А фамилия какая?

— Португалия.

— А какое имя тебе больше всего нравится?

Пока я пытаюсь открыть оба глаза (на этот раз успешно, надо же), завязывается обсуждение орфографических и орфоэпических особенностей некоторых антропонимов (уже точно антропонимов, а не топонимов). За покерфейсом здорово скрывать интерес, но расписавшийся карандаш поди скрой.

— ...Бог и шайтан.

Стоп. Когда это языковые размышления утекли в теологические?

— Не-ет, Бог и шайтан они как бы отдельно. Бог вверху, на небе, шайтан внизу, на земле.

— Знаешь, когда ты спишь, шайтан посылает тебе страшного духа. Ночью как проснешься, увидишь и...

— А вообще Бог и шайтан существуют?

— Бог существует, а вот шайтан...

— Шайтана Бог создал.

— Ага, и Америку тоже.

- Че? Как это, Америку?
- А вот так, — пацан разводит руками, — взял и создал.
- Вообще надо делать что-то хорошее для Бога, и тогда Бог будет делать добро нам.
- Какое добро?
- Ну он разрешит нам жить дальше.
- А-а... а я думал, он подарит нам игрушки.
- Ну и дурак же ты!

Поезд снова останавливается под рыжими фонарями, и мальчишки выходят на станции то ли Шведт, то ли Пазевальк. Жаль, что так быстро вышли. Без них, чувствую, Пазевальк случится у меня и на других станциях. Зашить бы рот, расшить бы глаза...

Прибытие в Грайфсвальд. Про тест

Свинью ли нам подложили или подкинули яблоко раздора, но в документе, под влияние которого мы попали, значилось следующее: при повторном отрицательном тесте на наличие ковида сроки карантина могут быть пересмотрены. Естественно, в пользу аттестованного оттестированного. Читаный-перечитаный параграф поднял в нас вторую волну обостренного желания жить, бороться за свои права и грызть печенье вместо ногтей, людей и прочих слов на -ей — подумайте сами. Трое нас (Юлия, Оливия и Полина) ткнули пару ответственных знакомых, и те попытались пробить молчание местного ковидного оперштаба. Бесплезно — при наборе номера горячей линии трубка монотонно выжидает гудит, но к телефону никто не подходит. А без телефонной записи и краткого обсуждения каждого конкретного случая на повторное тестирование не берут. Нуждающихся в тестировании целая толпа, больница одна, больничная парковка одна, палатка на парковке одна. В последней сидит единственная девушка с белой палочкой для мазков. Зато палочек много.

В разгар моих рукомахательных сеансов перед камерой (очередное репетиторство в зуме) приходит сообщение от немецкой студентки и волонтерки Алины, которая заботится о нас — иностранцах: «Сейчас с тобой свяжутся из оперштаба. Удалось до них дозвониться».

Через пару минут телефон оживает. Я сгораю вместе с ноутбуком и стулом, на котором сижу, разрываясь между представлениями об идеальном преподавателе (который не отвлекается) и осознанием потери еще не обретенной возможности распоряжаться шкурой неубитого медведя, которая ускользает в щель между ноутбуком и телефоном. Потому что нельзя сейчас взять и наступить шкуре на хвост. Не при детях же.

Перегорев, закончив занятие и сильно похудев надеждой, перезваниваю, ожидая услышать дежурные длинные гудки... но слышу голос. Приятный, не формальный и, кажется, представившийся по имени и даже по фамилии, но мои взволнованные уши ее не уловили. Выдавливаю автоматическое «Kondratenko hier» («Кондратенко слушает») и хватаю карандаш. Выясняется, что мои данные были спущены (чуть ли не через столицу федеральной земли, как потом сказала Алина) в ту самую одинокую палатку на больничной парковке. Мне остается только встать с утра пораньше и к этой палатке подойти.

«Прекрасно понимаю вашу ситуацию — новый семестр уже начался. Конечно, нехорошо, да и... незачем вам так долго сидеть взаперти. В конце концов,

я и сам был студентом, так что...» — добавляет голос на том конце с ощутимой улыбкой.

Обсудив важное, благодарю, прощаюсь и шлепаю на кухню за свежей заваркой. Попутно выясняю, что временной слот для теста, обещанный Юлии, отвалился по непонятным причинам, а Оливии так и не удалось дозвониться до оперштаба — то линия занята, то сотрудники трубку не берут.

«Ну хотя бы ты раньше освободишься и выберешься отсюда», — говорят они. А в глазах читается тоска по справке об отрицательных результатах теста. Нечему радоваться.

На следующее утро не без заминок сдаю тест под ругань ожидающих со-страдальцев. Очередь длинная: кто-то пришел пешком и замерз до синих рук, кто-то приехал на машине и устал ждать. В небе голосят гуси-утки — осень. Каштаны опали и растрескались. По пути на улицу Эрнста Тельмана, где мы считаем дни карантина, удалось подобрать и кинуть в карман несколько красивых орехов — бордовые, гладкие, загляденье.

День тянется медленно, вестей из палатки еще нет, но уже можно планировать, как отпраздновать результат, когда он придет. Соседки подумали и достали из чемодана красочную гирлянду. Отметить нечем, следовательно, нужно идти в магазин. Хмыкаю и озвучиваю букву закона — строки того самого постановления, которое определяет не только длительность карантина, но и штрафы за его несоблюдение. За несанкционированные прогулки по магазину тоже может прилететь.

— Но ведь первые тесты у нас всех отрицательные, — заявляет Оливия.

Она изучает юриспруденцию в Руане. Спорить с будущим юристом не получается.

Первую станцию простого маршрута мы осилили: ингредиенты для борща нашлись и болтались в сумке. Оставался торт, куда же без него. Ближайшая булочная оказалась закрыта. С грустью поглядев на торты из магазинной заморозки, наша троица осмелела, прошла квартал до аллеи Ломоносова и наткнулась на черного кота. Обыкновенный представитель семейства кошачьих, сам черный, лапки белые. Дорогу не перебежал, но наша не очень чистая совесть, похоже, сработала как магнит и притянула неприятность, которую стоило предугадать заранее.

Есть в маленьких городах известная черта — хорошая или плохая, не разберешь. Здесь все везде всё обо всех знают. Вчера, свесившись с балкона, мы мило общались с Рубеном — это мой старый знакомый по переписке из университетского международного отдела. А сегодня наблюдаем, как Рубен (откуда он взялся?) паркует велосипед перед крупным продуктовым магазином, на который мы уже нацелились. Подсматривать пришлось из-за дверей отделения какого-то банка, в который нас сдуло, как только стало ясно, кто на горизонте.

В магазине дружно сливаемся с полками алкогольного отдела, успеваем изучить добрый десяток произведенных из автохтонных сортов лозы вин (сюда Рубен вряд ли заглянет), берем бутылку «Грюнер Вельтлингер», находим злополучный торт и осторожно скользим к кассе. Вроде бы чисто, облегченно выдыхаем в маски.

На парковке выживаю из сумки телефон и обнаруживаю, что нас раскрыли. Дворами пробираемся к общежитию и, пока завариваем чай на кухне, слушаем возмущенную речь нашего руанского юриста про нарушение конституционных прав и свобод. Сочувственно киваю (возмущение по поводу конституционных прав и свобод — пройденный период, весной 2020 года мы бурно переболели

этими настроениями). Параллельно пишу сообщение Рубену, в котором обещаю прочесть дамам последнее мекленбургское постановление насчет карантина. Вслух, с переводом на английский и русский. Кстати, в одной из версий это постановление насчитывает восемьдесят одну страницу. Конечно, мы читаем его от корки до корки. Мы вообще девушки серьезные.

В какой-то момент Рубен выкупил иронию, и мы сошлись на том, что у давних знакомых могут быть свои тайны. Теперь можно было открыть окно, протащить через него на балкон кухонные стулья, нарезать торт, разлить вино, выкинуть лишние мысли из головы и начать судорожно обновлять интернет-страницу с результатами теста. Снова позвонил приятный голос, с которым мы общались ранее. Он уверенно предположил, что результаты придут к девяти вечера и доверительно пожаловался на то, что официальный рабочий день уже закончился, а фактическая работа — еще нет. Искренне посочувствовав собеседнику и успокоившись после очередного обновления страницы, возвращаюсь на балкон — салютовать бокалом автотранспорту, ловить в стекло фонарные блики и неторопливо разговаривать о жизни. Слишком хорошо, чтобы длиться долго.

Так и оказалось. Вечер «перестал быть томным», когда в своем неумеренном энтузиазме Рубен накопал информацию, что никому из нас нельзя переступить порог карантинной квартиры, пока у всех проживающих на руках не окажется отрицательного теста. Сначала мы скисли, потом провели панельную (в силу особенностей архитектуры дома) дискуссию.

Следующее утро закольцевало композицию последних дней и вернуло нас в ту точку, когда пришлось подключать еще пару ответственных знакомых, чтобы всем вместе повиснуть на линии оперштаба. На этом беспокойства не кончились — в коридоре показался долговязый завхоз нашего общежития, открыл четвертую (последнюю) комнату в блоке и принялся в ней шуршать. Мы высыпались из кухни и выяснили, что к нам на карантин поделят еще одного студента.

— Получается, как только кончатся наши две недели, мы сядем еще на две? — пытаюсь подобрать слова так, чтобы не звучать совсем отчаянно. — Нам ведь придется дожидаться счастливого момента, когда у всех соседей окажется отрицательный тест на руках.

— Теоретически да. — Завхоз выползает из-под кровати и, выпрямившись, вырастает до потолка. — Но я вас все равно вышвырну раньше. В ноябре у меня новые договоры на эти комнаты.

Задержанные новостями и короткими гудками телефона (линия оперштаба занята), мы по стенке перебираемся обратно в кухню и печально завариваем еще по пакету чая. В домофон позвонила Алина, принесла продукты. В коридоре ее осенило:

— А почему бы не попробовать позвонить на тот номер, который нам уже звонил?

Оливия вернулась из комнаты с телефоном, и на шестом гудке трубку снял... Кто бы вы подумали? Герцог Мекленбургский. Тот самый приятный голос, тоже когда-то был студентом, а теперь работает допоздна, несмотря на то, что рабочий день заканчивается всегда вовремя. И да, этот номер личный, лучше звонить на рабочий. У вас нет рабочего? Минуточку... Да, последние цифры — 6 и 4, все верно. Документы можно прислать коллеге, вот его мейл. Завтра у герцога выходной, но коллега будет на месте. Да, можно прийти к 10:00, назвать номер страховки и сделать повторный тест.

Стоит ли говорить о том, что через день мы снова наблюдали с балкона, как зажигаются фонари и звезды? Стулья второй раз попросились гулять, на подоконнике опять нарисовались бутылка с жидкостью соломенного цвета и праздничный торт. Тесты оказались отрицательными.

Таким манером мы доползли до субботы. Вечером словили чемоданное настроение, обсуждая детали переезда на постоянное (не карантинное) место жительства. Переезд планировался со скрипом, зато на столе был марципановый штollen раньше Рождества. Под какао очень даже ничего.

Но что это за звук? В замочной скважине повернулся ключ. Похоже, бежать за масками в комнаты поздно. Вероятно, образовавшаяся на пороге незнакомка подумала то же самое.

— English, — то ли спросила, то ли авторитарно предложила она, прикрывая рот ладонью.

Мы хлопнули глазами — не в ответ, а чтобы проверить, не померещилось ли.

— Я помогаю одной студентке по обмену, — торопливо пояснила гостья, — и хотела бы сделать пару кадров обстановки, чтобы послать фотографии.

Сказала — и прошмыгнула в коридор. Следуем за ней.

— Когда приезжает ваша студентка? — интересуемся мы.

— Через два-три дня, что-то такое. — Гостья неловко отводит взгляд.

За ее спиной вырастает молодой человек, глаза в пол. Откуда взялся?

— Понимаете, если она приедет со дня на день, то мы вряд ли отсюда выйдем. Ведь нам придется ждать, пока у всех на руках будет отрицательный тест...

«Двое из ларца» виновато улыбаются и вылетают на лестницу со словами:

— Have a nice weekend!¹

— Gleichfalls!² — парировали мы.

Ошалело переглядываемся. Вот жизнь! Все упирается в тест. Благо вчерашним днем карантин для студентов официально отменили.

Выученная бездомность

После переезда на новые квартиры, точнее в общежитие, с новыми соседями мы не ужились. Я обычно тихо сижу, а они партийные от слова *party*³. Соберутся пачкой на кухне, включают колонку, залипнут на какой-то видеозапись и ржут. Выхожу из комнаты — ржут. Захожу — аналогично. Каждую среду одно и то же. Иногда к средам пристегиваются вторники, как на этой неделе. Тогда встает со скрипучего стула — глаза в кучку, губы в ниточку — и начинаешь отжиматься от пола, лишь бы от злости на стенку не полезть. Ржание заглушает даже непонятную муху или осу. Она, почуяв горящую свечу (такая розовая ерунда с ядерным запахом), влетела вечером в окно и жужжит то в потолочной лампе, то у меня над ухом. Если не можешь выносить ситуацию, выноси из ситуации себя, думаю я, и вылезая бочком из комнаты, стараясь не снести этажерку с крупами и стопки невымытых тарелок. Хлопаю входной дверью и с ужасом представляю, как через несколько часов придется снова бороться за пространство с группой незнакомых, несознательных и нестерпимо громких людей, из-за которых ковидничать не хочется.

На улице туман, пронизывающий ветер и морозно-тепловозный дух — как будто закинули угля в топку. Циплет ноздри, кусает уши. Въежившись в

¹ Хороших выходных! (англ.)

² И тебе того же! (нем.)

³ Вечеринка (англ.).

Так выглядело наше общежитие

воротник, дохожу до все еще открытой пекарни, спрашиваю улитку со штрейзелем. Улитка, как ей положено, ползет медленно. Подгоняю ее кофе, то и дело опуская стаканчик на скамейку напротив памятника университетским отцам-основателям. На скамейке крест-накрест наклеен пластырь — это был бы красивый знак, но я не умею его читать. Стою и почти бездумно растягиваю момент собственной бездомности, дышу плоским пробником мужского парфюма с шарфа — достался за просто так, претенциозен и пуст, но носить его бывает полезно: на пару часов хотя бы отбиваешься от себя, вроде как водишь себя за нос.

На брусчатке у денерной лежит монетка, бросаю ее в кошелек. На прошлой неделе похожая монетка выпадала из моего кошелька: неизвестный бегун в старых японских кроссовках, похожий на одного венского клавишника, не рассчитал денег на пиво и выложил кассиру сумму за жидкое содержимое, забыв про залог за тару. Атлетам в японских кроссах надо помогать, особенно если просят — они свои. Такие жесты мне по зубам. Обрываю мысль, выхожу на улицу Гуннов к библиотеке. Конец бездомности, живем и работаем.

Скорбные элегии и письма с Понта

Есть такое немецкое «Авито» — Ebay Kleinanzeigen. Местный филиал лавки древностей разворачивает свою самобранку прямо у вас дома, ввалившись через открытое окно в браузер. Вот они — плюсы перевода всего нужного и ненужного в цифру, думаю я, в очередной раз забывая в строку поисковика известный адрес и надеясь на чудо. Чудо не заставило себя долго ждать: в разделе «Verschenken & Tauschen» («Отдам даром & обменяю») господин Лоренц, проживающий на Вулканштрассе, отдает коробку учебной литературы по греческому (не древне-, а ново-, как раз то, что нужно мне для учебы) языку. Некоторые пособия из коробки мне давно хотелось положить себе под руку в бумажном виде — до принтера здесь шагать и шагать, за печать платить и платить, а от компьютерного экрана под вечер глаза болят так, как будто они не скользили по буквам, а толкали их. Как те коварные двери, которые то ли расположением ручки, то ли профилем приглашают открывать их «от себя», в то время как сами открываются «на».

Из-за обилия автомастерских Вулканштрассе ассоциируется с Гефестом. Непременно в рабочем комбинезоне, с гаечным ключом в пупырчатой монтажной перчатке и лицом мостостроителя под шапкой рыбака. Несмотря на гаражи и шины, район вокруг Вулканштрассе, что называется, «вкусный»: в русле простой, но добротной застройки текут улицы, набившие мне оскомину в прошлый приезд, — шутка ли, каждый день морозить на них уши, катаясь на ранний семинар! Теперь эти улицы тянут из памяти солнечные кадры, кажется, даже отснятые не мной, довоенные, втиснутые в уголки, нарезанные из открыток.

Шагается хорошо. На ходу рисую себе портрет хозяина отдаваемых даром книг — еще одно развлечение досужего наблюдателя, заменившее мне петербургские кофейные штудии и укрепившее зависимость от интернет-барахолки (αὐά, αὐά! — увы, увы!). Квартира на Вулканштрассе, имя и фамилия Герхард Лоренц. Вероятно, ежегодный отпуск на греческих островах Кефалония, Корфу, Крит, полуостров Кассандра, Халкидики. За ним выплывают пособия и словари — желтые Лангеншайдты и зеленые Понсы. В сумме эти характеристики дают... заслуженного пенсионера.

Без пяти минут десять жму кнопку напротив нужной фамилии и, «замаскировавшись», лечу вверх по лестнице на коврик квартиры на третьем этаже (по нашим понятиям, на четвертом — цокольный этаж в Германии первым не считается). Дверь открывает дедушка, и мое предположение подтверждается. Пока я рассматриваю содержимое коробки с книгами, господин Лоренц интересуется, для чего они мне и как я дошла до жизни такой. Выясняется, что наши языковые поиски похожи: клубочек замотался на греческих островах. «Мы ездили отдыхать в Грецию каждый год, на протяжении двадцати лет, — рассказывает Лоренц, — потом в какой-то момент решили учить язык... жена решила. Да, в книгах кое-где остались ее карандашные пометки». «Это ничего», — отзываюсь я, но чувствую, что в плотно сплетенную корзинку ребер просыпалась плохо вытряхиваемая грусть. За греко-немецкими графитовыми глоссами в пособии «Ἀκού να δεῖς» («Послушай-ка!») мелькнул женский профиль... или мне показалось? Взгляд упал на стопку осиротевших журналов «Лиза» или что-то в этом роде: лежат, номер к номеру, смирились с переходом в другие руки. «Для кассет вам, конечно, понадобится проигрыватель... ну, найдете, наверное. Вы же сможете донести коробку?»

Смогу, конечно. Сначала через железнодорожную ветку. Потом, если получится, через границу. Перевес перевесом, но пока руки не перестают тянуться к страницам. Особенно к тем, по которым прошлись искатели до меня, обронив ключи-отгадки в (не)случайных местах. Я ведь подберу — с детства все подбираю и тащу, зря взрослые ругались.

Разгрузив коробку в центре общежитской комнаты и расхлопнув ноутбук, нахожу в профиле на Kleinanzeigen новое сообщение от господина Лоренца. Он желает мне всяческих успехов в изучении греческого, оставляет контакт учителя жены и свой мобильный номер. Это неожиданно, трогательно и... невесело. Сижу на полу среди мягких и твердых переплетов — грустная русская девочка, «изучает культуру одной страны, сидя в другой, родившись в третьей, и при этом не ноет», как отметил на днях один мой товарищ. Все не так. Ноет. Вернее, смахивает слезку.

Грайфсвальд — Франкфурт. Арми из Армении

— Когда брала билеты на ночные поезда, не думала, что будет такая толпа, — говорю случайному спутнику, сопровождающему меня (скорее, мой чемодан) на пути от перрона 15 до перрона 7 в Нюрнберге.

— И я не думал, — отвечает он, глядя на меня снизу вверх (к счастью, на главном вокзале Нюрнберга исправные эскалаторы), — а еще не думал, что попутчики окажутся такими громкими.

— И щедрыми на крепкое словцо.

— А что он говорил? Я мало того, что в наушниках сидел, так еще и без линз.

— Он сказал: «Я отрежу тебе голову и засуну твой сраный телефон тебе в жопу».

— А... точно, было такое.

И не такое было. Я закопалась в бумажках и не заметила, как в нашем поезде появился этот громкий персонаж. Точно после Лейпцига. Этот город был перелистан к моменту, когда на соседний ряд кресел грузно опустилось черное пальто и громогласно обозначило начало разговора:

— Извиняюсь!

Отрываю голову от кривых пунктирчиков — перевожу блокадных авторов на немецкий — (пять стоп, шесть стоп, пять стоп, шесть... стоп!) и наблюдаю в метре от себя огромное бульдожье лицо. Мозолистые пальцы, выпущенные из фланелевых манжет в клеточку, вертят зажигалку.

— Извиняюсь! Не знаете что? Вена, Мюнхен?..

— Поезд идет до Вены, — говорю.

— Знаю. Что сейчас?

— Был Лейпциг, а дальше... не помню. Не слезу, если честно.

— Лейпциг знаю. А что сейчас?

Пожимаю плечами. Собеседник не отстает:

— Первый раз добираюсь не на машине. Права... того, купил билет, первый класс, там никого нет. Тебя как зовут?

— Лина.

На две трети меня действительно так зовут.

Дальше черное пальто пускается в непрозрачный экскурс о польских поддельных визах, их стоимости и разновидностях. Потом неожиданно прерывается и спрашивает:

— Муж есть?

«Никогда такого не было — и вот опять!» — думаю я, вставая в кресло и судорожно прикидывая, куда деваться, если вдруг что.

— Только не говори, что мусульманин! — угрожающе звучит собеседник, и меня настигает когнитивный диссонанс. Интонации восточные, говорит нареспев, а отрывистый, взрывающийся в ухе «k» произносит как будто поглубже, горлом.

— Нет, — хмурю лоб, — не мусульманин.

Собеседнику полегчало, он встает с кресла, подпирает спиной пластмассовое скругление туалетной стены и выдает:

— Детей сколько?

— Нет у меня детей.

— Потом будут. Два-три, да? Роди своему католику три — шесть, и тогда вся страна будет ваша.

Бесполезно разубеждать человека, доказывая, что страна не моя и католики здесь ни при чем. Впрочем, со стороны это все «сорта», как говорится.

Раз пять извиняюсь и демонстративно упираюсь глазами в текст. После очередного извинения странный собеседник несколько раз повторяет «работа, деньги, все ради денег», затихает и исчезает из виду. В туалете щелкает зажигалка.

После продолжительной круговой прогулки по двум этажам вагона второго класса (в первом никого нет, скучно) черное пальто умудряется повздорить с каким-то парнем. Тот говорит по-английски, а наш герой английского не знает. Ладно бы только это. Пострадавший, недолго думая, извлекает смартфон и начинает снимать происходящее на камеру. Читая одну и ту же строчку перевода по нескольку раз, медленно поднимаю челюсть с пола. Кроме реплик про засовывание телефона в причинные и беспричинные места, про то, кто, кого и в какой проекции любит, слышится закрученная тирада, состоящая из ядреного русского мата.

На этой волне мне вспоминается один гамбургский персонаж. Он подсел ко мне на автобусной остановке в Альтоне, начал разговор по-немецки, а потом назвал Тамарой (откуда он мог знать, что родители меня так чуть не...) и неожиданно выдал русскую матерщину. Стало не по себе.

В пять утра выхожу в Нюрнберге, чтобы пересесть на следующий поезд до Франкфурга-на-Майне. Ночной нарушитель спокойствия помогает мне вытянуть багаж в тамбур. Усиленно отнекиваюсь, хорошо понимая — это склад кастрюль и словарей, а не багаж. Помощник упирает на то, что дамам надо жалеть себя, и по ходу дела бодро сообщает, что зовут его Армен. Арми из Армении, супруга немка из Дортмунда, живут с детьми в Вене.

— Сраная Вена, почему так далеко?

— Красивая Вена, — возражаю, прокручивая в голове первые такты донаублау («Голубой Дунай» Штрауса).

Арми на днях исполнилось пятьдесят, а еще он недавно вернулся с войны. Он уже старый, чтобы воевать. Вся война из-за денег. Дочь спрашивает, зачем воевать.

— Но Армения моя страна. Германия тоже моя страна. В Германии нет войны, а в Армении война, значит, надо воевать, — заключает неравнодушный собеседник.

Глубоко вздыхаю. Двери открываются, Арми спускает мой чемодан на платформу и прощается:

— Хорошо тебе доехать, сестра!

— И тебе, — бывает проще на «ты», — хорошей поездки, — говорю я.

Из нашего вагона выходит молодой человек в черном, Армен останавливает его и выдает:

— Брат, ты католик, и я католик, помоги сестре-католичке! Ей тяжело. Не сможешь, я выйду из поезда и помогу. Но у меня жена в Вене, надо ехать.

Храни тебя Господь, Арми из Армении!

Эпилог

— И это все? — удивляется моя одногруппница, с которой мы встретились по возвращении. После учебы мы идем в булочную на Большом проспекте Васильевского острова, берем кофе, и я в красках пересказываю странные немецкие впечатления.

— Все, — вздыхаю я. — А что мне оставалось? Смотри, простая арифметика: первого октября я приехала, восьмого числа, в четверг, сдала повторный тест, на выходных меня выпустили из карантина. Пару недель все вроде шло по плану — начался аспирантский семинар в университете, я наконец-то дорвалась до библиотеки и набрала себе книг на все свободные вечера. Да что я все о книгах... встретилась со старыми знакомыми, даже в театр один раз — целый один раз! — удалось сходить. А потом...

— А что потом?

— Новая вирусная волна. Первого ноября всю страну посадили по домам. В ноябре было еще терпимо — библиотека держалась до последнего. Там хотя бы можно было спастись от раздражающих соседей. Но в начале декабря закрыли и библиотеку. По другим городам тоже особо не поездишь. Не думаю, что пассажиров строго проверяли, но мне было неловко кататься туда-сюда без серьезной причины — не по работе же путешествую. Вот и куковала в общежитии над материалами к диссертации (хорошо, что у грайфсвальдской библиотеки большой онлайн-каталог!) и пыталась продвинуться в изучении греческого. Помнишь, я начала учить его в августе?

— Точно, еще до твоего отъезда.

— Угу. Кстати, про отъезд. В конце января мне уже нужно было возвращаться в Россию, а карантин так и не сняли. Новые рейсы не пустили, а я так надеялась, что можно будет полететь через Берлин! Увы, пришлось снова потратить восемь часов на дорогу с севера на юг, чтобы из Франкфурта вылететь домой. И снова не спать из-за ночной пересадки в Шереметьево на Пулково. Вот и получилось в сухом остатке, что, кроме четырех суток дороги туда-обратно, плясок вокруг ковидного теста и попыток хоть как-то пообщаться с местными (хотя бы через их версию «Авито»), ничего интересного не вспоминается.

— Значит, учебы толком не было, новых контактов тоже, про поездки вообще молчу... — подытоживает одногруппница, поддев ложкой кофейную пенку. — Да уж... Но по диссертации-то тебе удалось что-то сделать?

— Удалось, — киваю я, — хотя тоже скорее не благодаря стажировке, а вопреки. Завтра на семинаре расскажу.

Володя ЗЛОБИН

ПОТАЕННАЯ ПРОЗА — ПРОЗА НЕЯВЛЕННЫХ ГРАНИЦ

«Потаенное» следует отличать от внешне схожих с ним «тайного», «спрятанного», «скрытого». Спрятанное сокровище означает лишь то, что где-то закопан клад, но потаенное сокровище — нечто иное, нежели зарытые кем-то материальные ценности. Потаенное таится по собственной воле, как может таиться человек, опасность, мысль и зверь.

В то же время у потаенного нет точной противоположности, ему нечего противопоставить. Антоним «явный» лишь подтверждает очевидность чего-то. В нем нет слоистости, это сброс оболочек, ядрышко, тогда как потаенное — стук в скорлупе. «Мы не будем противопоставлять явное тайному, мы отыщем более тайное, чем тайна: непостижимое», — писал Бодрийяр. То есть возможен мир как потаенный, так и непотаенный, но не какое-то антонимичное состояние в духе утопии и антиутопии. Тем самым потаенное хотя бы частично выходит из бинарных оппозиций, вечной игры или-или, оставаясь чем-то, чему нет ни эквивалента, ни противовеса.

Может, поэтому о потаенной литературе так мало говорили. Только в 1861 году в Лондоне вышел сборник «Русская потаенная литература XIX столетия», где Николай Огарев назвал потаенной литературой политическую словесность, утаиваемую от властей: *«Наступило время пополнить литературу процензурованную литературой **потаенной**, представить современникам и сохранить для потомства ту общественную мысль, которая прокладывала себе дорогу, как гамлетовский подземный крот, и являлась нежданно то тут, то там, постоянно напоминая о своем присутствии и призывая к делу»*.

В сборник вошли тексты демократического направления. Чуть позже, в 1864 году, Александр Герцен отметил: *«...потаенная же литература раскольников оставалась скрытой в лесах, в недрах общин, достаточно отдаленных, чтоб избежать двойного надзора — православной полиции и полицейской церкви»*.

Герцен назвал это «иной литературой», которая «не имела ничего общего с литературой просвещенной». Это, конечно, не так. То же основанное в 1694 году Выговское старообрядческое общежитие до своего разорения в середине XIX века обладало обширной библиотекой нововременной литературы, а отец «Поморских ответов» старообрядец Андрей Денисов учился европейской мысли в прозападном просвещенческом заведении. Для революционных демократов потаенное лишь заменило древнее понятие «отреченной книги», то есть литературы, таящейся от некоего надзора. У Огарева это литература исключительно

политического, а у копнувшего глубже Герцена — мшистого религиозного свойства. Герцен первым отметил, что потаенная литература как-то связана с тайными, даже темными делами вроде сектантства и дремучих народных дум.

Потаенная литература не жанр, а необходимость сохранения мысли от наказания, тогда как потаенная проза — свойство самого текста, безотносительно того, таится его носитель, угрожают ему или нет. Иначе можно было бы называть потаенными тексты, которые укрываются от постороннего взора в физическом смысле — в личных библиотеках, пыльных хранилищах древностей, литературных архивах. Условно это линия Николая Огарева, приведшая к тому, что потаенной литературой беспочвенно обобщили всю запрещенную, изгнанную, замолчанную литературу от царского времени до позднего советского самиздата. Линия Герцена развития не получила, но в ее определении потаенной литературой можно счесть протопопа Аввакума, чей корпус текстов в пору его четырехсотлетия до сих пор полностью не введен в оборот; проповедь бегущего инок Евфимия; «Виноград российский» Семена Денисова; тайные цветники Сергея Шелонина. К ней условно относится все русское религиозное разномыслие, частенько величавшее себя «потаенными христианами», тогда как Надзор называл их не иначе как «потаенным раскольниковством».

Стремление народничества XIX века безуспешно революционизировать сектантство вполне объяснимо. Вместе с тем значение потаенной литературы глубже политико-религиозной оппозиции и преследования за нее. Иначе к потаенным можно отнести марксистские памфлеты или эротические тексты того времени. Русскую эротику уже пытались величать потаенной¹, а Вальтер Бенъямин смог придать марксизму некую потаенную видимость. Однако потаенное несовместимо с чеканной конкретикой, иначе оно было бы очевидным. Недостаточно определять потаенное как таящееся от Надзора, или как смысл, противоположенный общепринятому, или как «темный разврат»², ведь тогда оно остается еще одним прилагательным.

Уместнее разделять потаенную литературу и потаенную прозу, то есть разномыслие скрытой литературы и жанровые свойства самого текста. В свою очередь, потаенный текст может быть как дикий, то есть описывающим таящиеся по своей воле вещи — какой-то ужас, сектантство, бой фиалки с машиной, так и предельно будничным, говорящим о нераспознанных значениях предметов. О потаенном можно писать как о хтоническом перелопачивании земли, а можно как о глухой печали. Ведь когда лопата с силой вонзается в почву, она может случайно рассечь червя.

Трудно выявить свойства потаенного текста. Не получается оттолкнуться от застывшего канона и, низвергая его, провозгласить что-то новое. Авангарду было физически необходимо иметь за спиной Золотой век, стихотворную порядочность которого требовалось опрокинуть. Без Пушкина было бы некого сбрасывать с «парохода истории». Отрицанию необходимо отрицаемое. То, что пытаются свергнуть канон, в случае успеха само им становится.

¹ Еще в долгой серии издательства «Ладомир» была предпринята попытка подвести теорию под маргинальную традицию русской литературы. Но даже при таком взгляде потаенное осталось либо скрытой областью обценных текстов, либо характеристикой гениального автора. «Для современного сознания потаенный автор — это неизбежно автор гениальный, решающим образом влияющий на поколения последующих писателей, о чем их неосведомленный поклонник может даже не догадываться». См.: Русская потаенная литература. Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова. — М.: Ладомир, 1992. — Т. 1. — С. 15. Для этой серии потаенное значит не более чем фривольное. Оно не подвергается какой-либо разработке, оставаясь простым обозначением.

² Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные. Собр. соч. в 15 томах. — Л.: Наука, 1989. — Т. 4. — С. 244.

Неожиданное свойство потаенного текста в том, что он стоит в стороне от этих баталий. Он часть культуры, но это под-культура, мир корней и переплетений, хвой, гумуса и чернозема. Почвенно ли потаенное? Нет, оно подпочвенно. В любой грамматической конструкции потаенное всегда подлежащее. Это под-слой, подложка, то, что на шаг ниже найденных троп. Нечто знакомое каждому грибнику. Когда, ступая по лесу, чувствуешь, как под ногами прогибается что-то прелое и наслонное. Будто внизу сокрыто многообразие подлинной жизни, покой которой ты нечаянно потревожил. Кому как, а потаенному под землей хорошо.

Потаенное эндогенно. Без него нельзя помыслить как культуру верха и низа, то есть пространство иерархических ценностных отношений, так и современную неориентированную культуру, равнозначный хаос множественности и неистинности. При этом ни одна культура не в силах полностью описать мир — все предпринятые попытки оказались неполны. Отступая, ледник культурного метода оставлял лакуны, камни и тайники, нагроможденные определения которых до сих пор бросают такую тень, в которой, как верили крестьяне, самозарождаются грибы. Чем сложнее культурный ландшафт, тем больше в нем укромных мест, где вызревает потаенное. Оно присутствует и под иерархией, и под знаком, и будет присутствовать в зачеловеческой будущности. По этой причине потаенное не может быть всерьез революционизировано или, наоборот, изгнано. Оно есть, покуда есть неравномерность культурного опыта, а значит, трещины, пустоты, сукровица и желваки. При этом потаенное не стоит понимать как подлинную, но сокрытую реальность, одухотворяющую пихту и пчелу.

Вера в то, что истоком творчества является некое Великое Скрытое — Бог или нечто бессознательное, — была частью модернистского канона. Вписывая потаенное в тот же ряд, заявляя, что без него невозможно чистое бытие, пришлось бы согласиться с тем, что потаенная проза должна стремиться к тождественности, непременно и точно выражать то, за что поручились Бог и земля. Это бы вступило в противоречие с «неявностью границ», предполагающих взаимопроникновение одного в другое, следовательно, невозможность тождественности. Потаенное является не равенством при всех значениях переменных, а неким переходом границ, у которых пропал часовой. Тождество обозначается тремя черточками, а потаенность — переплетением черт.

Какие тексты можно счесть потаенными?

Вынося за скобки такие основополагающие памятники, как Коран или Упанишады (древнеиндийские трактаты, являющиеся дополнением Вед. — *Ред.*), следует уточнить, что в потаенном нет места кураторству. В него нет порога вхождения, тут никто не подмигивает. Из-за неявности границ потаенное трудно упорядочивать и копить. Тем потаенное отличается от бессознательного, которое попытались присвоить некоторые сюрреалисты. Присвоить право на потаенное — все равно что объявить своими все грибы в лесу.

Тем не менее о потаенных текстах придется говорить на примерах. Иначе можно попасть в ловушку метамодернизма, который на вопрос о «предмете» гордо вытаскивает свой единственный и потому затасканный артефакт — «Бесконечную шутку» Дэвида Уоллеса.

Отечественная филология нарекала потаенными ряд художественных произведений. К ним относятся «Доктор Живаго» Бориса Пастернака, «Счастливая Москва» Андрея Платонова, «Повесть непогашенной луны» Бориса Пильняка, позднее творчество Владимира Тендрякова, тексты самиздата и тамиздата.

Столь разные произведения объединяет то, что они оказались под запретом властей. Некоторые из них остались в истории лишь по этой причине. Лекало Огарева — потаенное есть то, что запрещено Надзором. В качестве обходного маневра потаенной литературой называли текст, которому привито важное внешнее значение — политическое, утопическое, эскапистское. Так произошло с русской религиозной философией, чьи положения воспроизвел ряд знаковых текстов XX века. Но с тем же успехом такую прозу можно назвать благовестной, религиозной, сокровенной, тайной, душевной, сокрытой, сердечной... В данном контексте «потаенный» не несет дополнительной коннотации. Это вновь прилагательное.

Андрей Платонов в рукописях часто использовал слово «затаенный», но у него все-таки своя, не обязанная проза, «грусть роста и надежды на еще несбывшееся будущее». В центре внимания Платонова сокровенные думы сердца, а потаенные сюжеты вроде «Ивана Жоха», где переплелись старообрядцы-бегуны, скопческий скит, тайный царь и Гражданская война, все же редки. При этом Платонов достигает потаенных пластов незаметнее, чем Андрей Белый в искусственном «Серебряном голубе», где речь идет о народной хлыстовской секте. Чудаковатые Тютень и Витютень всегда ближе к потаенному, чем отточенные интеллектуальные построения.

Само по себе говорение о потаенном наименее важно и ненужно, ибо потаенное — не аффект. Ему нет нужды впечатлять. Это не ярмо с игрушками. Куда значимее использование пограничного языка, который сам по себе, исходя из своих скрытых семантических свойств, может выявить таящиеся в вещах значения: *«Воцев подобрал отсохший лист и спрятал его в тайное отделение мешка, где он сберегал всякие предметы несчастья и безвестности. “Ты не имел смысла жизни, — со скупостью сочувствия полагал Воцев, — лежи здесь, я узнаю, за что ты жил и погиб. Раз ты никому не нужен и валяешься среди всего мира, то я тебя буду хранить и помнить”»*³.

Платонов показывает, что язык потаенного может быть как искажен, неправилен, так и вполне современен, когда канцелярщина и бюрократизм подвигают «уйти в даль земли». Потаенное не стесняется своего истока, оно может неожиданно намочить. Русский шизофреник-праведник Сергей Шишкин, ведущий апокалиптическую литературную летопись⁴, любит употреблять выражение: «Так лежал». Так — это как? Предельно непонятное и очень ограниченное выражение «так лежал» ничего толком не сообщает, но при этом невероятно точно и как-то само собой представляется в голове. «Так лежать» — это, развалившись на диване и свесив ногу, тихо глядеть в потолок. Как говорится: уже да, но еще нет.

Часто потаенной прозой считается ряд полузабытых текстов мистического свойства, чья малоизвестность нередко принимается за их качественность. К их числу относятся «Лафертовская маковница» (1825) Антония Погорельского, «Пламень» (1913) Пимена Карпова, «Оборотень» (1961) Владимира Померанцева, «Шатуны» (1966) Юрия Мамлеева. Тексты этих авторов объединяет мистический сюжет или хотя бы его интонации. Вполне очевидный кот-генерал

³ Платонов А. Котлован. Текст, материалы творческой истории. — СПб.: Наука, 2000. — С. 23.

⁴ Сергей Шишкин ведет дневниковый блог «Такой день», в странной манере документируя каждый день своей жизни. На основе этой летописи был поставлен театральный спектакль, а также написана книга «Убить Бобрыкина» Александры Николаенко. Несмотря на очевидные параллели и заимствования, по каким-то причинам писательница так ни разу и не упомянула источник своего вдохновения. А зря — вопреки скрытости, потаенное всегда на виду. См.: <https://vk.com/public59204337> (дата обращения: 11.04.2023).

из «Маковницы» сменяется неочевидным, но ясно-зловещим Шатуном. В великом не-романе «Пламень» сектанты разыскивают Солнца Града, а странники встречают «радость земли в потаенном доме». Детектив «Оборотень» начинается с жуткой казни в отдаленной Сохатовке: вора накрепко привязывают к оленю и отпускают животное в лес.

Скрытое, потустороннее, неявное в таких текстах находится в фокусе, его рассматривают, им упиваются. Оно доступно для исследования и подается как неожиданный вспрыск жизни, вытесняющий человека в другое, скрытое от него пространство. Потаенное понимается как что-то этнографическое, жаждущее описания. Но потаенное не перечисляют. В него падают и оступаются: «А знаете, вот я упал, и такие тут какие-то вещи... корни, кусты...» Потаенное есть только дуновение, неясное указание, тонкий намек, смутная уверенность, что истина где-то рядом. Один из главных вопросов, обращенных к потаенной прозе, это: «Было или не было?» Перечисленные тексты отвечают на него «Было» и показывают, как именно, вводя леденящие душу подробности. Потаенный текст говорит — и было, и не было, особенно — не-не было. Что-то парадоксальное, как у протопopa Аввакума, который предлагал «сечь несекомое»⁵.

На этом перегное произрастает темная литература, тянущаяся от американского писателя Говарда Лавкрафта к стае крысиных хвостов иранского философа Резы Негарестани. Его роман «Циклопедия» вещает с позиции великого скрытого — черноты ближневосточного Сгустка — ведущего бой с силами солнечного капитализма. Нефть выступает в романе как разумная сущность, таящаяся в песчаных недрах. Она демонстрирует разрозненность истинно тайного — многими глотками, многими телами, оккультно, научно, эпистолярно и неантропологически. Нефть — первородный кукловод мира сего, сросшийся с современной цивилизацией. Поэтому «очевидно, что Буш и бен Ладен — петрополитические марионетки, дергающиеся в такт хтоническим шевелениям Сгустка». Литературная важность Негарестани — в крошке стилей, регистров и голосов, в откровении, что поры могут быть ртом, тогда как сам замысел наследует фантастическому роману «Фантомы» Дина Кунца. Это литература формы, надругательства над конвенциональными высказываниями, расковывание логики и сбор нечеловеческих повествований. Всякое разложение пугает — как непредвиденно может сгнить тело, целостность, нарратив! Это литература удивления, поражающаяся тому, какие неожиданные свойства можно извлечь из переплетений нефти и тишины, грибка и млекопитающего, спермы и минерала.

Рассматривая пищеварительную прозу Томаса Лиготти, закрученность «Спиральи» Дзюндзи Ито, подробные исчисления Юджина Такера и посторонние феноменологии Дилана Тригга, можно задуматься, нечеловечна ли потаенная проза? Напротив, человечна, слишком человечна! В ней нет ничего удивительного.

Страх потаенного — не страх иного. Это ужас обыденного, которое не было прежде замечено. Это камень, у которого есть спина. Или походка самоубийцы, который должен нести мысль о смерти осторожно, как кувшин⁶. Тогда как передовая литература перформативна, маргинальна, раздроблена, заточена на болезненность и инаковость. Ее героя не поколеблет ни одно событие, он уже

⁵ См.: Памятники истории старообрядчества XVII в. // Русская историческая библиотека. — Т. 39, кн. 1, вып. 1. — Л., 1927. — С. 625. Разумеется, данный текст не призывает ни к трифеизму, ни к тому, что протопоп Аввакум разделял его положения. Это лишь размышления о методе потаенного.

⁶ Розенштрам А. Зелик. — М.: Август, 2002. — С. 11.

изменен, конечная станция только слизь. Поэтому читать такое неинтересно, как неинтересно ехать куда-то в стоящем поезде. Оттого современные тексты так быстро забываются и так вечны сказки и мифы. Самое приятное, что может быть замечено по поводу потаенного метода: «В этом нет ничего нового».

В «Рассказах Ляо Чжая о необычайном» Пу Сунлина лисицы ходят среди людей. Для того чтобы узнать о них, достаточно получить письмо: «Мне передавали со слов цзинаньского Хуай Лижэня, что господин Лю Лянцай — потомок лисицы...» Рассказы Ляо Чжая отличает потаенный язык, не дающийся даже самому блистательному переводу. При этом произведения Пу Сунлина были доступны как образованным китайским интеллектуалам, силящимся различить их бесконечные отсылки, так и простонародью, которое захватывали простые сюжеты. Потаенное не элитарно, а повсеместно. В «Убике» Филипа Дика оно прячется в хранилищах посмертного существования. В «Отце-лесе» Анатолия Кима служит переходом между действительным и отвлеченным, реалистическим и мифическим. Из назидательных рассказов позднего Тендрякова понятно не только то, что хлеб можно убить как животное. В них потаенное уходит при малейшем идеологическом нажиме — мессианском, гуманистическом, обличительном. При этом уже не имеет значения, что прежде ты понял все: «*Я всего-навсего прохожий, который переходит улицу в положенном месте. Но когда нет рядом милиционера... хочется перебежать*»⁷.

Отдельно нужно размежевать потаенную прозу с эзотерикой любого рода. Примечателен текст Романа Михайлова «Улица космонавтов», где один из героев спрашивает у товарища: «Если бы у тебя была большая белая простыня, что бы ты с ней сделал?» Тот напряженно думает, а потом с облегчением выдает: «Я бы ее распротал». Очень потаенный вопрос и не менее великий ответ. Сразу следует спросить еще кое-что важное: покупают ли арбуз одинокие люди? Но в остальном повесть лишь мучительно-избыточное перечисление юродивых, перебор которых подобен перебору четок. Потаенной прозе всегда грозит перетяжение, ее лучше недописать, чем переписать. «Открыл глаза, увидел стену дыма в солнце и небо мартовское и к стене повернулся. Богач», — удовольствовался малым сказочник Борис Шергин. А воющий как волк дьган, подвалы с карликами, провидцы-децэпэшники, вочеловечившаяся собака... — это все точки. Если точек много, они становятся узором, а узор можно прочесть, увидеть, откуда он начинается и куда ведет. Значит, за ним можно следовать, его можно ткать и владеть, владеть, владеть...

Отсюда географичность любой эзотерики. Это мистическая наука о пересечении океана эфира, дотошное картоведение как собственного тела, так и других тел. Как внутреннего мира, так и внешней Вселенной. Это прояснение и детализирование, пусть даже приводящее к полному растворению, к истинности простого листа. А значит, понимание мира как кода, места непротиворечивого взаимодействия всех частиц, отчего возможна надоевшая случка с постструктурализмом, попытка описания космоса. Далее либо неудача, либо катарсис: «Нищие остались там, сидеть и тупить на свои слюни, а ты завладел пароходами и надел белые штаны». Не удовлетворяет именно заявка на описательность, на полное развертывание мира. Это операционистский взгляд, инженерия, когда: «Бытие

⁷ Тендряков В. Неизданное. Проза, публицистика, драматургия. — М.: Художественная литература, 1995. — С. 115.

меняется не грубой силой, не огромным покрывалом, оно меняется символами... <...> Вопрос только в верных точках, в верных взглядах»⁸. Мир как большая клавиатура, по которой можно выстучать индуистское IDDDQD.

Если представить картографию мха, грибов, ряски, нетовцев и бегунов, скольжение духовного Антихриста, линию бороды Аввакума, излом паучьих ножек, бег ирландского кружева, циркуляцию радения, то есть всего того, что можно отнести к потаенной тематике и в то же время вынести куда-то вовне, — какая получится графика, какая карта? Картография — один из ключевых моментов ризоматичности. Карта измеряет пространство для того, чтобы его можно было удержать глазом или рукой — куда идти, где находишься, горы впереди или лес. Но кто ходит с картой по грибы? Такой карты нет и никогда не будет. А если будет, значит, ничего уже нет.

Потаенное близко, а значит, достижимо. В этом достижении оно становится неявным, неотличимым от простых вещей. Потаенное суть погашенное желание, удовольствие, которого больше нет. Но оно точно не карта и не отмеченное на ней сокровище.

Суть потаенного точно уловил Михаил Елизаров в романе «Земля». Протяжный долгий текст приводит героев в павильон для братвы «Ивушка», где под бесконечный «Учкудук» посетителям в уши свистит некий Леша Крикун. Потаенность не в том, как юродствует уголовник, не в скрытом нахождении «Ивушки», даже не в ремесле скобаря-крикуна, а в круговерти «Учкудука», идеально подобранной песне, на повторе закольцовывающей что-то очень важное: «Учкуду-у-ук!.. Три-и колодца-а!.. Защити!.. Защити!.. Нас от со-о-онца-а!..»⁹ Таким образом, потаенное — предельно обыденная вещь, показанная даже не с неожиданной стороны, а просто показанная.

Мастера художественного слова могут поставить вопрос о потаенном настолько прямо, что его очевидность сбивает с толку. Таков «Потец» Александра Введенского, где сыновья допытываются у умирающего отца о том, что такое есть Потец. За неологизмом скрывается нечто большее, нежели «холодный пот, выступающий на лбу умершего», а именно возможность установить смысл вообще. Сыновья, камлающие у отеческого одра, будто нарочно не замечают, что смысл слова «потец» ясен из его вопрошания — это алхимическое соединение «пота» и «отца». Раз отец умирает, то потец — это пот покойника. Суть потаенного всегда рядом, она заключается в самих словах. В этом его коренное отличие от абсурда или бессмыслицы — потаенному не нужно сгущать, выдумывать и переставлять, его достаточно найти и нащупать. Потаенное обыденно и очевидно. Потому заметить его столь сложно.

Ряд литературных теорий XX века стремились представить мир иначе, чтобы в нем по-иному представлялись вещи. Но если формализм использовал метод отстранения, потаенная проза использует метод прислонения. Отдаление и переименование уступают место приближению и прикосновению. «Так умирал Ерусалим / И камни делались камнями»¹⁰, — уход мистического можно передать одним и тем же повторенным предметом. Смысл прислонения в сокращении расстояний, когда объект остается практически неизменным, но из-за приближения расширяется до размеров вселенной. Понять метод можно на примере текстов воспоминаний о блокадном Ленинграде, в частности дневника блокадницы

⁸ Михайлов Р. Ягоды. Сборник сказок. — Individuum, 2019. — С. 312.

⁹ Елизаров М. Ю. Земля. — М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. — С. 781.

¹⁰ Строка из стихотворения Сергея Калугина «От Бога до Земли».

М. В. Машковой: «Вначале очень остро воспринималось: зашатается, упадет человек на улице, пройти равнодушно не можешь, стараешься поднять, поддержать. Позднее поняла, что самое большое — можешь прислонить к стене дома, где он неизбежно умрет, ведь “скорая помощь” умирающих не берет. Таких падающих с каждым днем становилось больше и больше, падали на мостовой, на панели, в булочных, магазинах, учреждениях. Уже не было сил поднять и прислонить к стене, и я стала проходить равнодушно»¹¹.

Прислонение — это когда обыденное становится невозможным. Разрастание повседневности до предельных значений. «И я стала проходить». Потаенное лишь прислонение к бытию, упор плечом. Нащупывание чего-то близкого, живущего рядом. Как в случайном отрывке из Михаила Кузмина: «Веник и мочала. Вещи простые, даже неказистые. И сколько счастья под ними скрывается, да что веник, что мочала! Только при входе в предбанник люди, которым доступно истинное понимание, охвачены бывают предчувствием... предчувствием...»¹². Предчувствием, говорит Кузмин! Предчувствием...

Самое большее, что можно сделать в потаенном тексте, — это что-нибудь прислонить. Соотнести простые, невыдуманные значения, увидеть тот тайный брак, в котором состоят вроде бы безродные вещи. В сборнике Александра Олесюка «Камыши» бездомным в костюмах конфет снятся «кусты сирени и вечный май», а на ветхом, скрипучем Volkswagen из российской провинции могут ездить «бойцы RAF Ульрики Майнхоф, агенты Штази, сектанты-молокане из Орегона или семья Лехи-кровельщика»¹³. В повести «Зелик» Александра Розенштрама о трагедиях за чашкой чая сказано, что всю жизнь можно жить в ожидании веника. То, что разных писателей волнуют разные веники, отнюдь неспроста.

О потаенном можно говорить апофатически (отрицая все определения. — Ред.), долго отшелушивая истину. Но было бы новое утомительное вытаптывание позиции, откуда вновь что-нибудь бы сказали. Какая может быть позиция, кроме желания залезть в коробочку и притихнуть? Какая может быть оптика, если у потаенного есть зрачок, в зрачке — колбочка, в колбочке — туман, а в тумане — вопрос «Что надо?».

К текстам о потаенном лучше относиться как к определению сторон света по мху. Вопреки представлениям, это занятие с весьма неожиданным результатом. Может — север, может — юг, а может — и не мох.

Насколько слово «потаенный» могущественно, настолько и не востребовано. Его подробный разбор стал бы авторитетным упоминанием каноничных имен от Ключева до Дионисия Ареопагита. Но потаенное может жить без них, как те общие вещи, которые существуют без объяснения взрослых. Мы все всегда знали о потаенном. Просто не замечали его.

Так что же такое потаенная проза? Это проза неявленных границ, а значит, цветов, микологии, вершков-корешков, проза быга, наитий и того поверхностного натяжения, благородя которому водомерка скользит по воде.

¹¹ Машкова М. В. Из блокадных записей // В память ушедших и во славу живущих. Письма читателей с фронта. Дневники и воспоминания сотрудников Публичной библиотеки, 1941—1945 / сост. Ц. И. Грин, Г. В. Михеева, Л. А. Шилов. — СПб., 1995. — С. 39.

¹² Кузмин М. Печка в бане // Аполлон-77. — Париж, 1977. — С. 193.

¹³ Олесюк А. Дом со львом // Урал. — 2021. — № 7. — С. 115—129.

ЛИХОЕ «ЛИХО» КИРИЛЛА РЯБОВА

К р у г л ы й с т о л

В свое время Сергей Чупринин выпустил книгу с названием «Критика — это критики». Оказалось, что эти слова применимы ко всей современной литературной практике. Критика действительно приобрела черты как субъективности, так и субъектности. Практически не осталось авторов, которые «обслуживают» тот или иной конкретный журнал или издательство. Сегодня критик — «вольный стрелок», произвольно выбирающий для себя жанры, авторов, темы и площадки, на которых он говорит с читателем.

Но свобода высказывания имеет и свою оборотную сторону. Исчезает пространство дискуссии, читатель сталкивается с набором мнений и суждений, слабо связанных между собой. Это приводит к фрагментации литературного процесса, тогда как одна из основных и неизменных задач критики — нахождение точек пересечения.

К редким исключениям следует отнести Лабораторию критического субъективизма, созданную известным современным критиком Анной Жучковой. Лаборатория объединяет авторов не по эстетическому, а тем более не по идеологическому принципу. Ее главная задача — создание возможности свободного обсуждения, обмена мнениями. Важным представляется не усредненное высказывание о конкретном авторе или тексте, а выявление позиций и взглядов коллег по критическому цеху, которые естественно различны, а в чем-то и противоположны.

Нам кажется, что читателям журнала было бы интересно увидеть «изнаночную» сторону работы авторов, своего рода литературно-геодезическую «полевую практику» по составлению топографической карты современной русской литературы.

Заканчивая вступление, отметим еще два момента. Во-первых, практически все имена критиков, принимавших участие в обсуждении, хорошо знакомы нашим читателям по выступлениям на страницах «Сибирских огней». Это свидетельство того, что журнал является органической частью современной литературной жизни. Во-вторых, и это, наверное, самое главное, если подобный формат работы вызовет интерес, то редакция готова его продолжать и развивать.

Обсуждается сборник «Лихо» (издательство «Городец», 2023) Кирилла Рябова — одного из лидеров современной молодой прозы. Книги Рябова «Пес» (2021), «777» (2021), «Фашисты» (2022) широко известны читающей публике. В 2022 году «Фашисты» вышли в финал «Нацбеста», набрав самое большое число голосов.

Участники обсуждения: Михаил Гундарин, Сергей Диваков, Анна Жучкова, Елена Сафронова, Андрей Тимофеев, Михаил Хлебников, Василий Ширяев.

Анна Жучкова. Говорят, настоящий Кирилл Рябов начался с романа «Пес». Однако при чтении «Пса» мне было очень не по себе. И когда коллеги по Большому жюри Нацбеста-2020 Михаил Хлебников и Аглая Топорова написали, что это отличная книга, я подумала: так, что-то со мной не так. Но благодаря обсуждению в ЛКС, на котором Алия Ленивец сказала, что текст Рябова очень питерский, потоковый и написан очень добрым человеком, я вдруг смогла увидеть его по-другому. С тех пор — чем больше читала Рябова, тем более светлой и радостной становилась для меня его проза.

В последний год сложно было читать художественную литературу. Но вышло «Лихо» — и я полночи провела с книгой, пока не дочитала. А утром встала — и начала ее с начала. Чувствовала, что благодаря этому тексту возвращалась энергия, что снова *стоило жить — и работать стоило...* Давайте, дорогие критики ЛКС, поговорим о «Лихе»? Какое чувство/настроение оно вызывает у вас?

Михаил Хлебников. Всегда, когда читаю Рябова, у меня приподнятое, светлое настроение.

В свое время в журнале «Иностранная литература» вышел роман Генри Миллера «Тропик Рака», в предисловии к которому Норман Мейлер сказал: «Мы читаем эту книгу, книгу боли, грязи, низости, и нам почему-то становится хорошо». Это формула, видимо, не только Генри Миллера, но и Рябова...

Считаю, что начиная с «Фашистов» Рябов вышел на новый уровень. И его новые вещи ждешь — они рябовские, опознаваемые, но не стандартные.

Михаил Гундарин. Я соглашусь. У Рябова ампула питерского хулигана, такого, что Достоевского читал, но все равно матом изъясняется. Но если в каких-то вещах предыдущего периода он слишком стал на это ампула работать, то здесь действительно настроение было хорошее и позитивное. И понятно почему, потому что во все трех вещах сборника «Лихо» есть хеппи-энд.

Анна Жучкова. И с котом из повести «Лихо» хеппи-энд?

Михаил Гундарин. И с котом. Хеппи-энды разные бывают. «Приглашение на казнь» Набокова тоже хеппи-эндом заканчивается. Или «Град обреченный» Стругацких. Помните, чем заканчивается «Град обреченный»? Ты перешел на следующий уровень. Так и здесь.

Елена Сафронова. Не могу согласиться. Абсурд для меня никогда не создает позитивного настроения. В абсурде я вязну. Хеппи-энд у Стругацких, когда ты перешел на следующий уровень и впереди еще худшие испытания, — это очень своеобразный хеппи-энд. Позитив примерно такой же, как в стихотворении Михаила Светлова «Рабфаковке»:

Мягким голосом сон зовет.
Ты откликнулась, ты уснула.
Платье серенькое твое
Неподвижно на спинке стула.

А впереди костры и «братство больших могил». Ну вот что-то подобное.

Андрей Тимофеев. У меня было легкое раздражение. Читаешь: ну и что дальше?

Елена Сафронова. Тут даже не «ну и что дальше?», а просто «ну и что?»». Я себя на этом ловила... Думаешь: что еще автор придумает, чтобы развивать свой изначальный странный посыл? Какого-то глубинного смысла я не увидела...

Сергей Диваков. У меня создалось скорее позитивное настроение. Несмотря на чернушную подоплеку, на то, что с героем постоянно происходят вещи, которые ввергают его в яму. Абсурд задает этому всему иной угол зрения — и произведение воспринимается как анекдот, который отстраняет нас от действительности. Ведь если в анекдоте с персонажами происходит что-то плохое, мы не воспринимаем это в негативном контексте, потому что у нас есть пресуппозиция, с которой мы на все это смотрим.

Все три произведения сборника мне понравились в разной степени, а их окончания я воспринимал не как хеппи-энды, а как попытку открытого финала. Но не везде это удалось из-за того, что автор переписал чуть дальше, чем следовало. Не поставил вовремя точку.

При этом очень быстро все прочиталось — одним махом. И не было ощущения бульварности, как бывает с литературой, которая быстро читается, но потом угнетает ощущением зря потраченного времени.

Василий Ширяев. Читать приятно. Но я не очень понял героя. Так как я постоянно живу в деревне (поселок Вулканный на Камчатке. — *Прим. ред.*), мне показалось, что это зарисовки из жизни каких-то новых городских племен. У нас совсем другое отношение к животному миру и вообще к миру. А здесь — какие-то новые городские туземцы. Как бы магический, колдунский момент.

Но идея тут есть. У нас на Камчатке, например, это может прочитываться не как абсурд, а как реализм. У нас медведи убивают людей каждое лето. И люди убивают потом медведя. Так принято. У Рябова ничего не сказано про судьбу медведя, который задрал директора. У нас бы сразу стал об этом вопрос: что сделали с медведем?

А кот меня лет двадцать назад чуть глаза не лишил. Были ведь и средневековые процессы против животных. Мне эта вещь Рябова кажется очень американской — там коты будто бы могут иметь юридическое лицо, адвоката, деньги. И, соответственно, кот может привлекаться к уголовной ответственности. Как у нас на Камчатке привлекаются медведи.

С другой стороны, в «Лихе» человек живет ради кота. Тоже идея — что мы живем ради кошек. Кошки — это наши хозяева. Второй рассказ, по-моему, не зря назван «Живодерня». «Живодерня» и «Лихо» составляют диптих: в первой части человек живет ради кота, а в «Живодерне», наоборот, поставлен в положение животного. От него требуют писать тексты, как от коровы требуют давать молоко. Это неестественно, что корова находится постоянно в лактации. И все животные, которые у нас на службе, куры эти несчастные, коровы — они все в неестественном положении. А тут в такое положение поставлен человек, который дает товар в виде букв и слов.

Анна Жучкова. А Ростислав Амелин тогда живет ради муравьев. Он чудесно описывал, как кормит домашних муравьев в туалете, чтобы они жили с ним в симбиозе, не ходили на кухню, не лазили по столам и не было нужды их травить.

Михаил Гундарин. Амелин чисто московский человек. И разница между Питером и Москвой в этом примере очень хорошо отражается. Питерский

философ Секацкий ругает человечество, что к животным оно относится лучше, чем к людям. Видимо, это питерская тема.

Хотя я тоже считаю, что однозначная любовь к кошечкам, котикам и т. д. — это абсурдно. И у Рябова это показано. С одной стороны, можно подумать, что это какая-то политическая сатира, а на самом деле я с Василием согласен: пора уже с этими кошками и собаками что-то делать. Да здравствует антикотиковая революция!

Елена Сафронова. У Дудинцева была история, как в новосибирском Академгородке художник кормил таракана по имени Ксаверий. Правда, когда художник бросил пить, он казнил Ксаверия и всех остальных тараканов, обитавших в его квартире.

Михаил Гундарин. Михаил Хлебников, как там у вас в Новосибирске?

Михаил Хлебников. С тараканами у нас все хорошо. А Михаилу предлагаю подать заявление, стать работником отдела Ч, ходить по квартирам, искать домашних животных, описывать и даже заработать какие-то деньги.

Михаил Гундарин. А почему, кстати, у Рябова отдел Ч? Как считаете?

Михаил Хлебников. В принципе, может, и не почему. А может, четвертый отдел.

Елена Сафронова. У Орлова в «Альтисте Данилове» время Ч — когда героя вызывала демоническая служба наверх. Для всех человекообразных демонов, которые жили на Земле, время Ч было самым страшным.

Сергей Диваков. Ч — чипирование. Недавно же как раз ввели обязательный учет всех домашних животных.

Михаил Гундарин. Или Ч — человек, то есть отдел по защите человека от животных.

Василий Ширяев. Ч — чистка, очистка: «котов душили, душили...»

Анна Жучкова. Тема животных очень важна, да. Ведь и главный герой — Выдрин. Как бы не совсем человек и при этом «маленький человек», как Вырин у Пушкина. Вообще, главный герой Рябова — принципиально не Герой. А как бы пустое, общее место. Остальные персонажи проявляются через него, а сам он не переходит границу событий, не совершает чего-то такого, чтобы измениться или изменить мир.

Михаил Хлебников. Выдрин — как Самсон Вырин — маленький человек, который абсолютно страдателен. Кирилл поймал очень хороший прием. Если разобраться, главные его герои и не герои вообще. Они лишены оригинальных черт. Там психология около нуля. Но при этом как-то очень хорошо у Кирилла получается описывать героев второго и третьего плана. Благодаря этому возникает эффект жизнеподобия. Когда главный герой не укрупняется искусственно, а становится, по сути, одним из действующих лиц. Потому что здесь каждый может быть героем. Начиная от завуча, прекрасного нарисованного, до других персонажей. Особенность дара Кирилла — умение несколькими чертами, штрихами рисовать фигуры. Они возникают и исчезают.

А главные герои — статические. Они ничего не могут изменить. Они плывут по течению — и возникает ощущение некой константы и благостности. Жизнь идет. И вдруг ты понимаешь, что не все так и плохо в ней. В отличие от учителя рисования, от бывшего футбольного вратаря, ты-то можешь в своей жизни что-то сделать, напрячь волю. Что-то может у тебя получиться. А герои Рябова — абсолютно в духе немого кино двадцатых, которые выпадают из окон, повисают на стрелках часов и т. д. Эта особенность делает Кирилла в какой-то степени

уникальным. Вот это умение делать второстепенное главным, а главное — второстепенным.

Анна Жучкова. Нотабене. Мария Тухватулина, молодой поэт, сказала: поэзия — это такая оптика, которая меняет важное и второстепенное в жизни. Теперь понятно, почему проза Рябова кажется такой близкой поэзии.

Михаил Гундарин. Герои в «Лихе» и «Живодерне» разные. Вообще, это герои-аутсайдеры, но Выдрин немного не таков. Ведь само слово «выдра» — это древнейшее индоевропейское слово, объединяющее многие языки, и оно тесно связано с водой. Вода и выдра — однокоренные. И Выдрин — как вода, он течет, согласен в этом с Михаилом. Течет, перетекает, обтекает все препятствия — и находит какой-то выход из ситуации. Вода, как известно, принимает любую форму, и Выдрин принимает форму тех ситуаций, в которых находится. Может, беда прежних героев-аутсайдеров в том, что они сопротивлялись, пытались как-то трепыхаться, а вот Выдрин течет, обтекает — и вытекает из скудельного сосуда, куда он попал. В этом и есть — хеппи-энд!

При этом, действительно, он несамостоятелен. Как вода, он лишь отражает, лишь обозначает контуры ситуации. И это хорошо. Потому на воду всегда приятно смотреть. И приятно сидеть на берегу реки и видеть, как мимо проплывают трупы твоих врагов.

Сергей Диваков. А мне кажется, странность героя в том, что он не пытается подняться над ситуацией, переосмыслить ее с критической точки зрения. Подумать, что такой ситуации быть не может. Он воспринимает ее как есть — и не сомневается в реальности ареста кота или гибели директора школы от лап медведя, несмотря на абсурдность этого. А пытается найти адвоката, идет в отдел Ч, чтобы что-то выяснить... Раз ему сообщили, значит, так оно и есть. Сказали сначала, что один ученик повесился, — ну, значит, повесился. Сказали, нет, другой, — ну, значит, другой.

Но в этом проявляется и психологическая достоверность, потому что мы тоже зачастую воспринимаем информацию некритически. Большинство людей живут по принципу: я уже нахожусь внутри ситуации, значит, я действую в ней, а не пытаюсь изменить ее саму. И в этом ключ к кажущемуся бездействию героя. Ведь кардинально можно что-то понять, только сменив саму ситуацию.

Анна Жучкова. Это похоже на «Процесс» Кафки: герою говорят, что он виноват, и он начинает действовать внутри ситуации. Но в итоге К. проигрывает, теряет личность, имя и умирает как собака. А наш герой, получается, по версии Михайлов, выигрывает. Почему? В чем разница с кафкианским подходом?

Сергей Диваков. Разница в том, что у Рябова абсурдность ситуации — это симулякр. Абсурдность возникает из... языка. Например, подмена человеческих понятий ментозом: «это не кот, а сожитель».

Это черта нашей литературоцентричности. Так, в царской России цензура запрещала слово «прогресс»: раз мы не будем писать «прогресс», значит, не будет революционных событий. Сейчас нельзя писать слово «фронт», можно — «линия соприкосновения». И если мы назовем кота сожителем, то ситуация сразу меняется — просто оттого, что поменяли слова. Язык формирует реальность. И все ситуации, которые возникают в «Лихе», начинаются с того, что одно понятие меняется на другое, и от этого вдруг раскручивается ситуация.

А что касается фамилии. Действительно важно, что она животная. Потому что текст о животных. И самый простой ключ в том, что Василий говорил: у кого вообще больше прав, у кота или у Выдрины?

Анна Жучкова. Да, у Рябова часто вопрос «что есть человек» подан через метафору животного. Например, если мужчина перестает быть человеком, он ассоциируется с псом. Один из лейтмотивов его поэтики.

Елена Сафронова. Столько тезисов прозвучало. Все достойные и имеют право на существование. Но я, например, не вижу принципиальной разницы между «Процессом» Кафки и «Лихом», потому что, на мой взгляд, и там, и там прописаны ситуации, из которых личность (и маленький человек, и даже большой человек) не может выйти, потому что это не предусмотрено условиями игры. Разница, наверное, только одна. Извините, Кафка был шизофреником, а Рябов, насколько мы знаем, вполне здоровый, адекватный, успешно социализированный человек. И то, что для Кафки могло быть выплеском боли и следствием имманентных страданий, для Рябова явно литературная игра. Так что, когда он прописывает ситуацию, аналогичную «Процессу», но с поправкой на время, условия и страну, он, на мой взгляд, делает политическую сатиру. Абсурд очень часто используется как политическая сатира. По-моему, перед нами именно она, причем во всех трех произведениях сборника.

Михаил Хлебников. Мне показалось, что по составу книга не совсем сбалансированная. «Лихо» — вещь самая сильная. К «Живодерне» есть некоторые вопросы. А последний рассказ — подвис. К этому рассказу явно надо что-то еще, другие рассказы, чтобы они встроились в какой-то ряд, целостный образ. У Кирилла есть талант к коллажу, пазлам, мозаике. Поэтому один рассказ в сборнике — это как-то странно. В сборнике повестей представлен еще и рассказ...

Но это вопрос, видимо, к тому, кто управлял созданием сборника. Я так понимаю, у Кирилла есть некоторый набор текстов, написанных раньше или позже, и он пытается их комбинировать. В «Фашистах» (издательство «Ноократия») это получилось идеально, а вот здесь некоторая разбалансировка. Но тем не менее тексты все равно интересные, а «Лихо», наверное, даже удача автора.

Елена Сафронова. Согласна с Михаилом — рассказ повисает. Но не потому, что он тут один, а потому, что у него достаточно эксцентричная даже для Рябова задумка, концепция. Он очень специфический.

Но зато там родители «умыли» весь процесс отечественного образования, поставив на место воспиталку. И их в какой-то степени можно считать победителями.

Михаил Гундарин. Возражаю! Воспиталка молодец. Я как работник образования горячо ей сочувствую. А родители злодеи. Назвали ребенка Гитлером. Для хайпа всё делают, ребенку жизнь портят, да еще и шатают нашу систему образовательную.

Елена Сафронова. Я не говорю, что они молодцы. Я сказала, что они в выигрыше — и единственные в этой книге, кого можно представить как победителей. По логике Рябова.

Вообще, насчет этого рассказа у меня вопросы те же, что у воспиталки. Я, честно говоря, не понимаю, как такой рассказ в книге мог выйти в наших-то условиях. Может, кто-то потом еще за него получит.

Михаил Хлебников. А в чем в этом рассказе крамола? Скрытые смыслы, подрывающие безопасность нашей страны? Я не увидел ничего экстраординарного. Рассказ и рассказ.

Михаил Гундарин. По-моему, остроумно.

Елена Сафронова. То есть можно назвать ребенка во имя нацистского преступника и сказать: «а мы назвали его в честь художника»? И чтобы это расценивалось как аргумент, а не как фига в кармане? Не знаю, мне неудобно.

Андрей Тимофеев. Мне кажется, абсурд — главная черта всего текста. Второстепенные персонажи тоже в каком-то смысле абсурдны. Абсурд — это оптика самого Рябова, не как героя, а как автора.

Отличие от Кафки в том, что Кафка выражает экзистенциальный ужас своего поколения, а Рябов просто играет, на мой взгляд.

А по поводу главного героя... Михаил очень точно сказал, что Рябов одной чертой, двумя-тремя репликами показывает второстепенных героев — и образ получается очень хорошо. Другое дело, когда ты выписываешь главного персонажа. Тебе нужно глубоко в него погрузиться, дать больше, чем пунктирный образ. Вот это, скорее всего, Рябов не умеет. Не может. Оттого возникает специфическая оптика утекающего главного героя. Героя без черт. Героя, похожего на камеру, а не на персонажа. Может быть, это специфика, но как по мне — некая недоразвитость.

Василий Ширяев. Тут, да, действительно, герой-камера... Как в американских сериалах, где на каждые пятнадцать минут приходится какой-то поворот, событие, действие. И у Рябова на каждой странице должно что-то произойти: или повесится кто-то, или директора сожрут, или соседка пьяная пойдет. Тут не герой, а аватар в компьютерной игре — через него мы смотрим в этот дурацкий мир...

Михаил Гундарин. Я согласен с Андреем, это, конечно, текст игровой. Более того, что такое «Лихо» с точки зрения жанра? Есть такой популярный абсурдистский мотив: отсчет покойников. Кто ж не помнит детского «садистского» стишка, использованного Агатой Кристи: «Десять негрятят пошли купаться в море, один из них утонул, купили ему гроб, и их осталось девять...» Продолжил эту считалочку Хармс, у которого тоже все помирают. Ну и у Питера Гринуэя есть знаменитый фильм «Отсчет утопленников». У Рябова именно поэтому текст называется концептуально — «Лихо». Сколько у него там народу-то помирает? Это, конечно, игровая вещь. Ее нельзя назвать реализмом. То, что у Хармса занимает страничку, у Рябова — повесть. Соответственно, надо чем-то освободившееся место набивать. И туда он загребает, что под руку попало. Ловко загребает, но на самом деле без особого социального или какого бы то ни было смысла.

Мне очень понравилась рассчитанно смешная сцена — реплика героя, обращенная к алкашам: а у меня кота арестовали, и их ответ: пусть ни в чем не сознаётся! Но искать реализм, смотреть на мир через героев этой повести — немного странно, словно смотреть на мир глазами десятого негрятенка. То есть это все относится к разряду литературных опытов, литературной, достаточно виртуозной игры. Поэтому хеппи-энд, что здесь намеренный парадокс: последний негрятенок, вопреки канону, уцелел.

Михаил Хлебников. Но все-таки не будем забывать, что Рябов — писатель русский. Миссия смеха в англосаксонской литературе и русской совершенно различна. Если в англосаксонском мире смех — это способ смягчения ужаса, то русский смех — это еще и способ примирения с миром.

Мне кажется, сквозь абсурд у Рябова эта ласковость и пробивается. И рождает то самое примирение с жизнью. Чего, кстати, нет ни у Кафки, ни в черном американском юморе. Там все заканчивается гибелью, причем гибелью приземленной. А у Рябова что-то мерцает, можно выбраться. Поэтому, на мой взгляд, здесь есть и оптимизм, и какое-то жизнеутверждающее начало. Кстати, название повести «Лихо» — это существительное или наречие (лихо — быстро, дерзко)?

Рябов — русский писатель. Во всех смыслах. И, мне кажется, он соразмерен нашему времени. Рябов — художник наших дней, которому присуще странное

соединение переходов: то, что вчера еще было ненормально, сегодня становится привычным, а завтра нормой. В этом плане у Кирилла большое будущее.

И очень хорошо, что Кирилл Рябов нашел свой формат — формат сборника. У нас писатели заставляют себя романы творить, чтобы «остаться в русской литературе». Кирилл свои романы уже написал. Плохие они, хорошие — вопрос другой. Теперь он почувствовал себя свободным и пишет, как ему хочется. Романы в русской традиции — это некоторая тяжеловесность. Легко написанный русский роман — оксюморон. Где и кто его когда-либо встречал? Даже если пытаются писать вещи светлые и смешные, как Ильф и Петров, все-таки это не совсем так. А вот у Кирилла получилось.

Василий Ширяев. «Лихо» — это, во-первых, Башлачев. А во-вторых, лихо, по-славянски, это демон, бес. В-третьих, это лишний человек. Новая инкарнация лишнего человека в русской литературе.

Лично мои ассоциации, в чем параллель последнего рассказа, где родители дают ребенку имя Гитлер, с первой повестью, «Лихо», где кот — священное животное. У меня знакомая, у которой ребенок очень долго, уже года три или четыре, не может заговорить, называет его котом. И это распространено, это не диалект. Через какое-то время до меня дошло, что с иврита котан — это маленький, малой. Сокращенно кот.

Елена Сафронова. Я рассматриваю все вещи Рябова, вошедшие в данную книгу, как политический гротеск. И не вижу оснований выйти из этой парадигмы, хотя коллеги предлагают очень интересные мнения. Но тем не менее, по-моему, все-таки Рябов написал сатиру. В какой-то мере я это приветствую. Потому что такое сатирическое жестокое гротесковое преломление реальности мне в чем-то кажется более здоровым, чем слащавость и пафос. В этом смысле Рябов не то чтобы молодец, но, может, идет более верным путем. В историческом в том числе масштабе. Наверное, когда-то это будет восприниматься адекватным эпохе. Не зря мы сегодня так часто упоминаем Хармса. Хармс отразил свою эпоху, хотя тоже был шизофреником, как Кафка.

Но на что сатира в последнем рассказе, я не вполне понимаю. Меня вообще этот рассказ слегка взбудоражил. В том числе и с политической точки зрения. Я из семьи репрессированных и этого не скрываю.

А что касается второй повести, «Живодерня», она нашла во мне человеческий отклик, потому что в какой-то мере я узнала себя. Человек. Безработный. Ищущий. Мыкающийся. Находящий всюду от ворот поворот. Встречающийся с какими-то странными предложениями: то мошенническими, то неправдоподобными. Это, к сожалению, про наш мир. Те, кто пытался заработать, будучи безнадежным гуманитарием, безусловно, это понимают. Единственно, что здесь не вполне правдоподобно, это то, почему постороннего человека пытаются заставить быть именно писателем. У меня возникло ощущение, что, может, Рябов имел в виду кого-то конкретного — хотел кого-то продернуть или на издателей сделать злобный шарж, не исключаю.

«Живодерня», конечно, очень жуткая во многих смыслах, но почему-то в ней мне видится наиболее человеческий, даже гуманистический посыл.

Михаил Гундарин. Мне понравилась «Живодерня» гораздо больше, чем «Лихо». У нас с Василием позиции противоположные. Не с точки зрения оценки, тут мы, думаю, во многом сходимся. Но с точки зрения методологии. Василий — поклонник герменевтического метода, я — социологического. То, что стоит за текстом, что сквозь текст просвечивает — социальная метафизика или какие-то контуры социума, — несоизмеримо важнее для меня, чем разговор о

писательском умении. С этой точки зрения мне «Живодерня» и понравилась. В этом анекдоте очень много важных социальных тем.

Прежде всего, «Живодерня» строится на парадоксе. Все хотят быть писателями, было сказано. И только герой писателем быть не хочет. Но мы его заставим! То есть писательство, движение нашей, что называется, души, обобществляется, ставится на поток — и обесценивается. Это сатира, и очень ловкая сатира, на популярность современных писательских школ. Героя заставляют учиться писать, его унижают, бьют — и что же получается в итоге? В итоге получается прекрасная, концептуальная вещь. Я бы сказал, что сочинение этого бывшего футболиста, толстый роман, состоящий из одной буквы «АААА» — это есть идеальное метамодернистское произведение, позволяющее о нем судить и так, и этак. Это сатира метафизического, свифтианского толка — не говорю уровня.

Андрей Тимофеев. У Рябова всеобъемлющ абсурд — умение удивлять, неожиданность, постоянное ощущение, что тебя могут куда-то повести, куда ты не ожидаешь. Но абсурд бывает двух типов. Это, с одной стороны, Хармс, с другой — Платонов. Оба удивляют. Но Платонов бросает нас в бездны бытийные, а Хармс удивляет ради того, чтобы удивить. И здесь Рябов, конечно, ближе к Хармсу.

Другое дело, что статья Хармсом через сто лет после того, как был Хармс, значит не выразить эпоху, а скорее поиграться. Ощущение игры меня не оставляет — и текст в каком-то смысле обесценивает. Хотя я могу признать, что играет он неплохо. Ну, например, Выдрин-Мымрин — эта штучка дважды появляется в повести. Все переключки, отсылочки к текстам другим... Это все, с одной стороны, выглядит профессионально, типа человек владеет инструментом, держит нас в ситуации критической активности, а с другой стороны, мы видим за этим писательскую игру... Это не дает всерьез к этому тексту относиться.

Но Рябов умеет очень достоверно подавать ситуации общения двух людей, находящихся каждый на своей волне. Например, герой говорит: у меня директора медведь загрыз. Другой отвечает: да, у меня тоже так было — тестя загрыз, но, правда, кабан и не загрыз... Действительно, люди, когда общаются, часто реагируют не на реплики другого, а пытаются что-то сказать о себе. И Рябов это показывает очень точно, очень хорошо. Пожалуй, то, что меня заставляет почувствовать что-то живое и достоверное, — это вот этот самый прием.

Сергей Диваков. Подхватываю реплику Андрея. У меня тоже складывается впечатление, что это прием диалога глухих. Который отработан в драматургии: Грибоедов, Чехов. Абсолютно классические вещи, которые Рябов заимствует, накладывая на современность. Это работает, потому что такой психологический момент действительно есть.

По поводу игры. В таких текстах очень важно правильно соблюсти баланс — психологической и фотографической наблюдательности, реализма и абсурда. И «Лихо» мне понравилось гораздо больше, чем «Живодерня», потому что в «Живодерне» игра сильно перевешивает реалистическую составляющую. А в «Лихе», наоборот, больше реализма, а абсурдистская составляющая — соль, специя, чтобы мы острее смотрели на действительность. Если блюдо пересолено, получается плохо. И в «Живодерне» у меня не было человеческого отклика. Там много искусственного экшена. Такие тексты нужны, это круто, но они работают, только когда соблюден баланс.

Анна Жучкова. А такой мощный мотив смерти у Рябова — это баланс с жизнью в бахтинско-раблезианском ключе?

Сергей Диваков. Большое количество смертей — это чисто функциональный прием для разворота сюжета, как говорил Василий. При этом Рябов использует смерти тех персонажей, о которых мы ничего не знаем. И никакой жалости к ним у нас не возникает. Он не убивает никого из тех, с кем мы познакомились по ходу произведения. Единственный, кто немножко прописан, — один из следователей, на которого упал шкаф. Остальных мы даже в эпизодах не встречаем. Это просто поворотные механизмы. И поэтому, несмотря на кучу смертей, от текста не остается подавленного, стрессового впечатления, но каждая смерть дает определенный поворот сюжета, заставляя героя действовать, двигаться в каком-то направлении, подталкивая его.

Анна Жучкова. Смерть дает ход жизни.

Еще у Рябова важна тема мужчин и женщин. В каждом тексте они рядом, подталкивают друг друга к развитию. Даже сборники следуют друг за другом с чередованием: мужские «Фашисты» — и лихая, хулиганская «Цель». Важен мотив становления, самоопределения мужчин через женщин. В «Лихе» можно считать герменевтической подсказкой фразу, повторенную дважды, маленькому Выдрину ее говорит мама, взрослому — начальница: «Будь мужчиной, а не то я дам тебе пощечину». Одной этой фразой Рябов описывает гендерное состояние нашего общества и заодно отвечает на вопрос, откуда берутся «маленькие люди».

Михаил Хлебников. Очень верно сказано — нужен баланс. Не очень убедительна «Живодерня», потому что в «Живодерне» Кирилл перекрутил. Символизм там стал абсолютно картонным. Не зря появляются люди в масках, привет Леониду Андрееву. И ты читаешь и вдруг понимаешь, что это уже искусственно. Это уже придумано. И немножко вторично. «ААА» вместо романа где-то уже было. Этот Вертер уже был написан, как сказал бы Валентин Катаев. А в лучших вещах Кирилла абсурдистский реализм не вызывает отторжения.

И еще важно, на мой взгляд, почему Кирилл сейчас так важен и интересен. Потому что традиционный русский реализм, извод которого представлен в лице Романа Сенчина, оказался тупиковым. Я недавно разговаривал с молодыми людьми в библиотеке, где целая полка заставлена книгами Сенчина: очень аккуратно стоят, плотно, чувствуется, что никто особенно не тревожит их покой. Я говорю:

— Ребята, а почему вы не читаете Сенчина?

— Ну а что тут читать-то?

И это очень понятно. Потому что у Сенчина как бы жизнь, но не жизнь. Сенчин пытается убедить в том, что пишет реальность. А Рябов нарушает законы реальности, отчего его тексты становятся реальностью. И в этом та самая преобразующая сила искусства. Те самые мимесис и катарсис, которые срабатывают у Рябова. А у Сенчина не срабатывают почему-то. Хотя по накалу драматизма и трагизма Сенчин и Рябов недалеко друг от друга ушли. Но сенчинская звериная серьезность — сейчас всю правду жизни расскажу! — рождает чувство легкого недоверия ко всему этому. А Кирилл с его абсурдом, где-то игровыми моментами, впечатляет — и ты ощущаешь, что тексты Кирилла соположены нашему времени.

В любом случае сборник интересный, неровный. Но сложно требовать от автора, чтобы он выдавал сборники абсолютных шедевров. Видимо, в этом и смысл любого сборника: что-то является сильнее, что-то слабее. Дальше время все отшелушит. Что останется, мы знаем примерно. А это просто автор работает. Поэтому будем ждать следующей вещи Кирилла.

Подготовили А. Жучкова и М. Хлебников

Илья КУЗНЕЦОВ

ПОЭЗИЯ «РУССКОЙ ВЕСНЫ» КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Минувший 2022 год изменил не только геополитические реалии вокруг России. Он переключил внутреннюю жизнь России, ее самосознание и самым непосредственным образом перереформировал литературную карту России. Некогда бывшие на слуху имена в одночасье утратили свою актуальность. Ранее малознакомые, наоборот, засияли, словно подсвеченные показавшимся солнцем происходящей здесь и сейчас истории. Первой на сдвиг в жизни и обществе отозвалась лирика. Можно уверенно говорить о расцвете новейшей русской поэзии, звучащей даже не как эхо, а как сам голос сегодняшних событий.

«Моя сторона истории»

Рассмотрим последний сборник стихов Игоря Караулова «Моя сторона истории», опубликованный в конце 2022 года. Как поэт Игорь Караулов хорошо известен: за последние двадцать лет он опубликовал шесть сборников стихов, стал лауреатом Григорьевской премии и Волошинского конкурса поэзии, выступал как публицист. Но подлинная слава пришла к нему тогда, когда, по его собственным словам, лирическая муза «Эвтерпа сделалась валькирией // И сошла в окопный неуют».

С этого времени прежний поэтический опыт Караулову увиделся как устаревший, несовместимый с состоявшимся перерождением. О бывшем себе он признается: «Я тогда отслеживал новинки // дегенеративного искусства». И в этом же стихотворении говорит о персональном моменте истины, заставившем отвернуться от либеральной среды:

А когда они сожгли Одессу,
концептуализма корифеи,
и свою коричневую мессу
праздновали в каждой галерее,
и когда весенний Мариуполь
расстреляли рыцари дискурса,
тут-то и пошел во мне на убыль
интерес к их модному искусству.

Этот момент истины — расставание с ложными ценностями постмодернизма — пришлось пережить многим отечественным интеллектуалам, возвращенным на беспочвенных идеях конца XX века. Для многих из них

Обложка сборника
Игоря Караулова

нынешний военный конфликт стал толчком к пересмотру взглядов. Совсем свежие строки Игоря Караулова с предельной ясностью передают суть происходящего в душах современников:

Мы ушли на войну с лесбиянками,
с невидимками в белых пальто.
Против них не воюется танками.
Нужно что-то другое. Но что?
В это утро холодное, раннее
мы выходим с теньями на бой.
Предстоят нам котлы подсознания
и сраженья с самими собой.

Про такие сражения писал Федор Достоевский в «Братьях Карамазовых»: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». Сегодня в этой давно готовившейся битве, идущей внутри нас самих, проясняются взгляды и обретаются подлинные ценности. Тогда как памятные места реальных сражений обретают символические черты:

Пусть превратится Азовсталь...
в музей того, чем была Европа,
в музей псевдокультурной нечисти,
в музей поруганной человечности.

«Развод» миллионов россиян с Европой и ценностями глобализма обострил поиск русской идентичности, непрестанно ведущийся в поэзии Игоря Караулова. Еще в 2017 году поэт опубликовал стихотворение «Сон Ахилла», в котором сравнил нынешнюю войну с Троянской:

Снятся Ахиллу родные березки,
снятся вдали тополя...
Снятся отцово ружье и бахилы,
Рыжая грива коня...

Ахилл Караулова — это не мифологическое существо, а простой русский мужик. Он для нашего поэта и есть настоящий эпический герой... Такой прием, как придание Троянской войне универсального смысла, использовал в недавно опубликованном романе «Чагин» Евгений Водолазкин. В эпиграфе романа цитируется стихотворение Иосифа Бродского «Одиссей — Телемаку»: «*Мой Телемак, Троянская война // окончена. Кто победил — не помню*». Сегодня обобщающий смысл этого стихотворения оживлен Игорем Карауловым.

Что для нас означает «русское»? Во-первых, русская тема оказалась в принципе неотделима от военной. Одно из стихотворений Караулова, написанное нерифмованным вольным стихом, показательно называется «Победители»: «*Русские неплохие люди, // но у них есть одна отвратительная черта. // Они всегда побеждают*». Предупреждая о том, что следующая победа русских, возможно, станет роковой для всех, поэт обещает:

Останутся только люди
в Гималаях, на Килиманджаро.
Постепенно спустятся с гор,
Будут жить по новым заповедям.
Родить сына,
построить дом,
поставить памятник русскому.

Во-вторых, «русскость» обретается не умственным поиском, а дается по праву рождения. Она необязательно удобна для себя или окружающих:

Мысли такие злые,
хочется злого, злого.
Хочется одного слова,
и это слово Россия.
Злое, как хрен без свеклы,
горькое, как победа,
слепое, как наши стекла,
ослепнувшие от снега.

Издеваясь над привычной в европейском понимании оценкой России как страны рабов, как несвободного мира, Караулов точно указывает подлинную причину этого показного презрения к нам — зависть:

Только рабам — этот гордый простор,
только рабам — потаенные клады
волчьих лесов и медвежьих озер.
Злятся свободные: ну вы и гады.

Сейчас на Западе модно с опорой на конструкты из жанра фэнтези называть русских «орками» — Караулов не против.

Орки? Пускай себе орки.
Главное, не слабаки.
Орки спускаются с горки,
как пожилые быки.
Видят знакомые реки,
видят свои города.
Эльфы, мы с вами навеки.
Мы здесь теперь навсегда.
Будете орочьи песни
петь по весенним лугам.
Сами устройте пекло
всем вашим лживым богам.

Что же касается пресловутой свободы, то у Караулова именно война есть способ ее обретения, свободы от «содома, // что притворялся пластиковым раем». Поэт с удовлетворением констатирует: «Моя страна уходит на войну. // Вернее, на войну бежит из плена».

А еще Караулов напоминает национальный рецепт бессмертия. Этот рецепт не связан, как можно было бы предположить, с религией. Он заключается в активной гражданской позиции:

На войне убивают.
Раз, и нету бойца.
А в тылу умирают
просто так, без конца.
От какой-то истомы,
от предвестья беды.
От лимфомы, саркомы,
в общем, от ерунды.
Умирают нагими
на соседской жене.
На войне только гибель,
смерти нет на войне.

Смерть заводится в темных
и прохладных местах.
Обитателя комнат
соблазняет в мечтах.
Заползает по-змейски
обреченному в рот.
И бывает, от смерти
убегают на фронт.
Где стальные богини,
огневая страда.
Где зерно, что погибнет,
не умрет никогда.

Упомянутая в стихе сентенция намекает на Евангелие в преломлении Федора Достоевского. В целом понятие «русский» у Караулова обретает выраженную метафизическую природу:

Русские — это снова
встать и перебороть.
Русское — это слово,
что обретает плоть.
Если русские немые,
за них поют соловьи.
Русское — это небо,
в котором все свои.

Говоря про «небо, где все свои», поэт намекает на Царство Небесное, которое на нынешнем повороте истории оказалось близко от земли. В другом стихотворении, предметом которого стал разрушенный врагами поселок, сказано так:

Поселок был под ВСУ,
теперь над облаками,
и не приблизиться к нему,
и не достать руками. <...>
И каждый молод и любим
под новым небосклоном.
И рядом Иерусалим,
за влажным терриконом.

Лирика Игоря Караулова очень цитатна. Этот общий для искусства пост-модерна прием у поэта меняет свою функцию. У него цитата не повод для деконструкции, а строительный материал, из которого собирается та самая русская идентичность:

Позабывтое заново пройдено.
Что задумался, рыцарь на час?
Не с того начинается Родина?
Но с чего-то же надо начать.
Наконец, остаются Каштанка,
Белый Бим и собака Муму
и сидят у разбитого танка,
вопросительно глядя во тьму.

Ее создают память детства, любимые образы из книг и песен. Поэтому другое стихотворение Караулова начинается словами «Песня остается с человеком». А загадывая о неизбежной победе, он оживляет образ популярной песни Михаила Матусовского «Только несколько минут...»:

Но ты придешь, желанная красавица,
и я на миг застыну безъязыко,
когда ты так застенчиво представишься:
«Победа, или можно просто Вика».

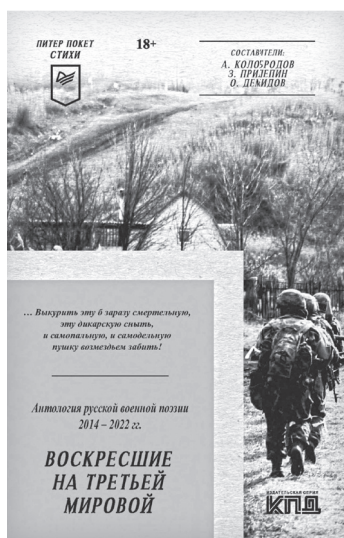
Стихи Игоря Караулова не только путем интертекстуальных переключек, но и тематически отсылают читателя к совокупному опыту российской военной лирики за последние сто лет. Когда поэт в связи с началом боев заявляет «*Нынче правды в мире стало больше, // и она на нашей стороне*», вспоминается начало поэмы Александра Твардовского «Василий Теркин» со строками: «*На войне... // Не прожить без правды сущей, // Как бы ни была горька*». Возвращаясь к теме свободы, заметим, что стремление к правде и радостной свободе, парадоксально обострившееся с войной, поэт разделяет с целым рядом своих предшественников. Например, Ольга Берггольц писала о жизни в блокадном Ленинграде: «*Такими мы счастливыми бывали, // такой свободой бурною дышали, // что внуки позавидовали б нам*». Давид Самойлов в стихотворении «Если вычеркнуть войну» писал: «*Ведь из наших сорока // Было лишь четыре года, // Где прекрасная свобода // Нам, как смерть, была близка*». Тогда как герои Бориса Пастернака в романе «Доктор Живаго» считали: «*Когда возгорелась война, ее реальные ужасы, реальная опасность и угроза реальной смерти были благом по сравнению с бесчеловечным владычеством выдумки и несли облегчение*».

К сказанному добавим, что интертекст Игоря Караулова отзывается и на ближайшее по времени и смыслу поэтическое окружение. Одно из его стихотворений начинается следующим образом: «*Я не знаю, где стоит Гагарин. // Где-то над Москвой*». После чего следует разговор с космонавтом. В военной поэзии он отсылает к известнейшему стихотворению Анны Долгаревой «Бог говорит Гагарину...». Таким образом, *военная поэзия, и в том числе лирика военкоров, сегодня представляют собой одно сформировавшееся течение, одно смысловое целое*. Это, как говорили русские филологи 1920-х годов, «литературный факт», входящий в историю русской литературы. В чем заключается историко-литературная специфика этого факта?

«Воскресшие на Третьей мировой»

Чтобы соблюсти логику движения от частного к общему, обратимся к недавно опубликованной антологии военной поэзии 2014—2022 годов «Воскресшие на Третьей мировой» под редакцией Алексея Колобродова, Захара Прилепина и Олега Демидова. Название антологии четко отражает ее замысел — речь идет о русском слове, русской поэзии и поэтах, интерес к которым резко обострился в военных условиях. Настоящая поэзия как самая чистая правда стала вновь востребованной. Один из составителей антологии Захар Прилепин по-своему развивает эту мысль: «*Вглядываясь в русскую историю, я вижу оправдание многим событиям собственно в литературе. В поэзии как наивысшей форме языка. <...> Значит, там была правда*».

В антологии приняли участие поэты разных поколений и далеких от официоза литературных объединений. Ее открывают стихи Владимира Алейникова, основателя нашумевшей в конце 1960-х годов ленинградской группировки молодых поэтов «СМОГ» («Смелость, Мысль, Образ, Глубина»). Из старейшин отечественной литературы участвуют такие поэты, как Александр Проханов и Олеся Николаева. Более молодое поколение стихотворцев представляют Андрей Добрынин, Виктор Пеленягрэ и Вадим Степанцов, составлявшие в 1990-е

Обложка книги «Воскресшие на Третьей мировой»

годы поэтический «Орден куртуазных маньеристов». Встреча на страницах антологии столь разных авторов свидетельствует о том, что чувства патриотического подъема и ответственности за судьбу родной земли сегодня разделяются российскими поэтами самых разных поколений и эстетических платформ.

Мария Ватутина формулирует присутствующий в самосознании участников антологии сверхответственный вызов фразой «*Слушай новых пророков своих*». Она рифмует, будто стреляет и снова заряжает оружие:

...моё стихотворение
 Не волшебная палочка, а тротил. <...>
 Оно — натиск и наступление,
 Вразумление дураку.
 Оно — служение
 Русскому языку. <...>
**Слово русское — материальное,
 Будет, как скажу.**

Ощущение субстанциальности русского слова — лейтмотив русской культуры, усилившийся в эпоху модерна. Он был сформулирован в стихотворении Анны Ахматовой «Мужество», написанном в разгар Великой Отечественной войны: «*И мы сохраним тебя, русская речь, // Великое русское слово*». Ахматова объявила слово главной ценностью русского мира. В данной антологии красной нитью проходит мысль, что русское слово — не просто материальная сила, а боевое оружие. Герман Титов соединяет в своих стихах гражданский и религиозный пафос: «*И горы двигает слово, // Когда прицельны слова*».

Составители антологии Алексей Колобродов и Олег Демидов отмечают, что вошедшие в нее поэты «наследуют в огромной степени... “солдатской песне”, заставлявшей самые разные идентичности и общности чувствовать себя русским народом». В единении народа перед лицом реального врага стирается различие между идейными взглядами людей. Так было в Куликовской битве, в Великой Отечественной войне, и так происходит сейчас. Об этом напоминают строки Олеси Николаевой:

С общей молитвой теперь ставят свечу
 За воинов — коммуниста и монархиста.

В другом тексте поэт трактует эту народную общность как надмирное богоданное единство:

И Ангел, выходя вперед,
 с размаха бьёт в кимвал,
 глаголя:
 — Это мой народ,
 Господь его мне дал!

Составители антологии отмечают, что большинство представленных в ней поэтов «объединяет одна очень русская эмоция (она же — важнейшая лирическая идея) о том, что у Бога мертвых нет и наши павшие продолжают воевать с нами бок о бок, одновременно являясь защитой живых и их небесным представительством». Иван Купреянов в стихотворении «Бессмертный полк» подхватывает

посыл «наши мертвые нас не оставят в беде» из песни Владимира Высоцкого «Он не вернулся из боя»:

Мёртвые и живые —
 Это один народ. <...>
 Если живые струсят —
 Мёртвые встанут в строй. <...>
 Будет из Рая вынут
 Снова Бессмертный Полк.

Образ Бессмертного полка в творчестве поэта становится современной вариацией Богочеловечества, к которому культура и искусство русского модерна стремились начиная с замечательного философа Владимира Соловьева (1853—1900). И у Николаевой, и у Купреянова эта тема уточняется как «Божий народ», однако истоки заявляемой общности лежат в модернизме. В этом контексте цитата из стихов Влада Маленко обретает сугубо национальную окраску:

По ком звонит колокол?
 По ком работает артиллерия?
 По Москве, сестра.
 По Сибири, брат.
 По России, друг.

Укрепляя народную, точнее, национальную повестку, Александр Пелевин обещает всем, кто продолжает с надеждой смотреть в сторону Запада:

Не будет вам никаких паспортов хорошего русского,
 Кто хороший, а кто плохой, не разглядеть из-за бруствера. <...>
 Что ж, времена лихие, и раз мы теперь плохие,
 Что ещё тут сказать?
 Слава России.

Действительно, что тут сказать? Точно сформулировал суть современного момента Максим Замшев: «*Наши окна в Европу давно превратились в бойницы*».

Россия — родина русского слова; им она и держится. Поэтому лирика, представленная в антологии, пронизана отсылками к образам русских поэтов и их творчеству. Поэт и литературовед Светлана Кекова соткала свой текст из отсылок к Александру Пушкину и Дмитрию Мережковскому:

Пусть сердцам тщедушным и малодушным
 угрожает пулей грядущий хам,
 нам нельзя молчать, потому что Пушкин
 отвечает новым клеветникам.

Алексей Шмелёв говорит о врагах: «*Они пришли не за тобой — // они за словом, // стихами Пушкина пришли, // Толстого прозой*». То и дело поэты антологии обыгрывают Блока. Например, Вадим Месяц насыщает свой текст цитатами из «Скифов»:

Мы помним все. Визгливый лад
 иуд, поющих из засады...
 Нам больше нечего терять.
 Товарищи, мы станем братья!
 О, сколько можно повторять:
 придите в мирные объятия!

Однако Дмитрий Мурзин справедливо замечает, что сегодня, в отличие от поэзии Серебряного века, образ Блока уже не звучит как голос эпохи. Он сменяется другим:

О подвигах, о доблести, о славе
Не стоит слушать разговоров Блока...
О подвигах, о доблести, о славе
Нам лучше разузнать у Гумилева.

Актуализация образа Гумилева в современной поэзии очень заметна, и это не удивительно. Именно на опыте Гумилева воспитывалась балладная лирика советской, в том числе военной эпохи, которая сегодня снова в заслуженной чести. «Экзотический романтизм, приверженность “музе дальних странствий”, эстетизация боя, опасности, риска и театрально-мужественная поступь, трагически оплаченные судьбою первого акмеиста, — были взяты напрокат... адептами тоталитарной романтики: от Н. Тихонова и В. Луговского до К. Симонова и А. Суркова (при этом явная образно-интонационная ориентация на долгие годы запрещенного предтечу тщательно скрывалась)»¹, — еще в прошлом столетии писала Татьяна Бек. Гумилева в антологии сочувственно упоминают или цитируют не только Мурзин, но и Олег Демидов, и Семен Пегов. Образ Гумилева стал парадигматическим для пишущих о войне, особенно в среде военкоров.

Максим Замшев, как уже цитированная Олеся Николаева, отмечает, что различие между коммунистами Великой Отечественной и подвижниками христианской монархии стирается на фоне их общего дела защиты родной земли:

По родимой по южной земле продвигаются танки,
И над ними, смотри, чьи-то тени, одетые в форму.
Это Симонов, Слуцкий, смотри же, а вот Левитанский,
Нам не сдожить без них, нам нужна эта вечная фора. <...>
Коммунисты, сегодня они, словно лики с иконы,
Отгоняют от нас вельзевуловых полчищ засилье.

Судьбы поэтов военной поры неотрывны от судеб сражающегося народа. Юрий Кублановский горько замечает:

Вот уж не думал,
что на старости лет
буду начинать утро
со сводок с фронта
и похожих на верлибры реляций.

Фронтные сводки для поэта звучат как стихи. Поэтому Игорь Караулов демонстративно заявляет: «Назову я молодых поэтов: // Моторола, Безлер, Мозговой», — все это герои сегодняшних сражений. Озвученная Карауловым идея жизнестроительства очень важна для понимания сути нашего времени. Она заключается в том, что поэт — это тот, кто делает произведение искусства прежде всего из своей жизни. То есть живет ярко, в высоком смысле красиво. Как бы к этой идее ни относиться, но она по своей сути модернистская. Она вдохновляла и организовывала художественную жизнь русского Серебряного века. Таким образом, эпоха модерна снова с нами. На самом деле модерн никуда не уходил. Просто после Первой мировой войны его креативный потенциал надорвался, пришла эпоха реакции, которая назвала себя постмодерном. Постмодернизм как философия и как эстетика исчерпал себя уже к концу XX века.

¹ Бек Т. Вместо вступления // Антология акмеизма: Стихи. Манифесты. Статьи. Заметки. Мемуары. — М., 1997. — С. 9.

Сегодня на наших глазах осыпаются его остатки. *И мы вновь обнаруживаем себя в модерне*, охотно и с удовольствием вспоминая его традиции, ощущая всей кожей прикосновение настоящей, не пластмассовой жизни. Этому восхитительному ощущению посвящены строчки Алисы Орловой в стихотворении «Русские голоса»:

Внезапно кончается чёрная полоса.
И в светящейся глубине, на дне большого и белого
арктического безмолвия начинают звучать русские голоса...
словно кто-то достал из серванта пыльный хрусталь
и накрыл на стол, и при этом украдкой всхлипывает:
ведь придут — не все...

Поэт разворачивает картину, делая участниками воображаемого застолья Достоевского с Пушкиным, Бродского, Лермонтова, Высоцкого... Очевидно, перед нами тот же русский мир — Богочеловечество. Поэтому закономерна концовка стихотворения:

Но звучат все громче, звучат все крепче — русские голоса.
И уже не гаснет Вечный огонь бессмертия.

Лирика «русской весны» преисполнена эсхатологическим (устремленным к конечным судьбам мира), апокалиптическим пафосом, свойственным русской мысли в ее тяготении к Царству Небесному. Этот пафос в полной мере проявился в культуре и искусстве Серебряного века. Так что и в этом отношении связь с модерном представляется очевидной.

В антологии наглядно выстраивается взаимосвязь современной поэзии с историей, преемственность с событиями прошлого. Поэт Игорь Малышев представил исторический диптих «1613—1943», в одной части которого лирическим субъектом выступает Иван Сусанин: «*Что, пан, хороши костромские леса? // Как смерть красна и как ночь ясна*». В другой части немецкий офицер говорит: «*После Наполеона, Чингисхана и всех Ажедмитриев // Какого чёрта мы вообще тут высадились?*» Так было в семнадцатом и двадцатом веке, так происходит и сейчас. У Игоря Малышева в стихах есть точная формула субстанциальности русского мира, то есть его подлинности — правды:

Здесь случается только то, чего не может не быть,
И то, что больше нигде не может случиться.

Предупреждая пацифистские разговоры о том, что война — это смерть, один из составителей антологии Олег Демидов в своем стихотворении философски замечает: «*Со смертью тут у нас не шутят, // Со смертью до смерти живут*». В отличие от легковесного западного мира, российские люди не забыли, что такое смерть, они живут с ней рядом. Понимание этого присутствия наполняет жизнь спокойным трагическим величием. Отсюда и секрет нашей непобедимости. Как пишет Игорь Малышев:

...И вдруг я понял: ничего не жаль,
Себя, остановившееся время,
Любви не знавшее крапивы дикой семя
И синюю неведомую даль. <...>
Шатается родимый Вавилон,
Останкино и Эйфелева башня.
Мы мясо злое, скифы, мокша — Рашка.
И ничего не жаль. Как глупый сон.

Эти стихи — суровое предупреждение против того, чтобы в войне подводить российский народ к так называемой «красной черте». Эсхатологически воспринимающие жизнь русские люди мало боятся перейти за эту черту. Ведь если в мире когда-то окажется слишком много зла, то беречь этот мир можно перестать.

* * *

Лирика антологии то и дело напоминает, что судьба военного противостояния, несмотря ни на что, решается людьми. Владимир Безденежных, с опорой на пастернаковский код, рисует прощание бойца с подругой: «*Рука лежала на плече, // Рука лежала...*» Следом поэт скупыми словами говорит о гибели бойца и о его подруге, пришедшей на передовую, чтобы отомстить:

Он повернулся, вышел в степь,
Весь вышел.
Вернуть вернулась — смерть за смерть —
Тот выстрел.
Лежи, дыши, не забывай,
Глаз вытри,
Тот распоследний красный май.
Твой выстрел.

Победа — будет. Но Поэт Вадим Месяц акцентирует внимание на непрерывной трагической стороне этой неизбежной победы:

Вчера началась война,
а нынче — конец войне.
Победой гудит страна:
она уже не по мне.
Забудь колокольный звон,
когда куличи красны,
а вспомни мертвецкий сон
на прелом боку весны.

Андрей Добрынин терпеливо и доходчиво разъясняет:

Тёплые, мягкие люди, нажми — и кровь потечёт,
Но это не просто люди, а боевой расчёт. <...>
Именно их движений слушается снаряд,
Который пришельцев из ада швыряет обратно в ад.
Тёплые, мягкие люди, братья и сыновья,
Спешат в железной колонне на берег небытия,
Чтоб там наконец решилось — жить нам или тонуть,
И ангелы-вертолёты им расчищают путь.

При этом в лирике «русской весны» постоянно прослеживается сакрализация или одушевление военной техники. У Анны Долгаревой: «*Бабушка крестила вертолеты, // троеспертым в воздухе крестила*». Вертолеты при этом отправляются «за реку Лету». По сути, это проявление неомифологизма, характерного для модерна и безосновательно приписываемого постмодерну. Так, вражеский вертолет у Андрея Добрынина — это «птица Рок». Поэтому, чтобы ее уничтожить, «*молитву прочтет стрелок*». Неомифологизм в антологии смыкается с религиозностью, и это тоже черта литературы модерна. Идущая война принимает образ войны за веру. Антон Шагин говорит про бойца: «*Из брони на нем — только крест*». Тогда как у Владимира Безденежных военное противостояние приобретает апокалиптическую окраску:

Смерти тот не боится,
Кто за родину встал.
Кровь — она не водица,
Это Божий напалм.
Только стоит пролиться,
И она будет жечь.
Мы — Господня десница,
Мы — Архангела меч.

Само название антологии «Воскресшие на Третьей мировой» — это формула из стихотворения поэта и священника Дмитрия Трибушного, сказавшего про воинов сегодняшних битв: «Зарытые в планету, как зерно // Для будущих счастливых поколений». Здесь в очередной раз использовано евангельски-достоевское «зерно, что, падши в землю, умрет и принесет много плода». Тема весны — русской весны, способствующей этому возрождению, проходит через всю антологию. В стихах Андрея Добрынина это звучит так:

Случаются года благие,
Когда весна приходит так.
Когда через войну приходит
То, что готовилось уже
И много месяцев — в природе,
И много лет — в людской душе.

Ту же тему развивает Иван Купреянов:

В генах скрыто много памяти —
Словно подо льдом весна.
Мы сегодня просыпаемся
От навязанного сна. <...>
Мы — потомки победителей.
Мы прорвёмся. Не впервой.

Что касается войны и мира, то Елена Заславская завершила поэму «Записки ветерана Апокалипсиса» такими словами:

...Я верю в жизнь после смерти.
И в мир после нашей победы!

Во взгляде поэта мир после победы — нашей победы — это мир постапокалиптический. Но в этом взгляде присутствует эсхатологический оптимизм. Мир после победы неизбежен как обновленная жизнь после смерти.

Из вышеприведенного следует, что военная лирика «русской весны» несет в себе многие признаки модернистского искусства. Во-первых, это убеждение в субстанциальности слова и его способности изменять (говоря языком модерна — «преобразовать») действительность. Во-вторых, это эсхатологизм, свойственный русскому сознанию и отчетливо проявившийся в литературе Серебряного века. В-третьих, фундаментальная религиозность, сочетающаяся с неомифологизмом; интуиция Божьего народа, в пределе — Богочеловечества. Не говоря уже об актуализации идеи жизнестроительства. Таким образом, постмодернистский кризис успешно преодолевается русской литературой. Она восстанавливает свою подорванную в 1960-е годы модернистскую идентичность. В этом заключается специфическое содержание военной лирики как литературного факта.

Ольга СВЕЧНИКОВА

ТИМУР ГУЛЯЕВ. ХУДОЖНИК ОДНОГО ТЕАТРА

Откуда берутся театральные художники? Мы, конечно, помним замечательных художников конца XIX — начала XX века, когда в России был расцвет театрального искусства. Сомов, Коровин, Врубель, Добужинский, Головин, Бенуа, Бакст, Судейкин и многие другие, будучи художниками — живописцами-станковистами, графиками, участвовали в оформлении спектаклей. То время ознаменовано щедрой фантазией, красочностью, богатством форм, привнесением в театр этнических мотивов, что формировало новые направления, которые в дальнейшем определяют пути развития как европейского, так и мирового театра. Театральные эскизы того времени — это самостоятельные произведения искусства. Театральные эксперименты 1920-х годов несли на себе отпечаток авангардизма, кубофутуризма, конструктивизма. Зазвучали такие имена, как Татлин, Лентулов, Экстер, Эрдман, Рынди́н. Это время отмечено поисками новых форм, борьбой театральных направлений, каждое из которых было представлено крупными художественными достижениями.

В наше время существуют специальные учебные заведения, в которых готовят специалистов в области театра. Однако такой специалист никогда не будет готов к работе без практики, без погружения в театр, без любви к нему. Возникает вопрос: как у человека появляется любовь к театру, не только интерес к «посмотреть» и «послушать», а желание самому стать участником процесса, творцом? Тем более интересно, как это возникает вдали от бурной столичной жизни. Давайте проследим этот путь на примере новосибирского театрального художника Тимура Гуляева.

* * *

Тимур Гуляев родился и вырос в Новосибирске. В 1994 году он поступает в Новосибирское государственное художественное училище. Сначала, как и многим, ему хотелось попасть на престижный факультет дизай́на, но в процессе экзаменов судьба направила Тимура на театрально-декорационное отделение (педагог В. А. Фатеев). И не напрасно. Уже во время учебы он участвует в

постановках театра им. Игоря Рыбалова в новосибирском Академгородке, придумывает костюмы и декорации к спектаклям «Тристан и Изольда», «Принцесса Турандот», «Красавец мужчина», исполняет песни, сочиняет музыку. Будучи студентом выпускного курса, он проходит практику в Новосибирском государственном театре оперы и балета, который впечатлил юного художника своими масштабами и возможностями. Сразу после окончания училища, в сентябре 1997 года, он был приглашен в этот коллектив на должность бутафора-макетчика. В театре в полной мере оценили его творческий потенциал и рабочие навыки. С этого времени началась долгая творческая деятельность нашего художника в театре.

Сначала он работал бутафором-макетчиком, потом бутафором-декоратором, художником-бутафором и старшим мастером бутафорной мастерской. В настоящее время Тимур Гуляев трудится в качестве художника-постановщика, художника по сценографии опер в малом зале новосибирского оперного театра. Творческий союз с главным режиссером НОВАТа Вячеславом Стародубцевым позволил создать на сцене целую плеяду красочных и добрых детских спектаклей, на которые с интересом ходят не только маленькие, но и взрослые любители оперы.

Тимур работал художником по сценографии детских спектаклей «Терем-Теремок», «Стойкий оловянный солдатик», «Красная Шапочка», «Кот в сапогах», «Мальш и Карлсон», «Буратино». Участвовал в оформлении спектаклей «Укрощение строптивой» в постановке режиссера Ирины Гаудасинской, «Дидона и Эней», «Волшебная флейта», «Дон Жуан». Он отметился в качестве художника-постановщика (сценография и костюмы) опер «Моцарт и Сальери», «Сказка про козлика», «Кашей Бессмертный», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», «Морозко», «Золотая рыбка». Художник возобновленного балета «Три поросенка». Кроме того, Тимур Гуляев — художник-постановщик спектакля «Теремок» в новосибирском кукольном театре, художник-сценограф мюзикла «Почталыон» во Дворце культуры железнодорожников г. Новосибирска. В 2023 году был отмечен специальным призом жюри новосибирской театральной премии «Парадиз» в номинации «Театр для детей».

Отдельная «опера» — театральные эскизы Тимура Гуляева к спектаклям. Это очень узнаваемая графика с авторским почерком, свежим взглядом на классические произведения, тщательно продуманным и творчески переработанным историческим дизайном костюмов и декораций. Театральная графика имеет свою специфику. Она должна передавать не просто изображения, а продуманные конструктивные решения, как будет выглядеть сцена в определенные моменты, как будет работать каждый ее участок. При этом отдельные эскизы часто представляют собой самостоятельные произведения, имеющие свою композицию, идею и цветовое решение. В современном театре такие эскизы не просто картинка, а изображения, которые используются для проекций по ходу спектакля как его неотъемлемая часть.

И не будем забывать про бутафорию. Во всех спектаклях, операх и балетах, подготовленных с участием Тимура Гуляева, мы наблюдаем потрясающие предметы искусства, созданные руками мастера и его коллег. Великолепное оружие и доспехи, которые и при ближайшем рассмотрении не выглядят бутафорскими, но сделаны по всем театральным правилам. Роскошная посуда, украшения, детали интерьеров, декораций, скульптуры, даже еда настолько мастерски изготовлена и расписана, что ее не отличить от настоящей.

Хочется упомянуть еще одну творческую сторону художника, составившего кукольную летопись новосибирского оперного театра. Однажды возникла идея украсить елку, традиционно устанавливаемую в фойе театра к новогодним праздникам, куклами, изображающими персонажей спектаклей. Во всех них угадывается рука мастера, его уникальный художественный подход. При этом в лицах и пластике кукол прослеживается потрясающее сходство с актерами-исполнителями.

Параллельно работе в театре Тимур пишет работы маслом на холсте. Еще со студенческих времен сложилась привычка делать иронические зарисовки, зарисовки-впечатления, которые впоследствии послужили основой для многих работ. Они возникали как отклик на любые яркие жизненные впечатления — услышанную музыку, прочитанные стихи, проплывающие в небе облака...

В целом его живопись можно отнести к жанру сюрреализма, когда на картине среди, казалось бы, обыкновенных вещей вырисовываются необыкновенные ситуации. Ранние работы сам мастер относит к серии «Чуждества». На одной («Кошкин сон») мы наблюдаем кота, уронившего крынку с молоком, которое превращается в реку. На другой («Бабушкины очки») — девушку, безмятежно лежащую на полянке и выдувающую мыльные пузыри из... очков! На картине «Соло для барабана» группа музыкантов с характерными лицами под дождем, а на барабанах им подыгрывает сам гром. Сюжет «Охота. (Брейгель, из ненаписанного)» представлен средневековыми охотниками, загнавшими зайца на сосну. В работах, относящихся к этому циклу, можно заметить портретное сходство персонажей с друзьями и коллегами, некоторые персонажи чем-то похожи и на самого автора. Совмещение сюрреалистического сюжета с ироничным портретом — характерная черта этих картин.

Особняком в творчестве художника стоит морской цикл «Плащ Посейдона». Вдохновляясь мастерами-маринистами, он увлеченно рисует бушующее море, от работы к работе оттачивая технику изображения морской стихии. Но, конечно, это не обычное море. Помимо экспрессии, каждое изображение моря имеет свою загадку. Предваряющая цикл тихая, мирная, скользкая по бушующим волнам «Улитка на склоне» навеивает мысли о чем-то вечном, парадоксально сосуществующем, прекрасном во всех проявлениях. Цикл включает ряд картин, объединенных темой Посейдона, где море — это ткань плаща могучего старика-повелителя, который волен спасти («Спасение»), погубить («Гибель») или дать надежду («Свеча Посейдона»). В каждом изображении своя история, свой колорит и настроение.

Самой необычной работой цикла стал триптих «Три моря», выполненный в соавторстве с Владимиром Скирдой и Игорем Букановым. Нашему мастеру принадлежит средняя часть произведения под названием «Среднее море» или «Караван». На картине изображен караван в пустыне, где верблюды ассоциируются с кораблями, а барханы — с волнами. Общая идея композиций — совмещение в одном произведении разных живописных стилей, объединенных сюрреалистическим видением и сдержанной цветовой гаммой.

Особо интересен философский цикл, включающий в себя несколько сюжетных линий. Картина «Отряд ракообразных», изображающая рыцарей в латах с текстом собственных стихов автора, похожа на иллюстрацию к старинной книге. «Пряха» представлена в нескольких вариантах. На ней изображена прекрасная девушка, пряжущая из небесного света нить, превращающуюся в дорогу, по которой идет путник. В «Балансирующих китах» представлен горный пейзаж,

в котором на пиках балансируют... киты! Для этого цикла характерна графичность, монохромность, коричнево-охристая гамма и полупрозрачное лессировочное письмо. По мере развития циклов сюжеты усложняются, появляется все большая глубина и возможность интерпретаций. Все художественные циклы будут иметь свое продолжение. Работа над каждым идет параллельно. Имеются новые творческие идеи и наброски.

Нельзя не упомянуть такую важную деятельность Тимура, как преподавание в альма-матер — Новосибирском государственном художественном училище. Все знания и умения он передает своим студентам, обучающимся на театральном отделении. У ребят есть потрясающая возможность с самого начала окунуться в театр, узнать его изнутри, получить не только теорию, но и практику, участвуя в оформлении настоящих, серьезных спектаклей под руководством своего наставника. Эта преемственность несет очень нужную нашему театру «свежую кровь» молодых разносторонне подготовленных специалистов.

Помимо всех заслуг и творческих успехов художника, хочется отметить искреннюю преданность Тимура Гуляева не только своему любимому делу, но и театру, в котором началась и продолжается его деятельность. В творческой копилке Тимура двадцать шесть сезонов оперного. Он принял участие в оформлении более ста постановок. Было изготовлено множество элементов декораций, бутафории, элементов костюмов, сценических объектов, решена масса художественных и технических задач. Художник-бутафор в театре не просто художник, а инженер-конструктор с навыками владения станками, инструментами, знанием современных материалов. Художник работает в тандеме с режиссером. Они совместно создают архитектуру спектакля. Поэтому для художника важно понимать режиссера, становиться его руками, а также быть умелым руководителем своего коллектива художников-бутафоров. Все эти достоинства мы имеем в лице нашего сегодняшнего героя.

АВТОРЫ НОМЕРА

Алмазов Борис Александрович родился в 1944 г. в Ленинграде. Окончил Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии. Прозаик, поэт, публицист, драматург, сценарист. С 2002 по 2018 г. — доцент кафедры связей с общественностью Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта. Живет в Санкт-Петербурге.

Берязев Владимир Алексеевич родился в 1959 г. в Прокопьевске. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор одиннадцати поэтических сборников, двадцати поэм и романа в стихах «Могота». Член Русского ПЕН-центра. Живет в Новосибирске.

Волков Сергей Вадимович родился в 1972 г. в Ленинграде. Публиковался в журналах «Звезда», «Нева», «Сибирские огни» и др. Автор книг стихов «На улице Бурцева», «Дорога к февралю», «Бересклет». Член Союза российских писателей. Живет в Санкт-Петербурге.

Гилёва Антонина Николаевна родилась в 1982 г. в Магадане. Окончила Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, Северный международный (сейчас Северо-Восточный государственный) университет, Высшие курсы сценаристов и режиссеров им. Г. Н. Даниели. Киносценарист, режиссер. Лауреат ряда литературных премий и конкурсов, в том числе международного сценарного конкурса «Новый взгляд» в 2017 г. Автор книги «Трудности выбора в маленьком городе».

Злобин Володя родился в 1990 г. в Новосибирске. Трудится разнорабочим. Лауреат премии журнала «Сибирские огни» (2017). Живет в Новосибирске.

Каршин Дмитрий родился в 1968 г. в Курске. Окончил филологический факультет и аспирантуру при кафедре русского языка Курского педагогического института. Сменил несколько профессий, в настоящее время безработный. Автор книги стихотворений «Из глины снов». Лауреат премии журнала «Сибирские огни». Живет в Курске.

Кондратенко Полина Игоревна родилась в 1996 г. в Санкт-Петербурге. Окончила аспирантуру Санкт-Петербургского государственного университета (направление «лингвистика»). Преполагает на кафедре немецкой филологии СПбГУ. Автор стихотворений и переводов, опубликованных в «Литературной газете», журналах «Prosōdia», «Перископ», «Рог Борея». Проживает в Гатчине.

Королев Константин Анатольевич родился в 1981 г. в Москве. Окончил языковую школу им. Сервантеса, затем факультет культурологии Государственной академии славянской культуры (ныне Институт славянской культуры Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина), позже — киношколу (мастерская Е. Муравлева). Трудился на телевидении телеоператором. Работал на Ближнем Востоке, в Афганистане, в Африке. С 2016 г. — режиссер монтажа. Публиковался в журналах «Восточный свет», «Юность».

Кузнецов Илья Владимирович родился в 1968 г. в Кемерове. Окончил филологический факультет Кемеровского государственного университета. Доктор филологических наук. С 1997 по 2013 г. преподавал в Новосибирском институте повышения квалификации и переподготовки работников образования. С 2014 г. профессор Новосибирского государственного театрального института. Автор трех монографий и линейки учебников по истории русской литературы для вузов, а также нескольких художественных изданий. Организатор и куратор сетевого просветительского проекта «Теоретическая история русской литературы». Живет в Новосибирске.

Откидычев Виктор Никитович родился в 1948 г. на Ставрополье. Окончил Ставропольское военное училище связи, Военную академию им. А. Ф. Можайского, командный факультет Военной академии им. Ф. Э. Дзержинского. Служил в Казахстане и Новосибирске. После увольнения в запас работал в компании «ЧЕТРА» (концерн «Тракторные заводы»). Публикуется впервые. Живет в Новосибирске.

Подгорнов Сергей Елизарович родился в 1956 г. в городе Анжеро-Судженске Кемеровской области. Окончил Дальневосточный государственный университет, отделение океанологии. Работал инженером-конструктором, корреспондентом газеты, инженером по охране труда. Ныне пенсионер. Печатался в журналах «Дальний Восток», «Огни Кузбасса», «День и ночь» и в коллективных сборниках. Издал две книги стихов и одну — прозы. Член Союза писателей России. Живет в Анжеро-Судженске.

Свечникова Ольга Анатольевна родилась в Новосибирске. Окончила Новосибирское государственное художественное училище (1997), Новосибирскую государственную архитектурно-художественную академию (2001). Керамист-монументалист, художник-реставратор (ГАУК НСО НГКМ), член Союза реставраторов России. Имеет публикации в специализированных изданиях.

СИБИРСКАЯ ГОРНИЦА

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630099, г. Новосибирск, ул. Чаплыгина, 25, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 21.06.2023. Дата выхода № 7 за 2023 г. в свет 20.07.2023.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 11,77. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.